

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

2018 ТОМ 10 № 4

DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-4

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Научный журнал

Издается с 2009 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61173 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор серии

С.А. Воронин, д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, директор Центра Исторической Экспертизы и Государственного Прогнозирования

Заместитель

главного редактора

Е.А. Попова, канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории РУДН

Ответственный секретарь

серии

А.А. Куделин, канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории РУДН

Члены редколлегии

Абтахи Бехруз, профессор университета имени шахида Бехешти (Иран), директор Научного представительства Ирана в России и странах Средней Азии

Абу аль-Хассан Мусса Бакри, профессор Каирского университета

Гвоздева И.А., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ

Дуткевич П., доктор философии, директор Центра государственного управления Университета Карлтона (Канада), действительный член Центра цивилизационных и региональных исследований РАН

Ларин Е.А., доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром латиноамериканских исследований Института всеобщей истории РАН

Пономаренко Л.В., доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, заместитель декана факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Родригес-Фернандес А.М., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Востока и Запада МПГУ

Смоленский Н.И., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой, новейшей истории и методологии МГОУ

Терзич С., профессор института истории Сербской Академии наук и искусств, посол Сербии в РФ

Хазанов А.М., доктор исторических наук, профессор Института Востоковедения РАН

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

2312-8127 (print); 2312-833X (online)

4 выпуска в год

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Включен в каталог периодических изданий Ульрих

(Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat.

Цели и тематика

Журнал Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история (Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история) – периодическое международное рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Целью журнала является распространение и апробация современных методов и новейших достижений исторической науки.

Журнал предназначен для публикаций результатов самостоятельных оригинальных научных исследований ученых в виде статей, обзорных материалов, научных сообщений, библиографических обзоров по определенным темам и научным направлениям.

Тематика публикаций в журнале охватывает все области изучения исторического процесса с древности до современности. В рамках журнала ключевое значение имеет проблематика, связанная с социально-политическим и культурным развитием мировых цивилизаций Востока и Запада с древности до сегодняшнего времени; также значительное внимание уделяется публикации исследований по проблемам стран Африки, Азии и Латинской Америки.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ: Отрасль науки: 07.00.00 Исторические науки и археология

Специальности: 07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода),

07.00.07 Этнография, этнология и антропология, 07.00.09 Историография, источниковедение и методы научного исследования, 07.00.15 История международных отношений и внешней политики.

Основные рубрики журнала: из истории исторической науки, идеи и политика в истории, восток-запад: диалог цивилизаций, античный мир, политическая история Востока и Запада, из истории ислама, из истории Китая, археологические исследования и др.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству специалистов, работающих в русле вышеуказанных направлений, по подготовке специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/world-history>.

Электронный адрес: histj@rudn.university.

Литературный редактор *К.В. Зенкин*

Компьютерная верстка: *Ю.А. Заикина*

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов

ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии серии «Всеобщая история»:

ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2, Москва, Россия, 117198

Тел.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.university

Подписано в печать 18.12.2018. Выход в свет 28.12.2018. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 7,80. Тираж 500 экз. Заказ № 1666. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2018

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY

2018 VOLUME 10 NUMBER 4

DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-4

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Scientific journal

Founded in 2009

Editor in Chief

S. Voronin, Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Head of the Chair of the World History of the Faculty of Humanities and Social Sciences at RUDN University, Head of Historical Examination and State Prognostication Centre

Deputy Editor

E. Popova, Ph.D. in History, Associate Professor of the Chair of the World History of the Faculty of Humanities and Social Sciences at RUDN University

Executive Secretary

A. Kudelin, Ph.D. in History, Assistant Professor of the Chair of the World History of the Faculty of Humanities and Social Sciences at RUDN University

Members of Editorial Board

Abtahi Behruz, Ph.D. in Science, Professor Shaheed Beheshti University (Iran), director of the Scientific Mission of Iran in Russia and Central Asia

Abu al Hassan Musa Bakri, Ph.D. in History, Professor of the Cairo University (Cairo, Egypt)

Gvozdeva I., Ph.D. in History, Associate Professor of the Chair of the Ancient History of History Faculty of Moscow State University

Dutkiewicz P., Ph.D. in Philosophy, Director of the Center of Public Administration Carleton University (Canada), member of Center for Civilization and Regional Studies, Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Sciences

Larin E., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor, Head of the Center for Latin American Studies of the Institute of General History of Russian Academy of Sciences

Ponomarenko L., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor of the Theory and History of International Relations Chair, Vice-Dean at International Affairs of the Faculty of Humanities and Social Sciences at RUDN University

Rodriguez-Fernandes A., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor, Head of the Chair of the modern and contemporary history of the Moscow State Pedagogical university

Smolenskiy N., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor, Head of the Chair of modern and contemporary history and methodology of the Moscow State Regional University

Terzich S., Ph.D. in History, Professor of the Institute of History of the Serbian Academy of Sciences and Arts, Serbia's Ambassador to the Russian Federation

Hazanov A., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor of the Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY
Published by Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, the Russian Federation

ISSN 2312-8127 (print); 2312-833X (online)

4 issues per year

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Languages: Russian, English, French, German, Spanish.

Materials of the Journal are placed on the platform of Russian Science Citation Index (eLIBRARY.RU),

Electronic Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat.

Aims and Scope

Rudn Journal of World History is a periodic peer-reviewed international scientific journal publishing articles and book reviews on World history. The goal of the journal is the dissemination and approbation of modern methods and the latest achievements of historical science.

Rudn Journal of World History is committed to the publication of original research covering a broad range of historical subjects and approaches from antiquity to modern times. The Journal has a special focus on socio-political and cultural development of Western and Eastern civilizations from Ancient Times to Modernity. It also focuses on actual problems of African, Asian and Latin American studies.

The list of branches of science and groups of specialties of scientists in accordance with the nomenclature of the Higher Attestation Commission of Russia: 07.00.00 – Historical science and Archeology.

Specialties: 07.00.03 World history (Relevant period), 07.00.07 Ethnography, Ethnology, Anthropology, 07.00.09 Historiography, Source study, Methods of historical research, 07.00.15 History of international relations and foreign policy.

General Journal Sections: History of historical science, Ideas and policy in history, East and West: the dialogue of civilizations, The Ancient world, Political history of East and West, Islamic studies, Chinese studies, Archeological studies etc. In addition to research articles, the journal also welcomes book reviews, conference reports and research project announcements. The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/world-history>.

E-mail: histj@rudn.university.

Review Editor *K.V. Zenkin*
Layout Designer *Yu.A. Zaikina*

Address of the editorial board:

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russia
Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of RUDN Journal of World History:

10/2 Miklukho-Makhlaya St., Moscow, 117198, Russia
Ph.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.university

Printing run 500 copies. Open price

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Peoples' Friendship University of Russia" (RUDN University)
6 Miklukho-Makhlaya St., Moscow, 117198, Russia

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russia
Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

© Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ ВОСТОКА

Кириллина С.А., Сафронова А.Л., Орлов В.В. Халифатизм в эпоху крушения Османской империи	327
Кобищанов Т.Ю. Бейрут под российским правлением. Часть 1. Канун оккупации (1772–1773)	338
Ибрагимов И.Э., Куделин А.А. Модели самоидентификации в Египте в межвоенный период (1919–1939 гг.)	355
Стрельцов А.Д. Восстание белых рабочих в Витваттерсранде 1922 г.: восприятие в британском общественном мнении	371
Ли На. Инициатива «один пояс, один путь» как новая модель сотрудничества КНР с Россией и странами Центральной Азии	382
Моисеева Е.Н. Особенности экономики КНР в период с 2000 по 2016 гг.: устойчивость экономического роста (Eng)	393

АНТИЧНЫЙ МИР

Гвоздева Т.Б. Великие Панафиней в греческой драматургии	403
--	-----

CONTENTS

ORIENTAL STUDIES

- Kirillina S.A., Safronova A.L., Orlov V.V.** Caliphatism in the period of decline and collapse of the Ottoman Empire 327
- Kobishchanov T.** Beirut under Russian rule. Part 1. The eve of the occupation (1772–1773) 338
- Ibragimov I.E., Kudelin A.A.** Models of Egypt’s self-identification in the inter-war period (1919–1939) 355
- Streltsov A.D.** Rand rebellion of 1922: the perception in British public opinion 371
- Li Na.** “One belt, one road” initiative as a new cooperation model of the PRC with Russia and Central Asia countries 382
- Moiseeva E.N.** Characteristics of Chinese economy in 2000–2016: economic growth sustainability 393

ANTIQUÉ WORLD

- Gvozdeva T.B.** Great Panathenaia in Greek drama 403

DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-4-327-337

Халифатизм в эпоху крушения Османской империи

С.А. Кириллина

Кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока
Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
Россия, 125009, Москва, ул. Моховая, 11, стр. 1

А.Л. Сафронова

Кафедра истории Южной Азии
Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
Россия, 125009, Москва, ул. Моховая, 11, стр. 1

В.В. Орлов

Кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока
Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
Россия, 125009, Москва, ул. Моховая, 11, стр. 1

Центр арабских и исламских исследований
Институт востоковедения РАН
Россия, 107031, Москва, ул. Рождественка, 12

Статья посвящена анализу исторической роли движения в защиту халифата, возникшего в разных уголках мусульманского мира в ответ на ослабление и крах Османской империи. В фокусе интереса авторов находятся развернувшиеся в 20–30-х годах XX столетия общественно-политические дискуссии о судьбах мусульманского единства и роли в них будущего халифата. Ретроспективно рассматривается трансформация представлений о халифате в трудах видных идеологов и политиков мусульманского мира – Джамал ад-Дина ал-Афгани, Абд ар-Рахмана ал-Кавакиби, Мухаммада Рашида Риды, Абул Калама Азада. Статья знакомит с историей халифатистских конгрессов и конференций 20–30-х годов XX в. Отдельно изучены цели и задачи халифатистского движения среди мусульман Южной Азии. Показана реакция княжеской элиты Южной Азии на ослабление Османского государства. Установлена взаимосвязь между проосманскими настроениями халифатистов и радикализацией антиколониальной борьбы в среде индийских мусульман. В частности, авторы анализируют место вождей индийских халифатистов в подготовке антибританских восстаний на северо-западе Индостана. Одновременно рассмотрены общие и специфические черты воззрений и политических действий представителей халифатизма на Ближнем Востоке и среди мусульман Южной Азии. Анализ источниковых данных позволяет вы-

явить различные модели реакции мусульман Ближнего Востока, Северной Африки и Южной Азии на упразднение османского халифата республиканским руководством Турции.

Ключевые слова: халифат, Османская империя, первая мировая война, Мусульманская лига, халифатистский конгресс

Введение

Распад Османской империи на завершающем этапе Первой мировой войны сыграл решающую роль в превращении халифата (1) Османов в фиктивный институт. В марте 1924 г. парламент и правительство Турции официально упразднили его и, начиная с этого времени, понятие халифата утратило связь с политической реальностью мусульманских стран и территорий.

Решительный поступок Мустафы Кемаля Ататюрка (1923–1938) вызвал бурную и неоднозначную реакцию во всех землях мусульманской ойкумены. Желание защитить халифат как важный элемент самоидентификации общины, возродить его вне османского культурного ареала, придать ему функции религиозно-политической скрепы, теоретически доказать необходимость его существования проявлялось у мусульманских интеллектуалов и политических деятелей в течение последующих десятилетий. Фактором развития халифатистских идей также стали стереотипы антиколониального сопротивления, связывавшие халифат с самоуправлением мусульман, а его крушение – с моральной победой «неверного» Запада над мусульманским населением афроазиатского мира.

Исследование проблемы

В ближневосточных политических и теологических кругах отмена халифата послужила импульсом к новым оживленным дискуссиям вокруг проблемы мусульманского единства и роли возрожденного халифата в его восстановлении. Эта тема стала предметом общественного интереса еще на стыке XIX и XX столетий. Так, среди лидеров реформаторского движения «Новых османов» (2) преобладало представление об исламе и халифате как фундаментальных основах османской государственности, а упадок империи они трактовали как результат пренебрежения нормами шариата.

Халифат занимал важное место в размышлениях видного ближневосточного философа и теолога Джамал ад-Дина ал-Афгани (1839–1897), тем более что он неизменно подчеркивал в своих трудах важность социального мира и гармонии в единой мусульманской общине. Полагая, что религиозную и племенную рознь можно преодолеть путем патриотического воспитания, Джамал ад-Дин ал-Афгани подчеркивал особую значимость исламского принципа совещания халифа с общиной (*аш-шура*) и подвергал критике выступления

единоверцев против исламских правителей [9. Р. 399]. В то же время интеллектуальная атмосфера Арабского Возрождения (*ан-Нахда*) породила у арабских идеологов интерес к проблеме «арабской независимости»: не отвергая панисламистские взгляды, они стали приближаться к идеям национального характера.

Но, пожалуй, наиболее развернутая халифатистская концепция на Ближнем Востоке была сформулирована сирийским идеологом Абд ар-Рахманом ал-Кавакиби (1855–1902). В его труде «Умм ал-кура» (Мать городов) присутствует развернутая критика османского деспотизма, разоблачения национальной политики султана в отношении арабских провинций (*вилайетов*) подвластной ему империи [2. С. 252].

Выявляя причины социально-политического упадка мусульманского мира, для которого, по мнению ал-Кавакиби, ислам перестал быть живительной силой, он подвергал критике официально признанный османским режимом ислам [14. Р. 108]. При этом идеолог выделял арабов из семьи мусульманских народов и утверждал, что объединение мусульманского Востока и обновление халифата – это их миссия, коль скоро ислам зародился в их среде. Особую роль при этом он отводил жителям Аравийского полуострова как региона, расположенного в сердце исламского мира, и места сосредоточения главных исламских святынь (3).

Возникшее и возросшее в ближневосточной интеллектуальной среде желание защитить, возродить и усовершенствовать институт халифата уже после Первой мировой войны отразил в своем творчестве ученик, соратник и биограф выдающегося исламского реформатора Мухаммада Абдо (1849–1905), основатель и главный редактор рупора идей исламского обновления – журнала «ал-Манар» («Маяк») Мухаммад Рашид Рида (1865–1935). Размышляя о будущем халифата, он выступил с опровержением его османской трактовки и, как и ал-Кавакиби, подчеркивал преимущества арабов перед турками в деле его возрождения. В своем программном трактате «Халифат, или Верховный имамат», который увидел свет в 1922 г. [4], он объявил о необходимости восстановить «подлинную» концепцию халифата и показать преимущества этого института перед другими формами правления. В послевоенной политической ситуации, когда упразднение халифата казалось неизбежным, Мухаммад Рашид Рида предложил нестандартное решение, согласно которому халифат должен быть восстановлен постепенно, начиная с признания за халифом духовной власти.

Критерии, которым должен был отвечать претендент на халифское звание, какими их видел Рида, не выходили за рамки представлений классического исламского права. Халифом вместо османского султана должен был избираться курайшит, лично свободный, отважный, физически полноценный, обладающий чертами высокоморальной личности, способный к *иджтихаду* (4) и т.д. Однако, в отличие от теологов и правоведов Средневековья, Мухаммад Рашид Рида признавал необходимость ограничения действий халифа волей выбор-

щиков – представителей общины (*уммы*), обладающих правом его избрания, вождей, пользующихся уважением и доверием большинства мусульман, в том числе авторитетных членов религиозной элиты – *улама* (5). Представители уммы, по мнению Риды, обладали правом переизбрать халифа, если он выступает против них или нарушает своими действиями нормы шариата [10. Р. 165]. Более того, как полагал мыслитель, община обязана устранивать халифа в случае, если он заставляет ее членов делать то, что незаконно. Таким образом, для Рашида Риды институт халифата олицетворял исполнительную власть в форме контроля над соответствием практической политики государства нормативам мусульманского права, а халиф уподоблялся Папе Римскому как своеобразный духовный координатор действий единоверцев в различных частях мира ислама [8. Р. 276].

Глубоко аргументированное и интеллектуально значительное богословское исследование Мухаммада Рашида Риды, по мнению историков и правоведов, явилось последней серьезной попыткой возродить классическую концепцию халифата в ее наиболее полном виде и представить теоретико-религиозные аргументы для обоснования возврата к исламской форме правления [5. С. 145–146]. Эти идеи и устремления не давали, однако, гарантии возрождения, поскольку были слабо подкреплены в финансовом и политическом плане.

В мае 1926 г. в Каире под председательством ректора ал-Азхара состоялся Халифатистский конгресс, на котором присутствовали представители различных частей мира ислама (6). В обращении, принятом конгрессом, содержался призыв бороться за установление халифата, но воззвание носило расплывчатый характер. Позже проблеме восстановления халифата были посвящены две конференции, состоявшиеся в Мекке в 1926 г. и в Иерусалиме в 1931 г. Надежды мусульман Ближнего Востока возлагались прежде всего на самую значительную фигуру в ряду хиджазских шерифов – Хусайна ибн Али ал-Хашими (ок. 1854–1931; шериф Мекки – 1908–1916 гг.; первый король Хиджаза – 1916–1924 гг.), а впоследствии – и на ваххабитского правителя Абд ал-Азиза (Ибн Сауда) (1880–1953; эмир Неджда – 1902–1926 гг.; король Неджда и Хиджаза – 1926–1932 гг.; первый король Саудовской Аравии – 1932–1953 гг.). Однако все попытки возродить халифат оказались безуспешными.

Иное измерение идей и движений в защиту халифата дает история Южной Азии. Здесь халифатизм как течение общественной мысли зародился в недрах Мусульманской лиги, которая была создана в 1906 г. как организация, призванная представлять интересы многомиллионной мусульманской общины на общеиндийском уровне. Накануне и в годы Первой мировой войны в Мусульманской лиге возобладали леворадикальное крыло в лице его ведущих идеологов, таких как Абул Калам Азад, Номани Шибли, Мухаммад и Шаукат Али, Зафар Али-хан, впоследствии расподобившихся со своей политической организацией. Формирование радикального направления в Лиге сопровождалось растущим интересом к религии, что вылилось в распространение ценностей панисламизма и халифатизма.

Маулана (7) Абул Калам Азад (1888–1958), крупнейший представитель нового поколения деятелей Лиги, впоследствии видный конгрессист, сподвижник Дж. Неру и М.К. Ганди, сторонник единой и неделимой Индии, начал свой политический путь как халифатист [7]. Сами обстоятельства его жизни предопределили его интерес к исламу и Ближнему Востоку: он родился в Мекке, где провел первые семь лет своей жизни, обучался в ал-Азхаре, много путешествовал по арабским странам, бывал в Турции и Иране, слыл экспертом в арабской и персидской литературе, прекрасно ориентировался в учении и истории ислама (8). Дж. Неру, с уважением относившийся к А.К. Азаду, так оценил его участие в халифатистском движении: «Впитав традиции ислама и обладая многочисленными личными связями с видными мусульманскими вождями и реформаторами Египта, Турции, Сирии, Палестины, Ирака и Ирана, он находился под сильным влиянием политического и культурного развития в этих странах. Благодаря своим произведениям, он был известен в странах ислама, вероятно, больше, нежели любой другой индийский мусульманин» [3. С. 105]. Особое влияние на него оказали взгляды лидера и идеолога исламского реформаторского движения в Египте Мухаммада Абдо.

Абул Калам Азад справедливо считался одним из крупнейших мусульманских религиозных философов в Южной Азии. Ему принадлежит перевод Корана на язык урду («Тарджуман ал-Коран»), который он сопровождал пространными комментариями. Современники по праву называли его «теоретиком халифатистского движения», поскольку он (так же, как и его ближневосточные коллеги) видел своей задачей примирение сторонников и противников халифата. Но, в отличие от арабских мыслителей, он стремился создать неоспоримую систему аргументов, доказывающих легитимность прав османского султана на звание халифа. «Согласно нормам шариата, мусульмане должны иметь халифа и имама. Халифом является тот независимый мусульманский правитель, который способен защитить мусульман и их земли от поползновений врагов ислама и утвердить в них исламские законы. Таким правителем является турецкий султан», – так кратко и четко Абул Калам Азад сформулировал свои умозаключения, касающиеся теологической дискуссии о правах на халифат [6].

В годы Первой мировой войны халифатистское движение под панисламистскими лозунгами расширило свою социальную базу – к нему присоединялись как представители средних городских слоев, так и мусульмане – жители сельской местности. Еще до войны, в 1913 г., в Индии было создано панисламистское общество «Худдам-и Кааба» (Слуги Каабы), целью которого было сохранение в неприкосновенности Мекки, Медины и Иерусалима. По всей Индии проходили собрания и митинги, на которых выражалась поддержка политике османского государства и собирались средства в фонд помощи султану-халифу. Проосманские настроения халифатистов в целом способствовали радикализации антибританской деятельности в среде индийских мусульман.

В итоге «новое поколение» вождей халифатистов (Абул Калам Азад, братья Мухаммад и Шаукат Али и др.), пользуясь религиозной окраской движения как прикрытием, поддержало «Заговор шелковых писем» – проект подготовки вооруженного антианглийского восстания среди пуштунских племен при содействии Германии и Афганистана. Этот проект был разработан в недрах Деобандского *дар ул-улама* (9) под руководством его главы Махмуда ал-Хасана и его сподвижника Убайдуллы Синдхи. В августе 1915 г. Синдхи направился в Кабул по поручению Махмуда ал-Хасана с целью убедить афганского эмира Хабибуллу поддержать Османов. Сам же ал-Хасан поехал в Мекку, чтобы заручиться поддержкой мусульман Ближнего Востока. Халифатисты Мухаммад и Шаукат Али оказали заговору финансовую поддержку. Деятель Мусульманской лиги Чоудхури Халикуззаман вспоминал, что после вступления Османской империи в войну братья Али отправились в зону расселения пуштунских племен на северо-западе Индостана и призывали их к вооруженной борьбе против Великобритании [11. Р. 30–32] (10).

В конце 1918 г. одно из писем заговорщиков-панисламистов, написанное на куске шелковой материи, попало в руки британских спецслужб. Заговор был раскрыт, одних его участников казнили, других приговорили к пожизненному заключению. Махмуд ал-Хасан, выданный англичанам шерифскими властями Мекки, был выслан на Мальту. Лидеры радикальной халифатистской интеллигенции были изолированы еще раньше. Абул Калам Азад вел последовательную антибританскую агитацию в возглавляемом им журнале «ал-Хилал» («Полумесяц»). За это вскоре после начала войны он был посажен в тюрьму, где провел четыре года (до конца 1919 г.). Мухаммад и Шаукат Али также находились под арестом после поездки в пуштунские районы в 1915 г.

Несмотря на эти обстоятельства, халифатистское движение в Британской Индии усилилось после нападения Англии на Афганистан в 1919 г. и расчленения территорий Османской империи по Севрскому договору 1920 г. Эти события вызвали в Индии новую волну опасений по поводу судьбы халифа как главы суннитов и хранителя мусульманских святынь. Они стали основой для формирования движения в защиту халифа от нападков Великобритании и держав Антанты в целом. В сентябре 1919 г. в Лакхнау состоялась первая общеиндийская халифатистская конференция, на которой было принято решение о создании Всеиндийского халифатистского комитета.

Заключение

Упразднение халифата Великим национальным собранием Турции в 1924 г. предопределило судьбу идей и движений, основанных на его защите. В арабском мире в 1925 г. возникла новая, радикальная теория исламского государства, выдвинутая шейхом мусульманского университета ал-Азхар Али Абд ар-Разиком (1888–1966). Абд ар-Разик отстаивал тезис о том, что халифат не оправдывается ни Кораном, ни Сунной, а шариат не содержит норм или

принципов, требующих его как обязательной формы правления. Упразднение халифата сказалось на его оценке в Южной Азии. Как свидетельствовал Дж. Неру, «Ататюрк частично разрушил те воздушные замки, которые шаг за шагом воздвигали себе индийские мусульмане с самых дней восстания 1857 года ... Старый панисламистский идеал потерял всякое значение; халифата не существовало, и каждая мусульманская страна, а больше всех Турция, со всей страстью занималась своими национальными проблемами, мало интересуясь судьбой других мусульманских народов» [3. С. 110–111].

Неожиданная реакция на упразднение халифата последовала со стороны низама Хайдарабада – Османа Али-хана. В 1924 г. этот могущественный мусульманский князь, который возводил свой род к первому праведному халифу Абу Бакру ас-Сиддику (ок. 572–634) [13. Р. 135], решил возложить миссию верховного главы мусульман-суннитов на свои собственные плечи. При этом бракосочетание своего старшего сына и наследника с дочерью низложенного турецкого халифа низам рассматривал в качестве первого шага, ведущего к осуществлению своего амбициозного плана. Хайдарабадский двор пристально следил за событиями в Мекке, связанными с созывом Конгресса паломников и ожидавшимся провозглашением халифом мекканского шерифа Хусайна. Низам и наваб Рампура были приглашены в Мекку для участия в конгрессе. Однако их планы не реализовались: в 1925 г. саудовские отряды изгнали Хусайна из Мекки и тем самым покончили с надеждами Хашимитов на халифский статус [12. Р. 85].

В целом ликвидация османского халифата по-новому поставила в мусульманском мире вопрос о контурах идеи мусульманской общности. Здесь, как представляется, наблюдается сущностная переключка между ближневосточным и южноазиатским ареалами мусульманской ойкумены. В 20–30-е годы XX в. в арабских интеллектуальных кругах приобретала все более четкие контуры дихотомия понятий «единого отечества от Океана до Залива», понимаемого как общее территориальное и национально-культурное пространство (*ал-ватан*), и «странового государства», осознанного как реально действующая политико-государственная часть мирового сообщества (*ал-кутр*). При этом страновое государство воспринималось как закономерный итог европейской колониальной экспансии. В те же годы один из наиболее ярких мыслителей Южной Азии XX в. – философ Мухаммад Икбал (1877–1938) уподоблял ислам Лиге наций, признающих искусственные границы и расовые различия только для удобства общения. В национализме же он видел идеологическое орудие Запада, призванное способствовать европейской экспансии и подрыву религиозного единства мусульман.

© Кириллина С.А., Сафронова А.Л., Орлов В.В., 2018

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Халифат (араб. *ал-хилафа*) – государство, возглавляемое халифом. Халиф – первоначально титул светского и духовного главы арабского государства, позже – титул правителя, претендовавшего на роль главы мусульманского мира.
- (2) «Новые османь» – участники реформаторского движения в Османской империи второй половины XIX в., выступавшие на установление конституционного строя. Тайная политическая организации «Общество новых османов» была основана в 1865 г. в Стамбуле представителями турецкой интеллигенции (Намык Кемаль, Абдул-Хамид Зия-бей, Али Суави и др.).
- (3) Ал-Кавакиби делал особый акцент на значимости Хиджаза для исламской истории, как места, «где возжегся свет ислама», мусульман-аравитян как «фундамента сплочения всех последователей ислама» и арабского языка как языка Корана, на котором говорят «300 миллионов человек» [1. С. 193–195].
- (4) *Иджтихад* – деятельность богослова в изучении и решении вопросов богословско-правового комплекса, а также система принципов, аргументов, методов и приемов, используемых им при исследовании богословско-правовых источников.
- (5) *Улама* (ед. ч. *алим*) – мусульманские теологи, хранители религиозной традиции, блюстители канонического права.
- (6) Однако на Халифатистском конгрессе в Каире не были представлены мусульмане Турции, Ирана, Афганистана, Индии, а также жители Хиджаза и Неджда.
- (7) *Маулана* (араб. букв. наш господин) – титул мусульманских ученых-богословов, принятый среди последователей ислама в Южной Азии.
- (8) Деятельность А.К. Азада не осталась незамеченной на Ближнем Востоке: в Каире в 1992 г. был открыт индийско-египетский культурный центр, носящий его имя (Maulana Abul Kalam Azad Center for Indian Culture in Egypt).
- (9) *Дар ул-улум* (араб. букв. дом наук) – высшее мусульманское учебное заведение, созданное в г. Деобанде в 1867 г. улама-ханифитами, центр консервативной исламской общественной мысли в Южной Азии.
- (10) Автор этой книги, первый председатель Всепакистанской мусульманской лиги, также был активным сторонником панисламистских идей и выступал с проектом создания федерации мусульманских стран – Исламистана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Ал-Кавакиби Абд ар-Рахман*. Умм ал-кура ли-с-сайид ал-Фурати ва хува дабт муфавадат ва мукаррарат му'тамар ан-нахда ал-исламийа ал-мун'акид фи Макка ал-мукаррама санат 1316 (Мать городов господина ал-Фурати: протоколы переговоров и постановлений конгресса исламского возрождения состоявшегося в благородной Мекке в 1316 г. по хиджре). Каир: Ал-Матба'а ал-мисрийа би-л-Азхар, 1350 г. х. (1931). 217 с.
- [2] *Котлов Л.Н.* Становление национально-освободительного движения на Арабском Востоке (середина XIX – 1908 г.). М.: Наука, 1975. 324 с.
- [3] *Неру Дж.* Открытие Индии. Пер. с англ. Книга вторая. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1989. 507 с.
- [4] *Рида Мухаммад Рашид*. Ал-Хилафа ау ал-Имама ал-узма (Халифат, или Верховный имамат). Каир: Ал-Матба'а ал-джадида, 1975. 246 с.

- [5] Сюкияйнен Л.Р. Исламская концепция халифата: исходные начала и современная интерпретация // Ислам в современном мире. 2016. Т. 12. № 3. С. 139–154.
- [6] Alavi H. Ironies of History: Contradictions of Khilafat Movement // <http://ourworld.compuserve.com/homepages/sangat/hamza.htm>
- [7] Douglas I.H. Abul Kalam Azad: An Intellectual and Religious Biography. New Delhi: Oxford University Press, 1993. 428 p.
- [8] Haddad M. Arab Religious Nationalism in the Colonial Era: Rereading Rashid Rida's Ideas on the Caliphate // Journal of the American Oriental Society. 1997. Vol. 117. № 2. P. 253–277.
- [9] Keddie N. Sayyid Jamal ad-Din al Afghani. A Political Biography. Berkeley: University of California Press, 1972. 479 p.
- [10] Kerr M.H. Islamic Reform: The Political and Legal Theories of Muhammad Abduh and Rashid Rida. Berkeley–Los Angeles: University of California Press, 1966. 249 p.
- [11] Khaliquzzaman Ch. Pathway to Pakistan. Lahore: Longmans, 1961. 432 p.
- [12] Kramer M. Islam Assembled. The Advent of the Muslim Congresses. New York: Columbia University Press, 1986. 250 p.
- [13] Ramusack B.N. The Indian Princes and their States. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 328 p.
- [14] Weismann I. Abd al-Rahman al-Kawakibi: Islamic Reform and Arab Revival. L.: Oneworld, 2015. 140 p.

REFERENCES

- [1] Al-Kawakibi, Abd al-Rahman. Umm al-kura li al-sayyid al-Furati wa huwa dabt mufawadat wa muqarrarat mu'tamar al-nahda al-islamiyya al-mun'aqid fi Makka al-mukarrama sanat 1316 [The Mother of Cities by Mister al-Furati: Records of Negotiations and Decrees of the Congress of Islamic Revival, which Took Place in Noble Mekka in Year 1316 According to Hijra]. Cairo: Al-Matba'a al-misriyya bi al-Azhar, 1350 h (1931 m). 217 p.
- [2] Kotlov L.N. Stanovlenie natsional'no-osvoboditel'nogo dvizhenia na Arabskom Vostoke (seredina XIX – 1908) [The Emergence of National Liberation Movement in the Arab East (mid-19th Century – 1908)]. Moscow: Nauka, 1975. 324 p.
- [3] Nehru J. Otkrytie Indii [The Discovery of India]. Transl. from English. Book Two. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1989. 507 p.
- [4] Rida Muhammad Rashid. Al-Khilafa, aw al-Imama al-'uzma [The Caliphate, or the Great Imamate]. Cairo: Al-Matba'a al-jadida, 1975. 246 p.
- [5] Syukiyaynen L.R. Islamskaya kontseptsiya halifata: ishodnye nachala i sovremennaya interpretatsiya [Islamic Concept of the Caliphate: Fundamentals and Contemporary Interpretation]. Islam v sovremennom mire. 2016. Т. 12. № 3. P. 139–154.
- [6] Alavi H. Ironies of History: Contradictions of Khilafat Movement. <http://ourworld.compuserve.com/homepages/sangat/hamza.htm>.
- [7] Douglas I.H. Abul Kalam Azad: An Intellectual and Religious Biography. New Delhi: Oxford University Press, 1993. 428 p.
- [8] Haddad M. Arab Religious Nationalism in the Colonial Era: Rereading Rashid Rida's Ideas on the Caliphate. Journal of the American Oriental Society. 1997. Vol. 117. № 2. P. 253–277.

- [9] Keddie N. Sayyid Jamal ad-Din al Afghani. A Political Biography. Berkeley: University of California Press, 1972. 479 p.
- [10] Kerr M.H. Islamic Reform: The Political and Legal Theories of Muhammad Abduh and Rashid Rida. Berkeley–Los Angeles: University of California Press, 1966. 249 p.
- [11] Khaliqzaman Ch. Pathway to Pakistan. Lahore: Longmans, 1961. 432 p.
- [12] Kramer M. Islam Assembled. The Advent of the Muslim Congresses. New York: Columbia University Press, 1986. 250 p.
- [13] Ramusack B.N. The Indian Princes and their States. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 328 p.
- [14] Weismann I. Abd al-Rahman al-Kawakibi: Islamic Reform and Arab Revival. L.: Oneworld, 2015. 140 p.

Caliphatism in the period of decline and collapse of the Ottoman Empire

S.A. Kirillina

Department of Near and Middle Eastern History
Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University
11 Mohovaya St., bldg. 1, Moscow, 125009, Russia

A.L. Safronova

Department of South Asian History
Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University
11 Mohovaya St., bldg. 1, Moscow, 125009, Russia

V.V. Orlov

Department of Near and Middle Eastern History
Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University
11 Mohovaya St., bldg. 1, Moscow, 125009, Russia

Centre for Arab and Islamic Studies
Institute of Oriental Studies RAS
12 Rozhdestvenka St., Moscow, 107031, Russia

The article analyses the historical role of the movement for defence of the Caliphate, which emerged in various regions of the Muslim world as a response to weakening and fall of the Ottoman Empire. The authors also focus on the social and political discussions of the 1920s – 1930s about the destiny of Muslim unity and the role of the future Caliphate. The article also deals with the transformation of conceptions of the Caliphate in the works of eminent ideologists and politicians of the Muslim world – Jamal al-Din al-Afghani, Abd

al-Rahman al-Kawakibi, Muhammad Rashid Rida and Abul Kalam Azad. The authors give an overview of the history of Caliphatic congresses and conferences of 1920s – 1930s. The aims and tasks of the Caliphatic movement among the Muslims of South Asia are also under study. The article examines the reaction of the South Asian princely elites to the weakening of the Ottoman state and explores the interrelation between pro-Ottoman sentiments of Caliphaticists and the radicalization of anti-colonial struggle of Indian Muslims. A special attention is given to the role of leaders of Indian Caliphaticists in preparation of the anti-British uprisings in North-Western Hindustan. The authors also examine common and specific features of views and political actions of advocates and supporters of the Caliphate in the Middle East and in the Islamic communities of South Asia. The analysis of the source data reveals several patterns of reaction of Muslims in the Middle East, North Africa and South Asia to the repudiation of the Caliphate by the Republican Turkey.

Информация об авторах / Information about the authors

Кириллина Светлана Алексеевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока, Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Svetlana A. Kirillina, D. Sc. (History), Professor, Department of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University

E-mail: s.kirillina@gmail.com

Сафронова Александра Львовна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории Южной Азии, Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.

Alexandra L. Safronova, D. Sc. (History), Professor, Head of Department of South Asian History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University

E-mail: al-safr@yandex.ru

Орлов Владимир Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока, Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН.

Vladimir V.Orlov, D. Sc. (History), Professor, Department of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University; Senior Research Fellow, Centre of Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

E-mail: alsavlor@post.ru

Для цитирования / For citations

Кириллина С.А., Сафронова А.Л., Орлов В.В. Халифатизм в эпоху крушения Османской империи // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история*. 2018. Т. 10 № 4. С. 327–337. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-4-327-337

Kirillina S.A., Safronova A.L., Orlov V.V. Caliphatism in the period of decline and collapse of the Ottoman Empire. *RUDN Journal of World History*. 2018. 10(4): 327–337. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-4-327-337

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 17.09.2018

DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-4-338-354

Бейрут под российским правлением Часть 1. Канун оккупации (1772–1773)

Т.Ю. Кобищанов

Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова
Россия, 125009, Москва, ул. Моховая, 11

В ходе русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Россия стала первой европейской державой, которая в новое время вторглась на Ближний Восток и даже на короткий период заняла часть его территории: г. Бейрут. События, предшествовавшие штурму и захвату города, а также происходившие во время оккупации, были зафиксированы как местными летописцами, так и российскими офицерами; нашли отражение они и в письмах арабских правителей и донесениях находившихся в Сирии дипломатов. В результате вырисовывается объемная картина общества, впервые столкнувшегося с колониальной экспансией модернизированной Европы.

Первая часть представленной статьи посвящена анализу общественно-политической ситуации в регионе в канун появления у сирийских берегов российской эскадры. Отдельное внимание уделяется положению в Бейруте до и во время первого штурма города в июне 1772 г., а также последовавшему изменению баланса сил в Ливане.

Ключевые слова: Бейрут, Сирия, Архипелагская экспедиция, Йусуф Шихаб, Дахир аль-Умар

Введение

Два штурма Бейрута, предпринятые российскими военными эскадрами в 1772 и 1773 гг., и последовавшая кратковременная оккупация города расцениваются многими историками как первое проявление европейской военно-дипломатической экспансии на Ближний Восток, предвестник наступавшей колониальной эпохи. Однако подобный взгляд представляется слишком упрощенным, вдобавок не учитывающим логику развития региона во второй половине XVIII в.

Ко времени появления кораблей под Андреевским флагом Бейрут уже ощутил первые порывы ветров перемен, определивших последующий взлет и превращение в крупнейший порт Леванта, его торгово-экономический и политический центр, а затем и в столицу независимого государства.

В первой половине XVIII в. Османской империи еще удавалось с огромным напряжением ресурсов на равных вести войны с соседними Австрийской

и Российской империями, но внутреннее ее положение ухудшалось от десятилетия к десятилетию. Территории, находившиеся под прямым управлением Высокой Порты – Османского правительства – сжимались как шагреновая кожа. Смирившись с автономией Магриба и утратив возможность полноценно контролировать события в Египте и Ираке, Порта рассматривала Сирию как последний рубеж на пути дезинтеграции юго-восточной части империи.

В Сирии основное внимание османской администрации было приковано к отражению угрозы со стороны кочевников, воспользовавшихся упадком центральной власти, чтобы нарастить давление из внутренних пустынных районов на Плодородный полумесяц. Тем временем в прибрежных областях происходило усиление местных феодальных правителей, не включенных в официальную административную иерархию. Укрепляя свои позиции, эти лидеры формировали собственные вооруженные силы, а средства на них получали, в частности, активно развивая экономические связи с Европой. В приморские города Сирии, Палестину, Ливан, Алеппо проникало все больше европейских предпринимателей, а параллельно с ними миссионеров, дипломатов, шпионов и путешественников. В этой связи бейрутские события 1772–1774 гг. следует рассматривать не столько как локальную операцию ограниченных военно-морских сил российского флота на второстепенном театре боевых действий, сколько как первую пробу реакции традиционного ближневосточного общества на примеряющуюся к колониальным захватам Европу: в диапазоне от вооруженного противостояния до коллаборационизма.

Исследование проблемы

Середину XVIII столетия Бейрут встретил небольшим приморским городом, прозябавшим рядом с более успешными соседями. На 300-километровом участке сирийского побережья от Яффы до Триполи сосредоточилось семь морских портов, не считая Латакии и Искандеруна, находившихся немного севернее. Конкурировать Бейруту было сложно: часть его рейда была засыпана еще в XVII в. по приказу ливанского эмира Фахр ад-Дина Ма‘ана (1572–1635), пытавшегося таким образом закрыть гавань для османских военных кораблей [27. Р. 93] (1). В результате в мелководном бейрутском порту могли швартоваться лишь суда с неглубокой осадкой.

В административном отношении Бейрут, включенный первоначально в состав Дамасской, а затем – Сайдской провинции, периодически отдавался османскими властями на откуп одному из местных феодалов. В середине XVIII столетия свои притязания на него предъявили представители династии Шихабов, суннитских эмиров Горного Ливана. В 1749 г. эмиру Мульхиму Шихабу (1732–1753 гг.) удалось в результате провокации получить Бейрут в качестве налогового откупа [23. Р. 118–119]. В этом же городе тяжелобольной, потерявший власть Мульхим прожил до своей смерти в 1759 г.

Овладев Бейрутом, эмиры Шихабы: Мульхим и его преемники Мансур (1753–1770 гг.) и Йусуф (1770–1789 гг.), – перенаправили через него потоки шелка-сырца, который выращивался в Ливанских горах и являлся второй статьей сирийского экспорта, после хлопка. В 1753 г. в Бейруте открылось первое постоянное представительство французского торгового дома [20. Р. 79]. Как отметили исследователи, в отчетах о товарообороте Марселя с Левантом «сайдский» шелк в 1756–1767 гг. уступил пальму первенства «бейрутскому» и практически исчез из торговых реестров в дальнейшем [28. Р. 79]. Параллельно развивались связи с другими османскими регионами: Египтом, Грецией и Анатolieй. Для удовлетворения растущих торговых потребностей в Бейруте был построен большой постоялый двор и оптовый центр, получивший название *хан* или *кайсарийя* (2) эмира Йусуфа. Из ремесел, выходявших за рамки удовлетворения повседневных нужд жителей, развитие получила только первичная обработка шелка-сырца.

Наблюдавшийся в 50–60-е гг. XVIII в. рост Бейрута привел к изменению его этноконфессионального состава. В этот период в городе не было построено ни одной мечети, зато открылась униатская церковь и был капитально перестроен и расширен разрушенный землетрясением 1759 г. православный собор св. Георгия (1764–1772 г.). Причем православной общине хватило сил и средств провести восстановительные работы дважды: в 1767 г. свежестроенные своды рухнули, похоронив под собой 87 прихожан [15. С. 86]. Повторная реставрация прошла успешно, и храм с 8-метровой высоты иконостасом до сих пор остается одной из городских достопримечательностей.

Местные христиане могли позволить себе столь значительные расходы. Успешная торговля с европейскими странами, с греческими островами и Смирной притягивала в Бейрут православных и униатских негоциантов из приморской и внутренней Сирии; за купцами ехали их родственники и домочадцы, служащие торговых домов и окормлявшие их священники. Оставшаяся крупнейшей в городе община мусульман-суннитов, очевидно, должна была без удовольствия взирать на нашествие христиан, развернувших бурную коммерческую и строительную деятельность. В Бейруте также проживало несколько друзских и маронитских семей. Все христианские храмы, включая маронитскую церковь и капуцинское подворье, были сосредоточены в одном квартале рядом с тремя городскими мечетями. Близость друг к другу культовых зданий свидетельствует об относительно мирном сосуществовании представителей различных конфессиональных групп.

К началу 1770-х гг. в Бейруте проживало примерно 5–7 тыс. человек (3). Росту числа жителей способствовала хорошая экология, отмечавшаяся европейцами. «Приятное местонахождение на морском берегу, чистый воздух, разбитые вокруг сады, кедровый лес, отвесно спускающийся всего в четверти *лье* (4) от городских ворот, делают пребывание в нем очаровательным», – описывал в то время Бейрут путешественник Вентюр де Паради [20. Р. 79]. Спустя шесть десятилетий российский офицер П.П. Львов подтверждал, что «климат Бейрута

может считаться одним из самых здоровых во всей Сирии, и, таким образом, этот небольшой и грязный городок при чрезвычайно выгодном положении и изящных красотах его окрестностей, можно сказать, соединяет все возможные удобства жизни» [12. С. 228] (5).

Происходившие в Бейруте общественно-политические изменения: переход под власть ливанских Шихабов, рост европейского присутствия и усиление местных христианских общин, – свидетельствовали, что до города докатилась волна перемен, спровоцированных структурным кризисом Османской империи. Одним из проявлений кризиса XVIII в., названного британским историком Кэролайн Финкель «эпохой провинций» [21. Р. 372–413], стала атрофия центральной власти и усиление местных лидеров, стремившихся вырваться из-под контроля Стамбула. В достижении политической и экономической самостоятельности многие правители использовали этноконфессиональные меньшинства, связанные со стремительно наращивавшей свое влияние в Османском государстве Европой [Подробнее см.: 7].

В Горном Ливане изменение этноконфессионального баланса сил привело в движение внутривосточные процессы. Друзские (6) феодалы составляли основную часть ливанской знати, однако некоторое число *муката 'аджи* (7) принадлежало к маронитским (8), православным, шиитским и суннитским родам. 1759 г. маронитское население трех северных округов подняло восстание против своих феодалов: шиитских шейхов Химада. Потерпев поражение, Химада заручились поддержкой фракции ливанских феодалов Йазбаки (9) в надежде склонить на свою сторону правящего эмира Мансура Шихаба. Тот, не решаясь ссориться ни с маронитами, ни с Йазбаки, занял компромиссную позицию. Зато представившимся шансом воспользовались оттесненные от кормила власти группировки: конкурировавшая с Йазбаки феодальная коалиция Джумблати и маронитская знать во главе с Са'адом аль-Хури ар-Рашмави (1722–1786), воспитателем Йусуфа Шихаба, старшего сына покойного эмира Мульхима. Заключив союз, Джумблати и маронитские феодалы добились от османских властей назначения Йусуфа в 1763 г. эмиром Северного Ливана, а в 1770 г. – правителем всего Ливанского эмирата.

Известие о начавшейся в 1768 г. войне с Россией дало сигнал ближневосточным владыкам, что настало время реализовывать самые амбициозные планы: скованная боевыми действиями на севере Порты не могла направить карательные экспедиции на подавление своих чересчур самовластных вассалов. Стремившийся к господству в регионе глава египетских мамлюков 'Али-бей Булут Капан (1760–1772 гг.) в конце 1768 г. изгнал из страны османского наместника, а в ноябре 1770 г. и в апреле 1771 г. предпринял два вторжения в Южную Сирию. Там его союзником стал палестинский владетель шейх Дакхир аль-'Умар аз-Зайдани (ок. 1690–1775). Ни один из этих лидеров не принадлежал к официальной административной вертикали, оба они тяготились властью Стамбула и опирались на собственные вооруженные формирования. При этом, расширяя подконтрольные территории, ведя военные операции

против османских пашей и узурпируя прерогативы центральной власти, «мятежники» внешне демонстрировали полную лояльность султану, представляя свои действия не как бунт против повелителя правоверных, а как рядовой провинциальный конфликт.

К началу лета 1771 г. общее число войск, сконцентрированных в Сирии ‘Али-беем и шейхом Дахиром, превышало 50 тыс. человек, большая часть их прибыла из Египта. Разгромив 4 июня 1771 г. (10) на подступах к Дамаску объединенную армию пашей Сирии и Южной Анатолии, египетско-палестинские силы вошли в город. Не располагая в регионе достаточной военной мощью, Порта взяла курс на раскол в стане бунтовщиков и поддержку альтернативных лидеров в их среде. Эта тактика оправдалась. 18 июня 1771 г. командующий египетскими войсками Мухаммад-бей Абу-з-Захаб фактически предал ‘Али-бея и объявил об отходе армии обратно в Египет. В Ливане османы рассчитывали на лояльность недавно получившего от них инвеституру 23-летнего эмира Йусуфа Шихаба.

После ухода египетской армии в Сирии установился определенный баланс сил. Правительственные войска предприняли наступление со стороны Дамаска, однако шейху Дахиру удалось сплотить оставшихся союзников и отразить атаку «лоялистов». Развивая успех, «мятежники» нанесли удар по Ливанскому эмирату. 20 октября 1771 г. войска эмира Йусуфа потерпели сокрушительное поражение, и три дня спустя отряды шейха Дахира заняли Сайду. Война вплотную приблизилась к Горному Ливану и к Бейруту.

Именно через владения ливанского эмира на отвоевание Сайды в мае 1772 г. выдвинулась объединенная дамаско-халебская армия под общим командованием главнокомандующего-*сераскера* ‘Усман-паши аль-Мысри (1772–1773 гг.), усиленная друзским ополчением эмира Йусуфа.

Вернуть город османам было принципиально важно. После того, как под нажимом Мухаммад-бея Абу-з-Захаба 28 апреля 1772 г. ‘Али-бей бежал из Каира в Сирию, Сайда оставалась последней оставшейся в руках мятежников столицей провинции-*пашалыка*. Наконец, она была опорным пунктом, владея которым можно было угрожать Горному Ливану и влиять на политику его правителей. Однако 11 июня 1772 г. под стенами города османские войска ждал полный разгром от сил шейха Дахира и его союзников. Успех в этом сражении, которое арабский историк Тауфик Муаммар аль-Махами назвал крупнейшим в истории Сирии того времени [9. С. 190], был достигнут во многом благодаря вмешательству российского флота.

Корабли Балтийской эскадры под общим командованием Алексея Орлова, усиленные нанятыми английскими судами, находились в Средиземноморье с начала 1770 г. Уничтожение османского флота в Хиосско-Чесменском сражении (7–8 июля 1770 г.) позволило России вплоть до окончания войны практически безраздельно господствовать в акватории от Александрии до Стамбула. Основные военно-морские силы граф Орлов сосредоточил на подступах к османской столице. Однако в апреле 1772 г. им было принято реше-

ние отправить к берегам Египта и Сирии небольшую греческую эскадру под командованием майора Григория Ризо и лейтенанта Антона Псаро, дабы «не только на море, но и на сухом пути делать по возможности всякий вред неприятелю» [2. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 182].

Флотилия Ризо-Псаро прибыла в Хайфу к шейху Дахиру и нашедшему у него приют ‘Али-бею в первых числах июня и сыграла важную роль в сражении под Сайдой, отогнав от берега османские суда и подвергнув артиллерийскому обстрелу сухопутные силы [8. С. 16–20].

Направляясь к ближневосточным берегам, греческие капитаны, во исполнение приказаний командования, были настроены выбрать в качестве жертвы какой-нибудь подходящий для нападения сирийский порт. Первоначально в качестве объекта атаки был назначен Сур (Тир) [2. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 216–218 об.]: самая легкая добыча из прибрежных городов (11). Однако Сур уже был занят войсками шейха Дахира, и палестинский владетель указал союзникам новую цель: Бейрут. Подчинение соседа-конкурента Сайды было полностью в интересах палестинского шейха, и сирийские современники отдали ему в этой операции главенствующую роль. В местных хрониках недвусмысленно говорится, что «корабли Московии» пришли «по указанию» [5. С. 113] Дахира ал-‘Умара, «чтобы, по возможности, захватить для него Бейрут» [15. С. 89].

Нацелив удар российской эскадры на Бейрут, шейх Дахир решал ряд важных задач. Во-первых, он явно хотел побудить новообретенного союзника активнее включиться в борьбу в Сирии. Штурм Бейрута позволял не только наказать эмира Йусуфа и перенести военные действия на территорию Ливанского эмирата, но и подорвать позиции этой важной торговой гавани, а то и захватить ее. К тому времени Южная Сирия была разорена войной. Вот как описывал экономическую ситуацию в 1772 г. французский консул де Толе: «[Сельскохозяйственное] производство в окрестностях Сайды практически отсутствует из-за упадка земледелия. Соседние деревни, где трудились [крестьяне], разрушены, а те из них, кому удалось бежать, томятся вдали в бездействии и нищете» [20. Р. 101]. Не имея возможности восстановить в достаточном объеме сбор и продажу хлопка, Дахир мог рассчитывать возместить потери, поставив под контроль экспорт шелка.

После падения Сайды резко возросло и стратегическое значение Бейрута: он остался единственным портом Южной Сирии, куда османы могли подвозить войска и продовольствие. В случае его взятия Дамаск, третий по размеру город империи и важнейший форпост османского присутствия в регионе, оказывался заблокирован со стороны моря.

У россиян была своя причина напасть на город. Сразу после битвы под Сайдой три корабля под командованием греческих капитанов бросились преследовать бежавшие османские суда, попытались с ходу ворваться в укрывшую их бейрутскую гавань, но были вынуждены отойти, попав под огонь пор-

товых укреплений. Появился повод «отмстить за учиненное сопротивление» и «оскорбление Российского флага» [16. Ч. 3. С. 64].

В предрассветной мгле 19 июня, «когда все люди спали» [17. С. 48], российские корабли подошли к порту и дали залп из пушек. Перепугавшиеся горожане поначалу решили, что стали жертвой обычного пиратского налета, и попытались откупиться от каперов, отправив им провиант [15. С. 88].

Бейрутцы были не понаслышке знакомы с нападениями христианских корсаров. Мальтийские, итальянские и корсиканские пираты десятилетиями терроризировали сирийское побережье, топя и захватывая суда местных торговцев и атакуя приморские города [24. Р. 147–163]. После одного из таких нападений 29 ноября 1757 г. бейрутские мусульмане разгромили находившееся в городе капуцинское подворье, схватили находившихся там монахов и сожгли иконы [25. Р. 4]. Волнения были подавлены благодаря вмешательству эмира Мульхима, приказавшего повесить двух зачинщиков бунта [18. Т. 1. С. 48].

Осознание, что происходящее выходит за рамки пиратского налета, пришло быстро. Прибывшему на суда *кахье* (12) эмира Йусуфа майор Ризо заявил, что является представителем российской императрицы и требует сдачи города, в знак чего жители – как христиане, так и мусульмане – должны вывесить российские флаги и внести подать, равную той, что ранее платилась султану [19. Р. 214]. Не имевший ни стен, ни сколько-нибудь значительного гарнизона Бейрут казался легкой добычей. Бывший правитель Ливана эмир Мансур, который «после отречения своего жил в Бейруте как... в своем уделе» [3. С. 78], и другие пребывавшие там члены рода Шихабов «сочли за лучшее бежать сломя голову» [17. С. 49], бросив своих подданных на произвол судьбы. Тем не менее, у города нашлись защитники. В местной церковной хронике они именовались «мусульманами» [15. С. 88], в то время как находившийся в Бейруте европейский современник упоминал о 2 тыс. оборонявших город «друзах», «турках» (т.е. мусульманах) или «друзах-турках» [19. Р. 215]. Возможно, состав оборонявших был смешанным и состоял как из горожан-суннитов, так и успевших прибыть на помощь горцев. Западные ворота Баб ас-Сантыяа перегородили насыпью, поверх которой возвели баррикаду из ящиков, заполненных песком. Что касается бейрутских христиан, то они «в воцарившейся суматохе бежали из города в горы к своим родственникам, побросав все свое имущество и товары, находившееся в лавках, на складах и в домах» [15. С. 88].

20 июня, по прошествии данных горожанам на размышление 24 часов, корабельная артиллерия начала бомбардировку. Потрясенные местные жители потом рассказывали, что одновременно по городу падали 6 тыс. пушек [5. С. 113; 6. С. 84], – фантастическая цифра, многократно превосходившая возможности небольшой крейсерской эскадры. Более вероятны сведения о 500 выпущенных снарядах, которые нанесли минимальный ущерб зданиям, пробивая их стены насквозь [19. Р. 215]. Из башни, защищавшей порт, по флотилии открыли ответный огонь [15. С. 88].

На следующий день с судов был высажен небольшой десант из 40 человек, атака которого была отбита, а 22 июня – уже более многочисленный отряд из 200–300 моряков. Нападавшие подожгли окружавшие город сады, – то ли желая не допустить прихода горожанам подмоги, то ли с целью устрашения. «Многочисленная толпа» бейрутских ополченцев и друзов попыталась сбросить десант в море, но, как писал офицер российского флота, «греки после нескольких залпов бросились на них с саблями, обратили их в бег, и замешавшись вместе с ними» [16. Ч. С. 64], ворвались в портовый район. Погибло около полусотни арабов, остальные бежали в горы или укрылись в портовых башнях [19. Р. 215].

Как сообщала местная церковная хроника, первой от ворвавшихся в город пострадала «кайсарийа эмира Йусуфа в порту, которую они разграбили; та же участь постигла и дома христиан, которые они выпотрошили до дна, унеся все, что могли взять из мебели, скарба и утвари, что было ценой подоroje, а весом полегче» [15. С. 88]. Анонимный европейский источник упоминал, что ущерб составил 500 тыс. пиастров шелком и прочими товарами, да еще 50 тыс. серебром было похищено в хане эмира Йусуфа [19. Р. 215]. Была сожжена портовая башня («форштадт») и все пришвартованные поблизости суда, пожар уничтожил несколько располагавшихся в этом районе домов, в том числе здание православной Свято-Георгиевской типографии (13). Потери десанта составили лишь 4 человека убитыми и 26 ранеными [14. С. 351]. Стоило нагруженным добычей морякам вечером вернуться обратно на корабли, как ночной Бейрут захлестнула новая волна мародеров: спустившиеся с окрестных гор друзы, «как знать, так и простые крестьяне, начали грабить дома и лавки, вынося оттуда скарб, мебель и товары» [15. С. 88]. Варварство горских налетчиков, которые «разбивали вдребезги ту посуду и стекло, что не могли унести» [15. С. 89], потрясло бейрутского летописца даже на фоне предыдущего несчастья.

В этот драматичный момент на защиту растерзанного города подоспела армия его владельца эмира Йусуфа. Сам эмир расположился в селении Хадас неподалеку от Бейрута, от его лица переговоры вели, по разным сведениям, либо эмир Мансур [17. С. 49], либо – Са‘ад аль-Хури [15. С. 89]. Непосредственно между берегом и судами курсировал грек-киприот Хаджи Рафаил [19. Р. 215] (14).

Интенсивный торг начался 23 июня, шел 5 дней, и итог его оказался весьма любопытен. В вахтенном журнале шебеки «Греция» по приказу Ризо были зафиксированы только пункты соглашения, касавшиеся России, да и то не полностью. Эти сведения дополняет датированное 15 июля 1772 г. сообщение некоего хорошо информированного европейца, опубликованное А. Хадживасилиу (Орианом). Некоторые положения отразились и в местных хрониках.

Во-первых, эмир согласился выплатить морякам контрибуцию, но не деньгами, а товарами. Вахтенный журнал шебеки «Греция» упоминал о 1 тыс. 700 фунтах шелка [7. Ф. 870. Оп. 1. Д. 1149. Л. 42 об.], европейский источник,

подтверждая эту цифру (600 *окка* (15) шелка, т.е. примерно 750–766 кг), прибавляет к ней 40 отрезков ткани, а также говядину, сухари, зерно и вино [19. Р. 216]. Разница в подсчете денежного эквивалента этой контрибуции, очевидно, отразилась в арабских летописях (16).

Однако более важным было другое. По итогу переговоров эмир Йусуф соглашался перейти на сторону ‘Али-бея, шейха Дахира и их союзников, правда, с одной оговоркой: эмир считался свободным от обязательств, если по прошествии 4-х месяцев антиосманской коалиции не удастся овладеть г. Триполи или о. Кипр. Каждый из мятежных правителей должен был незамедлительно отправить в Бейрут своего представителя, дабы уточнить план действий «для сохранения мира и спокойствия, установленного данным соглашением» [19. Р. 216]. Что касается России, то эмир объявил о переходе в ее «подданство», в знак чего брал на себя обязательство через 30 дней выплатить 300 кошельков (150 тыс. *пиастров*) годовой подати *мири* (17), которую ему полагалось вносить в султанскую казну. Кроме того, ливанский правитель обещал заходящим в бейрутский порт судам под Андреевским флагом «во всем непременно служить и споможение чинить, и недостаточных, чем бы ни было, довольствоваться» [7. Ф. 870. Оп. 1. Д. 1149. Л. 42 об.]. Полностью удовлетворенные достигнутым, 28 июня греческие капитаны приказали поднять паруса и покинуть бейрутский рейд.

Как справедливо отметила И.М. Смилянская, события июня 1772 г. «взломали лед взаимного недоверия» между «мятежными» сиро-египетскими лидерами и офицерами российской эскадры [13. С. 371]. Сказанное вполне относится к договоренностям, достигнутым как в Сайде, так и в Бейруте. Помимо эмира Йусуфа в переговорах 23–28 июня 1772 г. заочно принимали участие ‘Али-бей Булут Капан и шейх Дахир аль-‘Умар. Одновременно вырисовывался сценарий распределения ролей антиосманского альянса. Правитель Горного Ливана выступал в нем в качестве младшего партнера, египетскому и палестинскому лидерам предоставлялась свобода действий на суше, а Россия оказывала общее покровительство и обеспечивала поддержку с моря, за что получала денежные и натуральные выплаты.

Остается вопрос: каковы были подлинные намерения молодого ливанского правителя? Действительно ли он хотел сменить политическую ориентацию либо вел двойную игру и рассматривал соглашение как уловку? Точный ответ дать трудно, но после поражения под Сайдой и разорения Бейрута в поступках юного эмира прослеживается, скорее, растерянность, нежели тонкий расчет. Похоже, что действовал он по обстоятельствам.

В конце июня 1772 г. присоединение Йусуфа Шихаба к антиосманской коалиции казалось вполне логичным. Эмир только что пережил очередной военный разгром, и вот боевые действия докатились и до его владений. К тому же в ливанской элите не было единства по вопросу политической ориентации. Недаром эмир Йусуф привлек к участию в переговорах свергнутого им дядю. Отставленного с поста правящего эмира, но сохранившего значительное вли-

яние Мансура Шихаба с шейхом Дахиром связывала «старинная приязнь и давняя симпатия» [17. С. 49].

Двусмысленное поведение Мансура, который покинул Бейрут, не приложив ни малейших усилий к организации обороны, даже заставило летописца Ханания ал-Мунаййира включить его в ряды напавших на город [10. С. 13].

Особая роль в переговорах, очевидно, принадлежала Са‘аду аль-Хури. Следует оговориться, что в указанный период эмира Йусуфа (1748 г. рождения) являлся не вполне самостоятельной политической фигурой, полностью находясь под влиянием своего маронитского воспитателя и управляющего. Как писал хорошо знакомый с реалиями дома Шихабов эмир Хайдар Ахмад, Йусуф никогда ни в чем не противоречил Са‘аду, и последний заставлял эмира делать все по своей воле [18. Т. 1. С. 60]. Другой летописец также соглашался, что «все шаги и поступки эмира Йусуфа были сделаны по советам и политическим решениям шейха Са‘ада аль-Хури и могут быть только номинально приписаны эмиру» [22. Р. 175]. Таким образом, когда мы упоминаем о действиях Йусуфа, то должны иметь в виду фигуру стоявшего за его спиной маронитского «серого кардинала».

Вскоре эмир Йусуф и шейх Са‘ад пожалели о своем решении. Наводивший ужас на Сирию ‘Али-бей оказался политическим изгнанником, имевшим под своим началом лишь 2–2,5 тыс. сабель. К тому же эти части увязли в осаде Яффы, занятой войсками лояльного Стамбулу правителя Наблуса. Россия, связанная перемирием с Портой, заключенным 20 мая 1772 г. в Фокшанах, могла оказать лишь ограниченную помощь ближневосточным союзникам. В Сирии со дня на день ждали карательную экспедицию султана, французский консул в Сайде шевалье де Толе требовал от своего правительства подержать ее ударом с моря [26. Р. 108]. В этих условиях ливанская верхушка сочла за благо дезавуировать соглашение, тем более что Триполи и Кипр так и остались в руках османов.

В результате Йусуф Шихаб, вновь приняв обличье верного подданного, отправил сераскеру ‘Усман-паше аль-Мысри письмо, в котором сообщал «о приходе московских кораблей и том вреде, который они причинили» [17. С. 49], «и просил отправить для защиты города отряд солдат с надежным офицером» [15. С. 91]. Выгораживая себя, правящий эмир одновременно дискредитировал в глазах властей своего соперника дядю Мансура, который отвечал за порядок и безопасность в Бейруте [18. Т. 1. С. 94].

Важность обладания Бейрутом, ключевым пунктом для контроля над Горным Ливаном, открывавшим прямую дорогу на Дамаск, была очевидна. Последовавшие действия османского командования заставляют предполагать, что оно было извещено о тайном соглашении эмира Йусуфа с Россией и мятежниками и не собиралось в дальнейшем полагаться на ненадежного ливанского правителя. После получения письма из Дамаска незамедлительно выступили три сотни магрибинцев под командой бывшего мамлюкского бея

Ахмада аль-Джаззара (1721–1804), назначенного ‘Усман-пашой *мухафизом* (араб. «комендантом») Бейрута.

Не осведомленные о перипетиях большой политики горожане предположили, что войска лишь ненадолго встанут на постой [15. С. 92], однако вскоре стало ясно, что Ахмад-бей всерьез готовится к «обороне от султанши Московии» [17. С. 51]. В числе разноплеменных наемников, «со всех сторон стекавшихся» в Бейрут, хроника упоминает магрибинцев, сирийских арабов, турок, курдов и представителей других этносов [15. С. 94]. В итоге мухафизу удалось собрать около 2 тыс. солдат, помимо этого он мог рассчитывать на ополчение бейрутских мусульман. В короткий срок вокруг Бейрута выросла стена с башнями (18), были закуплены новые пушки и создан арсенал. Как писал местный летописец, «работа кипела и днем, и ночью, люди под вооруженной охраной строили укрепления и стены. Любое неповиновение горожан жестоко каралось, «несколько человек были убиты, многие арестованы как бунтовщики» [10. С. 13].

Переходя из уст в уста, уже в соседней Сайде рассказы о жестокостях нового хозяина Бейрута принимали макабрические формы. «Все христиане, жившие в Бейруте, – сообщал в июне 1773 г. французский консул до Толе, – и составлявшие большую часть его населения, изгнаны, их дома разрушены или разорены, все их имущество разграблено. Дюжина этих несчастных была живьем погребена в фундаментах новых фортификаций по приказу этого фанатичного варвара, без какого-либо повода, даже без предлога, но лишь в качестве простой забавы» [Цит. по: 20. Р. 105]. Между тем «Бейрутская церковная летопись», крайне щепетильно относившаяся к любым случаям преследований православных, упоминаний об этих религиозных репрессиях не содержит.

Захватив в бейрутском порту галеон, перевозивший из Египта деньги для местных торговцев, Ахмад-бей получил средства для «подкупа некоторых эмиров и шейхов из Горного [Ливана], чтобы они отказали в помощи эмиру Йусуфу» [10. С. 13–14]. Получателями денег и союзниками мухафиза Бейрута стали лидеры феодальной коалиции Йазбаки: Хусейн Талхук и ‘Абд ас-Салам ‘Имад [7. С. 209].

С самим Йусуфом Шихабом аль-Джаззар поначалу держался скромно и почти подобоострастно, выпрашивая лишь несколько недель для того, чтобы укрепить Бейрут и передать его ливанскому правителю. Когда же все сроки истекли, Ахмад-бей запретил бейрутцам вывозить продовольствие в горные районы и «приказал магрибинцам убивать всякого горца, которого они обнаружат» [5. С. 114]. Осмелев, аль-Джаззар даже стал отправлять принадлежавшие ему суда на вылазки вдоль побережья: в мае 1773 г. одна из них под Триполи произвела стычку с греческой галерой «Унконе» [2. Ф. 188. Оп. 1. Д. 53. Л. 305–305 об.].

Горный Ливан оказался в торговой блокаде. Было очевидно, что действия аль-Джаззара санкционировались османскими властями, и окруженному со всех сторон, не имевшему возможности «достать пшеницу и прочее продоволь-

ствие из Бейрута» [15. С. 95] эмиру долго не выстоять: его низложит дружская знать. У загнанного в угол Йусуфа Шихаба не оставалось выхода, кроме как проситься обратно в состав антиосманской коалиции. В начале июня 1773 г. он, – вновь при посредничестве эмира Мансура, – обратился к Дахиру ал-‘Умару с предложением заключить союз [10. С. 14; 17. С. 52]. «Лучше отдать его [Бейрут] на съедение льву [Дахиру], чем этой собаке [аль-Джаззару]», – так объяснил Йусуф свое решение приближенным [11. С. 96]. Дахир с готовностью откликнулся и на состоявшейся 9 июня встрече обнадежил ненадежного союзника. «Я написал на остров Парос (19), – изложил он эмиру свой план, – чтобы московские корабли шли к Египту на помощь ‘Али-бею. ... Когда же корабли придут, я отправлю их блокировать с моря Бейрут. Ты же тогда соберешь войска и осадить аль-Джаззара со стороны суши» [15. С. 95].

© Кобищанов Т.Ю., 2018

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Впрочем, обмеление бейрутской гавани имело и естественные причины. Наступление песка на культурные земли и берег Бейрута наблюдалось на протяжении большей части его средневековой и новой истории.
- (2) *Хан* представлял собой комплекс двух-трехэтажных зданий, окружавших большие четырехугольные дворы. На первых этажах ханов находились склады и магазины, верхние сдавались под жилье. Крупный хан назывался *кайсарийя* («цезарский», «императорский»).
- (3) Побывавший в Бейруте полтора десятилетия спустя французский ученый-энциклопедист К.-Ф. Шасбеф (Вольней) насчитал в городе 6 тыс. жителей [30. Р. 441].
- (4) *Лье* – французская мера длины. Сухопутное лье равнялось 4444,4 км.
- (5) Отмеченная П.П. Львовым, а равно и его младшим современником врачом А.А. Рафаловичем, царившая в Бейруте антисанитария, делавшая его «одним из самых дурных и запущенных городов во всей Сирии», обусловлена произошедшим в 30–40-х гг. XIX в. ростом населения, достигшего 10–12 тыс. человек. При этом площадь застройки практически не увеличилась с конца XVIII в., сохраняясь в пределах городских стен.
- (6) *Друзы* – арабоязычная этноконфессиональная группа, отколовшаяся от исмаилитской ветви шиизма.
- (7) *Муката ‘аджи* – владельцы феодальных наделов *муката ‘а*.
- (8) *Марониты* – христианская арабоязычная этноконфессиональная группа. К середине XVIII в. маронитский патриархат был подчинен Ватикану и латинизирован.
- (9) Со времени правления эмира Мульхима ливанские феодалы всех вероисповеданий были расколоты на две фракции: *Джумблати*, возглавляемую одноименным дружским кланом, и соперничавшую коалицию *Йазбаки*, лидерами которой считались дружские шейхи ‘Имад. Эмиры Шихабы, по крайней мере, теоретически, должны были сохранять нейтралитет, возвышаясь над фракционной борьбой [22. Р. 45–54].
- (10) Даты даны по новому стилю.

- (11) Точные данные на конец XVIII столетия неизвестны, однако полвека спустя постоянный гарнизон Сура насчитывал 50 человек, в то время как Триполи, Бейрута и Сайды – по 200 солдат в каждом [29. Р. 152].
- (12) *Кахья* – управляющий делами. Здесь: градоправитель, представлявший владельца города.
- (13) Бейрутская православная типография была основана в 1751 г. и стала четвертой по времени возникновения на Арабском Востоке. В 1842 г. типография была восстановлена благодаря усилиям российского посланника К.М. Базили [1. Оп. 517/1. Д. 734. Л. 154–155 об.].
- (14) Очевидно, киприот вместе сопровождающими и были теми самыми посланными от «турок» греками, о которых упоминалось в вахтенном журнале «Греции» [2. Ф. 870. Оп. 1. Д. 1149. Л. 42 об.].
- (15) *Окка* – мера веса, обычно эквивалентная 1,250 – 1,278 кг.
- (16) Арабские источники расходятся в оценке выплаченной Ризо контрибуции. Фигурируют суммы в 8 тыс. 500 [15. С. 49], 20 тыс. [4. С. 99] и 25 тыс. пиастров [10. С. 13; 5. С. 113].
- (17) *Мири* – часть податей, выплачиваемая в султанскую казну.
- (18) Побывавший в Бейруте 60 лет спустя полковник П.П. Львов весьма критично оценивал результат трудов аль-Джаззара. «Крепостная стена и несколько башен огибают весь объем города, – писал российский офицер, – ... укрепления эти вообще ничтожны; они представили бы слабую защиту, тем более что ближайшие возвышения значительно командуют всем городом» [12. С. 226].
- (19) Письма на Парос были отправлены еще 21 марта 1773 г. [2. Ф 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 260–260 об.]. Очевидно, шейх Дахир ожидал прибытия российской эскадры со дня на день.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Фонд «Посольство в Константинополе».
- [2] Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ).
- [3] *Базили К.М.* Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях. Иерусалим/Москва, 2007.
- [4] *аль-Бустани Бутрус.* Даират ал-ма‘ариф (Энциклопедия). Байрут, 1875.
- [5] *Йанни Джирджи.* Тарих Сурийа (История Сирии) // Байрут фи-ль-мусаннафат аль-‘арабийа. Нусус мухтара (Бейрут в арабских сочинениях. Сборник текстов). Под ред. Йусуфа Хури. Бейрут, 1995.
- [6] *Кан ‘ан Дауд-эфенди.* Джавахир йакут фи тарих Байрут (Драгоценные яхонты истории Бейрута) // Байрут фи-ль-мусаннафат аль-‘арабийа. Нусус мухтара (Бейрут в арабских сочинениях. Сборник текстов). Под ред. Йусуфа Хури. Бейрут, 1995.
- [7] *Кобищанов Т.Ю.* Христианские общины в арабо-османском мире. М., 2003.
- [8] *Кобищанов Т.Ю.* Крест над Бейрутом: российская экспедиция в Восточное Средиземноморье 1769–1774 гг. в восприятии сирийских современников. Часть 1. От появления в Средиземноморье российской эскадры до первого штурма Бейрута // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2009, № 1.
- [9] *аль-Махамы Тауфик Му‘аммар.* Дахир аль-‘Умар. Китаб йатанавал тарих аль-Джалил хасса ва-ль-билад ас-Суриййа ‘амма мин санат 1697 хатта санат 1777 (Дахир аль-‘Умар. История Галилеи и всей Сирии с 1697 по 1777 гг.). Назарет, 1996.

- [10] *аль-Мунаййир Хананийа*. Ад-дурр аль-марсуф фи тарих аш-Шуф (Нанизанные жемчуга истории [округа] Шуф). Байрут, 1984.
- [11] *ас-Саббаг Михаил Никула*. Тарих шейх аль-‘Умар аз-Зайдани (История шейха Дахира аль-‘Умара аз-Зайдани). Каир, 2010.
- [12] Сирия и Палестина в описаниях российских путешественников, консульских и военных обзорах первой половины XIX в. М., 1991.
- [13] *Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б.* Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М., 2011.
- [14] *Соколов А.П.* История Архипелагския кампании, 1769–74 года // Записки гидрографического департамента морского министерства. Часть VII. СПб., 1849.
- [15] *Трад ‘Абдаллах ибн Михаил*. Мухтасар тарих аль-асакифа аль-лазина ракку мартабат риасат аль-кахнут аль-джалила фи мадинат Байрут (Краткая история епископов, возведенных в высокий сан первосвященников города Бейрута). Бейрут, 2002.
- [16] *Ушаков С.* Жизнь графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского, подчерпнутая из достоверных Российских и Иностраных источников. СПб., 1811.
- [17] *аш-Шихаби Хайдар Ахмад*. Тарих Ахмад баша аль-Джаззар (История Ахмад-паши аль-Джаззара). Бейрут, 1955.
- [18] *аш-Шихаби Хайдар Ахмад*. Любнан фи ‘ахд аль-умара’ аш-Шихабийин (Ливан в эпоху эмиров Шихабов). Бейрут, 1933.
- [19] *Auriant*. Catherine II et l’Orient, 1770–1774 // L’Acropole. Paris, 1930.
- [20] *Charles-Roux Fr.* Les échelles de Syrie et de Palestine au XVIIIe siècle. Paris, 1928.
- [21] *Finkel C.* Osman’s Dream. The History of the Ottoman Empire, 1300–1923. New York, 2005.
- [22] *Harik, Iliya F.* Politics and Change in a Traditional Society Lebanon, 1711–1845. Princeton, New Jersey, 1968.
- [23] *Harris W.* Lebanon. A History 600–2011. N.Y., 2012.
- [24] *Heyberger B.* Sécurité et insécurité: les Chrétiens de Syrie dans l’espace Méditerranéen (XVIIe–XVIIIe siècles) // Meropi Anastasiadou, Bernard Heyberger (édit.), Figures anonymes, figures d’élite: Pour une anatomie de l’Homo Ottomanicus. Istanbul, 1999.
- [25] *Heyberger B.* Les Européens vus par les Libanais (XVIe–XIXe siècles) // Les Européens vus par les Libanais à l’époque ottomane. Beirut, 2002.
- [26] *Joudah, Ahmad Hasan.* Revolt in Palestine in the Eighteenth Century. The Era of Shaykh Zahir al-‘Umar. Piscataway, 2013.
- [27] *Kassir S.* Histoire de Beyrouth. P., 2008.
- [28] *Panzak D.* Commerce et commerçants des ports de Liban Sud et de Palestine (1756–1787) // Villes au Levant. Hommage à André Raymond. Revue du monde musulman et de la Méditerranée, n° 55-56, 1990.
- [29] *Philipp T.* Acre. The Rise and Fall of a Palestinian City, 1730–1831. N.Y., 2001.
- [30] Volney. Voyage en Syrie et en Egypte. 3e édition, 1799 // *Œuvres*. Tome troisième. P., 1998.

REFERENCES

- [1] Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AFPRE). Fund “Embassy in Constantinople”.
- [2] Russian Navy State Archive (RNSA).
- [3] Basily K.M. Syria and Palestine under Ottoman Government in the Historical and Political Attitudes [Siria i Palestina pod turetskim pravitelstvom v istoricheskom i politicheskom otnosheniyah]. Jerusalem, Moscow, 2007.

- [4] al-Bustani Butrus. *Dairat al-ma'arif* [Encyclopedia]. Beirut, 1875.
- [5] Yanni Jirji. *Tarikh Suriya* [History of Syria] // *Bairut fi-l-musannfat al-'arabiya. Nusus mukhtara* [Beirut in the Arab Works. Collection of Texts]. Under red. of Yussuf al-Khuri. Beirut, 1995.
- [6] Kan'an Daud-effendi. *Djawahir Yakut fi Tarikh Bairut* [Precious Stones of Beirut History] // *Bairut fi-l-musannfat al-'arabiya. Nusus mukhtara* [Beirut in the Arab Works. Collection of Texts]. Under red. of Yussuf al-Khuri. Beirut, 1995.
- [7] Kobischanov T.Y. *Hristianskie obshhiny v arabo-osmanskom mire (XVII – pervaja tret' XIX v.)* [Christian Communities in the Arab-Ottoman World (XVII – First Third of XIX centuries)]. Moscow, 2003.
- [8] Kobischanov T.Y. *Krest nad Beirutom: rossiiskaya ekspeditsiya v Vostochnoye Sredizemnomorye 1769–1774 gg. v vospriyatii siriiskih sovremennikov. Chast 1. Ot poyavleniya v Sredizemnomoye rossiiskoi eskadry do pervogo shturma Beiruta* [Cross Hoisting in Beirut: Russian Expedition of 1769–1774 to Eastern Mediterranean in Perception of Syrian Contemporaries Part 1. From the Appearance of Russian Squadron to the First Assault of Beirut] // *Vestnik Moskovskogo Universiteta* [Moscow University Revue]. Part. 13. Oriental Studies. 2009, № 1.
- [9] al-Mahami Tawfik Muammar. *Dahir al-'Umar. Kitab yatanawal tarikh al-Jalil khassa wa-l-bilad al-Suriya 'amma min sanat 1697 hatta sanat 1777* [Dahir al-'Umar. The History of Galilee and all of Syria from 1697 till 1777]. Nazareth, 1996.
- [10] al-Munayyir Hananiya. *Al-durr al-marsuf fi tarikh al-Shuf* [The Strung Pearls of the History of Shuf]. Beirut, 1984.
- [11] al-Sabbag Mikhail Nikula. *Tarikh sheikh al-'Umar al-Zaydani* [The History of Sheikh al-'Umar al-Zaydani]. Cairo, 2010.
- [12] *Siriya i Palestina v opisaniyah rossiyskih puteshestvennikov, konsulskih i voyennyh obzorah pervoi poloviny XIX v.* [Syria and Palestine in the Descriptions of Russian Travelers, the Consular and Military Reviews of the First Part of XIX century]. Moscow, 1991.
- [13] Smilyanskaya I.M., Velizhev M.B., Smilyanskaya E.B. *Rossiya v Sredizemnomorye. Arhipelagskaya ekspeditsiya Ekateriny Velikoy* [Russia in the Mediterranean. The Archipelago's Expedition of Catherine the Great]. Moscow, 2011.
- [14] Sokolov A.P. *Istoriya Arhipelagskiy kampanii 1769–74 goda* [The History of Archipelago's Campaign 1769–74] // *Zapiski gidrograficheskogo departaments morskogo ministerstva* [The Briefs of Hydrographic Department of the Navy Ministry]. Part VII. Saint Petersburg, 1849.
- [15] Trad 'Abdallah ibn Mikhail. *Mukhtasar tarikh al-asakifa al-lazina rakku martabat piasat al-kahnut al-jalila fi madinat Bairut* [The Short History of Bishops Sanitized to the Rank of High Priests of the Town of Beirut]. Beirut, 2002.
- [16] Ushakov S. *Zhizn grafa Alexeya Grigorievitcha Orlova-Chesmenskogo, podcherpnutaya iz dostovernyh Rossiyskih i Inostrannyh istochnikov* [The Life of the Count Alexei Grigorievich Orlov-Chesmenskiy, Scooped from Authentically Russian and Foreign Sources]. Saint Petersburg, 1811.
- [17] al-Shihabi Haydar Ahmad. *Tarikh Ahmad Basha al-Jazzar* [The History of Ahmad-pasha al-Jazzar]. Beirut, 1955.
- [18] al-Shihabi Haydar Ahmad. *Lubnan fi 'ahd al-umara' al-Shihabiyyin* [The Lebanon at the Age of Emirs al-Shihabs]. Beirut, 1933.
- [19] Auriant. *Catherine II et l'Orient, 1770–1774 // L'Acropole*. Paris, 1930.

- [20] Charles-Roux Fr. Les échelles de Syrie et de Palestine au XVIIIe siècle. Paris, 1928.
- [21] Finkel C. Osman's Dream. The History of the Ottoman Empire, 1300–1923. New York, 2005.
- [22] Harik Iliya F. Politics and Change in a Traditional Society Lebanon, 1711–1845. Princeton, New Jersey, 1968.
- [23] Harris W. Lebanon. A History 600–2011. N.Y., 2012.
- [24] Heyberger B. Sécurité et insécurité: les Chrétiens de Syrie dans l'espace Méditerranéen (XVIIe–XVIIIe siècles) // Meropi Anastassiadou, Bernard Heyberger (édit.), Figures anonymes, figures d'élite: Pour une anatomie de l'Homo Ottomanicus. Istanbul, 1999.
- [25] Heyberger B. Les Européens vus par les Libanais (XVIe–XIXe siècles) // Les Européens vus par les Libanais à l'époque ottomane. Beirut, 2002.
- [26] Joudah Ahmad Hasan. Revolt in Palestine in the Eighteenth Century. The Era of Shaykh Zahir al-'Umar. Piscataway, 2013.
- [27] Kassir S. Histoire de Beyrouth. P., 2008.
- [28] Panzak D. Commerce et commerçants des ports de Liban Sud et de Palestine (1756–1787) // Villes au Levant. Hommage à André Raymond. Revue du monde musulman et de la Méditerranée, n° 55–56, 1990.
- [29] Philipp T. Acre. The Rise and Fall of a Palestinian City, 1730–1831. N.Y., 2001.
- [30] Volney. Voyage en Syrie et en Egypte. 3e édition, 1799 // Œuvres. Tome troisième. P., 1998.

Beirut under Russian rule

Part 1. The eve of the occupation (1772–1773)

Taras Y. Kobishchanov

Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University
11 Mohovaya St., Moscow, 125009, Russia

During the Russian-Ottoman war of 1768–1774 Russia became the first European country that invaded Middle East in the Modern times and even for the short period occupied its part: the town of Beirut. The events that preceded the assault and capture of the town were fixed by the local chroniclers and Russian officers; as well they were reflected in the messages of Arab rulers and the reports of the diplomats residing in Syria. As a result the volumetric picture of the society is emerging that for the first time faced the colonial expansion of the modernized Europe.

The first part of presented article is devoted to the analysis of the socio-political situation in the region on the eve of the arrival of the Russian squadron at the Syrian coast. Special attention is paid to the situation in Beirut before and during the first assault of the town in June 1772, and to the subsequent change in the balance of power in Lebanon.

Key words: Beirut, Syria, Archipelago expedition, Youssuf Shihab, Dahir al-Umar

Информация об авторе / Information about the author

Кобищанов Тарас Юрьевич, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки (ИСАА) Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Taras Y. Kobishchanov, Assistant Professor at the Chair of History of the Near and Middle East' Countries, Institute of Asian and African Studies (IAAS), Lomonosov Moscow State University (MSU).

E-mail: kobishchanov@mail.ru

Для цитирования / For citations

Кобищанов Т.Ю. Бейрут под российским правлением. Часть 1. Канун оккупации (1772–1773) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2018. Т. 10. № 4. С. 338–354. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-4-338-354

Kobishchanov T.Y. Beirut under Russian rule. Part 1. The eve of the occupation (1772–1773). *RUDN Journal of World History*. 2018. 10(4): 338–354. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-4-338-354

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 02.08.2018

DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-4-355-370

Модели самоидентификации в Египте в межвоенный период (1919–1939 гг.)

Ибрагимов И.Э.

Институт Африки РАН
Россия, 123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1

Куделин А.А.

Российский университет дружбы народов
Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10–2

В статье авторы рассматривают модели самоидентификации, характерные для общественной мысли Египта межвоенного периода, когда, став одним из первых формально независимых арабских государств, Египет продолжал бороться за получение полного суверенитета от Великобритании и одновременно стремился утвердиться в качестве регионального лидера. В связи с этим ведущие мыслители и общественные деятели Египта пытались определить место своей страны в мире и найти наиболее приемлемую для нее идеологию, которая могла бы также сплотить вокруг Египта другие арабские, мусульманские, азиатские и африканские страны.

Каждое из рассмотренных направлений самоидентификации Египта – панарабское, панисламское, египетское («фараонизм») и панориенталистское – сделали определенный вклад в развитие самосознания египетского общества в межвоенный период, и так или иначе проявились в истории Египта второй половины XX в.

Ключевые слова: самоидентификация, Египет, панарабизм, панисламизм, фараонизм, тамсир, панориентализм

Введение

В первой половине XX в. Египет, как одно из ведущих государств Арабского Востока и первое формально независимое из них, раньше прочих встал на путь модернизации и демократизации, при этом сохранив традиционные институты и социальные ориентиры. На фоне борьбы за получение полной независимости от Великобритании Египет попытался стать безоговорочным региональным лидером, оказаться во главе арабского и общего азиатского национального движения. В этой связи интеллектуальные круги и общественные деятели начали разрабатывать и развивать различные политические кон-

цепции, а руководству страны пришлось прибегнуть к рассмотрению этих идей для построения стабильно развивающегося государства.

Опыт Египта в поисках своей политической идентичности стал примером для других стран Востока, бывших в то время в колониальной зависимости от европейских держав. Хотя в реальности было достигнуто меньше, чем ожидалось, и обретение полной независимости страной так и не состоялось, именно происходившие в межвоенный период политические, социальные, ментальные процессы обусловили развитие Египта и всего Ближнего Востока в последующие годы. Без изучения этих процессов невозможно понять подоплеку дальнейших явлений в истории региона.

Ход политических и социальных трансформаций не мог не повлечь за собой развитие идеологии, национальной идеи. Появились различные взгляды на судьбы страны и ее народа. Одни мыслители усматривали возможность превращения Египта в сильное государство на пути культурного и религиозного его возрождения в качестве части мусульманского мира, другие считали египтян в первую очередь элементом арабской нации и связывали их судьбу с судьбой всех арабов, третьи провозглашали египтян потомками и наследниками древней культуры. Наконец, четвертые предпочитали рассматривать весь Восток в качестве единого целого, а Египет – не просто как его часть, но и как потенциального лидера региона.

Следовательно, виды самоидентификации существовали в Египте в нескольких параллельно развивавшихся формах, основанных на таких базовых идеях, как панарабизм, фараонизм (он же египетский национализм), панисламизм и панориентализм. Именно Египет в межвоенный период стал очагом арабского национализма – не в том прозападном (и антиосманском) виде, в котором он существовал и ранее в Сирии, а в форме ориентации на собственную независимость и собственные силы, на использование ресурсов, достижений и потенциала самого государства. Кроме того, сохранение монархического режима обусловило поддержание исторического империализма – претензию не просто на лидерство в регионе, но и на территориальные приобретения, прежде всего Судан и Хиджаз. Эти и многие другие факторы способствовали сохранению разнообразия национальных идей и возможных путей развития страны в глазах самих египетских мыслителей и деятелей.

Исследование

Ислам и арабская этничность как модель восприятия

События, последовавшие за Первой мировой войной, дали мощный импульс развитию арабского самосознания и египетской национальной идеи. Арабская идентичность развивалась, в целом, двумя основными путями – светским и исламским, что было предопределено особенностями исторического развития арабских стран вообще. Однако в большей степени исследуе-

мый период связан с исламом и не имел того светского оттенка, который был присущ ему во второй половине XX века. Он зародился как один из аспектов *ан-Нахды* – арабского просветительства, культурного подъема, отразившего в области культуры процесс включения региона в мировое хозяйство, сопровождавшийся возникновением современных институтов, социальных групп, идей и представителей [17. С. 265].

Идеологи уделяли много внимания исламу как важному элементу арабской национальной идентичности и мощному идеологическому оружию в борьбе за освобождение. Они придали исламу арабский оттенок, многократно повторяя, что Коран, который ниспослан на арабском языке через пророка-араба, является частью именно арабского культурного наследия [15. С. 63].

Но в основе национальной идеи лежали не только культурные и религиозные, но и политические мотивы, прежде всего – избавление от господства Османской империи (позже – стран Запада), прогрессирование на пути отхода от деспотического заморского правления. Среди активных пропагандистов идеи народоправления как альтернативы чуждому империализму был, прежде всего, Абд ар-Рахман аль-Кавакиби (1855–1902), писатель, общественный деятель и сириец по происхождению. Его критика режима Османской империи в значительной степени привела к зарождению среди арабов движения по созданию собственного государства и стала теоретической и идеологической основой для панарабского национализма.

Аль-Кавакиби, имея в виду в своей работе «Природа деспотизма» главным образом тиранию турецкого султана, характеризовал единоличный монархический режим как произвол, игнорирование общественного мнения и интересов. Будучи мусульманским идеологом, аль-Кавакиби искал в исламе доводы в пользу необходимости ликвидации деспотизма. Ссылаясь на ряд аятов Корана, предписывающих правителю прислушиваться к мнению просвещенных, аль-Кавакиби сделал следующий вывод: ислам «основан на принципах демократического управления» [2. С. 20]. Он подчеркивал, что ислам как религия не несет ответственности за те формы деспотического правления, которые возникали и реализовывались от его имени. Среди причин стагнации он называл отрыв политики от власти и ответственности, разделение *уммы* (1) на группы и партии, потерю справедливости и равноправия среди разных слоев *уммы*, падение авторитета общественного мнения в результате подавления и т.д. Аль-Кавакиби выступал против абсолютизма и заявлял о существовании «арабской нации (*уммы*)» [2. С. 26] как основе возрождения культуры на Востоке.

Идеологами панарабизма были в основном выходцы из ливанского региона. В конце 20-х гг. в связи с притязаниями короля Фуада на власть они начинают активизироваться в Египте. При этом для них сама их концепция была частью более широких понятий – панисламизма и панориентализма [14. С. 58], но частью самостоятельной, самодостаточной. Поначалу египетские националисты с подозрением отнеслись к панарабизму, к его теории и целям,

считая, что арабский национализм только ослабляет борьбу, которую ведут арабские народы за свое освобождение и прогресс; по их мнению, панарабизм был несбыточной мечтой [21. Р. 76]. Но когда амбициозным стремлениям египетского короля ответила буржуазия, для панарабских идей сложилась благоприятная обстановка.

В 1936 г. виднейший идеолог панарабизма Сати аль-Хусри писал, что в последние годы Египет является проводником панарабских идей, но политическое единство арабов невозможно до тех пор, пока все арабские страны не будут в состоянии консолидировать усилия. Основным определяющим фактором аль-Хусри считал язык [4. С. 94]. Эту же точку зрения пытался подтвердить и генеральный секретарь партии Вафд Макрам Убейд, который заявлял, что «Египет – арабская страна, египтяне – арабы» [20. Р. 42].

Наконец, в том же 1936 г. в Каирском университете возникло Общество арабского единства, члены которого выдвинули и отстаивали мысль «нет и не может быть *'урубь* (2) без Египта».

Следует отметить, что в межвоенный период идеи арабского единства в стране не имели широкого распространения, поскольку националистически мыслящие египтяне обосновывали особое место Египта в арабском мире и не видели смысла объединяться и включаться в панарабское движение. Однако во второй половине XX в. панарабизм в Египте получил сильнейший импульс в результате политики, проводимой Г.А. Насером, став определяющим направлением государственной идеологии Египта в 50–60-е гг.

Панисламизм: развитие исламских концепций

Наибольшей популярностью в межвоенный период пользовались идеи исламского единства. С именем Джамаль ад-Дина аль-Афгани связано зарождение и развитие идеологии панисламизма. В своей статье «Союз религии и союз народности» аль-Афгани не только разрабатывал планы его пропаганды, но и активно предлагал практические шаги по их реализации. Центральное место в его теоретических построениях занимали проблемы соотношения ислама и национализма, религии и науки, трактуемые с реформаторских позиций [13. С. 124]. Он отметил, что в доисламский период на территории современных арабских стран существовали отдельные полукочевые племена. Они были разрозненны, и им была присуща *'асабиййа* (3), т. е. племенное единство. Как считал аль-Афгани, «каждое племя было объединено силой нации малого размера, все племена боролись друг с другом, и в таком виде арабы не могли извлечь пользу из национальной силы, но только вред» [1. С. 323–327]. По представлению аль-Афгани, ислам объединил разрозненные племена, установил общие для всех законы и прекратил междоусобицы, «родовая солидарность» (*та 'ассуб джинсийй*) сменилась «религиозной» (*та 'ассуб динийй*). С момента принятия единой монотеистической религии начинается, по мнению аль-Афгани, исторический путь и величие исламских государств.

Мыслитель рассматривал ислам как единую идеологическую платформу, способную сплотить народы в борьбе против колониального гнета и вселить в них уверенность в возможности возрождения [12. С. 10].

Аль-Афгани противопоставлял национальной солидарности религиозную: «Мусульмане не знают иной истинной национальности, кроме своей религии» [1]. Он интерпретировал *'асабиййу* как единство во имя осуществления идеалов веры и считал солидарность на ее основе и даже фанатизм религиозного толка общественным благом. Таким образом, залог успешного будущего Джамаль ад-Дин аль-Афгани видел в религиозном единстве и четком следовании заповедям Корана.

Напротив, уже упомянутый Сати аль-Хусри утверждал, что арабское единство, его панарабистическая концепция – необходимая ступень к возрождению ислама и к мусульманскому единству. Панарабизм для него являлся краеугольным камнем панисламизма, необходимым фактором для реализации идей исламского возрождения [4. С. 375].

Основанная в 1928 г. ассоциация «Братья-мусульмане» активно использовала как националистические, так и неразрывные с ними (по крайней мере, в дискурсе «Братьев») исламские идеи. Актуальной целью Ассоциации провозглашалась борьба с иностранным господством и западничеством, конечной – единение всех народов мира в исламе [7. С. 53–54]. Для достижения этой цели предусматривались три этапа: первый этап к возрождению ислама – национализм в каждой отдельной стране региона; второй этап предусматривал арабское единство, поскольку ислам зародился в арабской среде и это единство считалось необходимым для возрождения славы ислама; третий – образование (или возрождение) халифата, символа мусульманского единства [15. С. 111].

Таким образом, как Сати аль-Хусри, так и «Братья-мусульмане» активно пытались совместить две кардинально разные концепции. Противоречие двух этих типов идеологии лежит в их основе, поскольку происходит использование двух полярных понятий – национализма и исламских идей, внешние атрибуты которых обманчиво совпадают.

Впоследствии, во второй половине XX в., в эпоху национальных государств, национального освободительного движения и утверждения национализма, панисламистская доктрина не получила широкого распространения в качестве теории: на передний план общественно-политической жизни выступали интересы всего народа, а не вероисповедной общины, поэтому и основная идеология была связана с секулярными тенденциями. Следовательно, стала очевидной нереальность надежд на объединение народов в исламское государство. Несмотря на это, некоторые мыслители продолжали настаивать на объединении всех мусульман в единое государство, причем полагали, что средством для этого послужит джихад (в частности, подобных взглядов придерживался Саййид Кутб) [12. С. 158].

Египетский национализм («фараонизм» и тамсир)

В течение всего межвоенного периода в политической культуре Египта доминирует национальный вопрос – ведь эта страна одной из первых в арабском регионе встала на путь создания независимого от Запада государства, как в политическом, так и в культурном отношении. Египту требовалось подтверждение законности его претензий на причастность к цивилизации – прежней исключительной прерогативе Запада.

Египет не претендовал на принадлежность к цивилизации Запада; он еще в составе Османской империи всегда пользовался относительной независимостью и автономностью. Здесь издавна сложились свои политические учреждения и институты, весь XIX в. страна проходила по пути модернизаций и реформ по «европейскому образцу», к тому же с конца XIX в. начинает активно развиваться экономика и внутренний рынок страны. [14. С. 185]. Следовательно, и высокие достижения культуры рассматривались египтянами как собственные и уникальные, силен был дух локального национализма. Идея мусульманской и османской общности сдерживала развитие любого локального арабского национального самосознания, что серьезно ослабляло остроту выступления арабов против турок. Вплоть до младотурецкой революции 1908 г. арабское национальное движение редко шло дальше требования автономии в рамках империи [14. С. 186].

Независимость означала, в первую очередь, формирование и распространение среди жителей страны представлений о ней, поэтому практически вся египетская публицистика последней четверти XIX – начала XX в. так или иначе затрагивает проблемы египетской независимости и арабского единства. Поскольку толчком к появлению идеи независимости явилось английское влияние, то для всесторонней характеристики египетской мысли необходимо выявить особенности ее восприятия английскими политическими деятелями и широкой общественностью [8. С. 3].

Национальная идея формируется как отражение консолидации общества. Эта консолидация может проявиться тогда, когда нация находится на подъеме, в этом случае национализм развивается постепенно. Национальная идея может начать развиваться и под давлением неких внешних обстоятельств: завоевание нации, угроза ее безопасности, ощущение своей «второсортности». В большинстве случаев при становлении нации присутствуют и внешний, и внутренний факторы, но играют они при этом разную роль. В Египте определяющей была присутствие внешней угрозы. Формирование национальной идеи в Египте можно сравнить с аналогичным процессом в США [9. С. 128]. Точно так же, как и в США, национальная идеология появилась в рамках просветительства, а английский контроль только усилил стремление обрести свободу. В США все это явилось истоком Войны за независимость, в Египте положило начало антианглийским восстаниям 1919–1921 гг.

Впервые идеи современного египетского национализма сформировали представители первой крупной партии, «Ватан», во главе с руководителем партии Мустафой Камилем. Национализм Камиля включал в себя элементы ислама и отчасти перекликался с османизмом.

Однако были те, кто представлял египетский национализм чисто секулярным. Одним из виднейших интеллектуалов того времени был Ахмад Лутфи ас-Саййид, автор концепции либерального национализма и ярый оппонент теории панарабизма, который настаивал на том, что египтяне являются уникальным народом, а не просто арабами. Он утверждал, что территориальное единство и национальный характер, а не язык и религия, формируют нацию. Концепция либерального национализма заключалась в том, что нация является носителем суверенитета, а основами государственности являются конституционализм, парламентаризм, разделение власти, укрепление экономики, проведение национальной политики, а также гражданские и политические свободы. Все эти преобразования должны проходить непосредственно с помощью Европы. Для ас-Саййида идеалом был свободный вестернизированный Египет, следующий на пути прогресса и буржуазной демократии. Эта концепция была идейной платформой египетских националистов, вождей египетской революции 1919 г., либерально-помещичьих и буржуазных политиков, создателей партии Вафд. Позиция умеренно-либерального крыла Вафда сводилась к следующему: «добиться мирными, законными путями» независимости Египта и формирования конституционного правительства [23. Р. 17]. Что касается радикального крыла Вафда во главе с Саадом Заглулем, его представители выступали за полный национальный суверенитет, в том числе вывод английских войск из Египта [18. Р. 47].

Вне партийной системы также активно продуцировались новые концепции и теории. Рашид Рида сформулировал принципы действительно египетского национального единства, сказав, что «современный национализм есть ничто иное, как объединение жителей отечества, у которых может быть различная религия, но которые взаимодействуют для защиты их общей родины и для сохранения ее независимости или для возвращения таковой, если она потеряна, а также для процветания своей страны» [9. С. 129].

В поисках теоретического обоснования идеалов египетского национализма творческая интеллигенция пыталась толковать египетскую историю обособленно от истории других мусульманских народов, находя в ней неарабские и неисламские истоки, а культуру представить как самобытную и самостоятельную. В соответствии с двумя этими задачами в образованной среде египтян проявились две тенденции, первой из которых стал фараонизм, второй – некоторые формы египтизации (*тамсир*) (4) культуры.

По мнению данной группы авторов, египетская нация произошла в ходе эволюции от «фараонского ядра», на которое пластами легли более поздние времена, образов специфическую социальную общность. Именно так считали теоретики фараонизма, чьи идеи захлестнули Египет в начале 20-х годов,

когда были произведены раскопки гробницы Тутанхамона, давшие новые убедительные доказательства величия древнеегипетской культуры [14. С. 60], а только что полученная независимость подняла национальный дух граждан.

Одним из самых ярых последователей идеи фараонизма был Мухаммад Хайкаль, который утверждал, что возрождение Египта на основе славы и величия древнего Египта должно происходить подобно тому, как это уже происходило в Европе в эпоху Ренессанса, когда возрождали древнегреческую культуру [16. С. 24–26].

Концепция «фараонизма» особенно ярко была изложена известным египетским писателем Тауфиком аль-Хакимом. Египтяне, по его мнению, – потомки древних людей, населявшие долину Нила, причем подлинными египтяне, с чистой родословной – это феллахи, которые «жили в своих деревнях, вдали от городов и центров, где кипели политическая и культурная жизнь» [3. С. 41–42]. Аль-Хаким утверждал, что Египет обладает своеобразной культурой, которая состояла из «фараонского ядра», на которое влияли средиземноморские народы, смена религий и другие факторы.

Той же точки зрения придерживалось и общество «Молодой Египет», члены которого, как и упомянутые выше деятели, говорили, что «Египтяне – народ Египта, унаследовавший дух всех процветавших в нем цивилизаций» [14. С. 64]. И хотя общество выступало за освобождение всех арабских стран, его главная забота «слава родины и освобождение долины Нила» [14. С. 64].

Такой «фараонизм» не имел длительного успеха. Более успешной была тенденция рассматривать Египет как самостоятельную нацию и не делать упор на ее древние корни или арабскую принадлежность [9. С. 129]. У истоков подобных взглядов были Мустафа Камил и Ахмед Лутфи ас-Сеййид.

Отражением и развитием националистических настроений в области культуры, которое тоже оставило свой след в жизни страны, – это движение за египтизацию языка («*тамсир ал-луга*»). Первым данную идею выдвинул ас-Сеййид в 1913 г. в статье «О египтизации в литературе» [11]. В статье утверждалось, что использование диалекта в литературных произведениях допустимо и даже желательно. Но в условиях сплошной неграмотности населения подобные идеи не могли иметь успеха – тем более что все школьное образование велось на классическом арабском языке.

Конечно, идея национального самосознания, в какой бы форме она ни проявлялась, не могла быть порождена в Египте без прямого вмешательства англичан. Осознание египтянами себя как нации пришло только на почве противостояния англичанам, их воззрениям и культуре. Представители интеллигенции ежедневно видели у себя в стране проявления английского патриотизма, причем патриотизм и приверженность своей стране проявлялись порой бессознательно. Все это не могло не отразиться на формировании национальной идеи в самом Египте. Последователи сугубо национальной теории считали, что население Египта есть потомки древних египтян, и гордились их вкладом в развитие современной цивилизации. «Фараонизм», так и не став

общепринятой идеологией, важен уже тем, что означал полный разрыв с исламскими и панарабскими представлениями о нации.

Во второй половине XX в. интерес к «фараонизму» проявился на государственном уровне в период правления Президента Анвара Садата. Внешнеполитический курс Садата, в особенности заключение мирного договора с Израилем, привел к разрыву отношений Египта с большинством арабских и мусульманских стран. Теория египетской самобытности, казалось бы, давала оправдание подобным действиям, однако в глазах большинства египтян подобные идеологические построения звучали совершенно неубедительно. Все это вкупе со спорными экономическими преобразованиями привело к непопулярности политики Садата в целом.

Панориентализм и общевосточная самоидентификация

В межвоенный период особую популярность приобрела панориенталистская концепция, в западной научной литературе – *истернизм* (*Easternism*) (5), достигшая высшего прагматического проявления в деятельности Общества Восточного Единства.

К началу межвоенного периода истернизм не был новой для Египта идеей. Арабские мыслители-модернисты давным-давно пришли к мысли, что мир делится на два диаметрально противоположных «полюса»: Восток (Азия и Африка) и Запад (Европа с американскими колониями). Хотя в 20-е гг. идеям истернизма уделили больше внимания, они были так же расплывчаты и общи, как и до войны. Некоторые авторы под словом «Восток, восточный» подразумевали «Исламский мир», другие – восточно-арабское пространство (*Маширик*). Более-менее четкую терминологию сформулировал Абд ар-Разик, для которого «Восток» стал альтернативой «Западу», то есть Европе с Америкой, под Востоком понималось все колониальное пространство.

Кстати, сами египтяне не всегда включали в «Восток» Египет. Салама Муса, египетский журналист, один из создателей египетской социалистической партии, утверждал, что с точки зрения исторической судьбы и даже лингвистических корней Египет – часть западной цивилизации. Таха Хуссейн также предложил относить Египет к Средиземноморскому пространству, в одном ряду с Грецией и Римом и отдельно от сугубо духовных корней Востока и восточной культуры – Индии и Китая.

В основе претензий на восточное единение обычно лежало сходство культуры и некоего абстрактного восточного этоса либо же необходимость со-обща обороняться от экспансии западного этоса. Последнее хотя бы было не туманно, а конкретно, но некоторые египтяне из этого приходили к выводу, что истернизм – искусственное понятие, которое может существовать в случае самообороны, но без надобности немедленно исчезнет.

Разработанную концепцию предложил в конце 20-х гг. Мухаммад Хуссейн Хайкаль, для которого Восток и Запад – противоположно различные ци-

визилизации, причем Восток (от Восточного Средиземноморья до Китая) – цивилизация духовности и колыбель мировых религий, а Запад – цивилизация науки и индустрии [22. Р. 647]. По нему, эта разница проявляется на моральном уровне, поскольку для Востока выше всего стоят религиозные созидательные ценности, а для Запада – деструктивный скептицизм. Следовательно, в будущем победа, триумф за Востоком, тем более что сам Запад тоже приходил к осознанию неизбежности своего падения – можно вспомнить хотя бы «Закат Европы» Шпенглера, немецкого философа и историка, одного из основоположников современной философии культуры.

Вообще, в 20-х гг. в Египте была широко распространена вера в существование неких невидимых связей между народами Востока, а с ней – и желание реально работать над укреплением этих связей и уз.

Идея панориентализма как нечто четко сформулированное зародилась около 1920 г., когда на пике национально-освободительной борьбы группа представителей интеллигенции предположила возможность политического союза со всеми колониальными странами Азии. Однако расцвет этой доктрины был обусловлен политизацией всех процессов, включая идеологические, и основанное в 1925 г. Общество Восточного Единства играло роль противовеса устаревающим идеям панисламизма, интересы общины в рамках которого уступали по охвату интересам нации [14. С. 79], и исламистского реформаторства [22. Р. 646]. Поначалу в него входили даже члены королевской семьи и такие видные религиозные деятели, как Рашид Рида, но по мере того, как культурные противоречия с Западом уступали место политическим процессам, не отвечающим интересам консервативных кругов, разрыв становился очевиден.

У Риды также была идея федерации мусульманских государств – халифата, к возрождению которого он призывал [14. С. 85], однако узкие общинные ориентиры Риды были тесны для идей националистов. К тому времени ислам даже в модернизированной форме не представлял для них интереса: организаторский потенциал секулярного общества и рационализм были нужны им больше [14. С. 18]. В конце концов, его участие в деятельности Общества оказалось значительно ограничено секулярно настроенными активистами, такими как Абд ар-Разик и члены либеральной партии.

В 1927 г. организация получила структурное оформление: появились семь комитетов по семи регионам (восточно-арабский, турецкий, иранский, индийский, дальневосточный, магрибинский и африканский), годом спустя Общество начало издавать собственный журнал, и постепенно идеи панориентализма действительно стали реальным противовесом панисламистской концепции, строившейся не на политическом, а на религиозном принципе [22. Р. 656]. В 1930 г. был избран административный совет организации, включивший в себя приверженцев секуляризма и модернистов, и первая половина года ознаменовалась диспутами между претендовавшим на ведущую роль в идеологии Египта аль-Азхаром (с примкнувшими к нему отдельными личностями, например, самим Ридой) и руководством Общества.

В результате раскола оппозиции в 1931–1932 гг. вследствие провала опыта коалиционного правительства [24. Р. 289] наступил критический для многих организаций период, многие структуры перестали функционировать, и одним из первых прекратило свое существование Общество Восточного Единства.

В заключение стоит отметить, что расплывчатость идеи и провал попыток реализовать ее на практике привели к тому, что концепция угасла и сменилась более реализуемыми (или даже более реалистичными) теориями арабского или мусульманского единства.

По этой причине внешнеполитические связи Вафда со странами колониального мира не пошли дальше других арабских государств и Ирана, и идея панориентализма сама по себе практически отмерла [22. Р. 664].

Однако отказ от политизации истернистских концепций привел к складыванию на основе идей азиатско-африканской солидарности концепции панарабизма, имеющей под собой не только политическую, но и культурную и лингвистическую базу. В конце концов, успех на политическом поприще в то время имели те силы, которые не копировали партийно-организационную модель Вафда, но предполагали привнесение чего-то нового. Национализм, эталоном организации которого считался Вафд, не подразумевал систему принципов общества, ориентированную на нечто большее, чем получение независимости, и на смену ему приходили структуры, видевшие успех страны в социальном и экономическом развитии [14. С. 20].

В 30-е гг., когда в Египте главенствовал территориальный национализм, светский, не связанный с языком, культурой или корнями, именно истернизм заставлял египтян вспомнить, кто они такие, обратиться к своим истокам. В это десятилетие изоляции именно истернизм напомнил им, что существует и внешний мир, в котором можно найти партнеров, опору, поддержку. И именно истернизм, заложив основы азиатско-африканской поствоенной солидарности (1940–1950-е гг.), определил развитие внешних сношений, мысли и поведения на мировой арене Египта на последующие десятилетия. В частности, Египет стоял у истоков формирования Движения неприсоединения, принимал участие в создании Организации африканского единства и других объединений бывших колониальных и зависимых стран.

Заключение

Особенностью египетской национальной идеологии стал ее интегрированный характер: она вобрала в себя основные направления общественно-политической мысли, каждое из которых, так или иначе, несло на себе печать религиозной мысли или светского национализма. Она стала связующим звеном, позволившим египетским мыслителям создать однородное культурное пространство; само формирование такой идеологии заставило разные слои

общества выразить свое отношение к нему, что способствовало созданию политических партий.

Вопрос о получении независимости был неразрывно связан с представлениями о дальнейших путях развития страны. Группой, поднявшей вопрос о независимости Египта, стала европейски образованная часть населения, что и определило стремление направить развитие страны по западному пути развития. Устранение духовенства от политических процессов определило светский характер развития Египта в XX в.

Надо помнить, что Египет перед Первой мировой войной был в особом политическом положении. Он являлся арабским исламским государством, формально частью Османской империи, неформально – частью Британской. При этом великое прошлое страны позволяло сохранять собственные политические амбиции. Британское же вмешательство во внутреннюю жизнь страны заставило передовых египетских мыслителей актуализировать все эти представления и способствовало выработке принципиально нового взгляда на достижение суверенитета, выразившееся в появлении Конституции 1923 г., которая оказала значительное влияние на развитие политической культуры Египта.

В целом, каждое из рассмотренных направлений самоидентификации Египта – панарабское, панисламское, египетское («фараонизм») и панориенталистское – сделали определенный вклад в развитие самосознания египетского общества в межвоенный период, и так или иначе проявились в истории Египта второй половины XX в. При этом до настоящего времени ни одна из концепций не победила окончательно. Сущность Египта заключена в этих четырех началах, но как они будут взаимодействовать в будущем – соперничать или сотрудничать – зависит от очень многих факторов.

© Ибрагимов И.Э., Куделин А.А., 2018

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Умма* – первоначально – религиозная община в исламе. Понятие появилось в эпоху проповеди Мухаммада и встречается в Коране. Вплоть до конца XIX в. понятие применялось исключительно в отношении мусульманской общины верующих. Но с появлением концепций панисламизма и панарабизма появилось обособление понятий «умма исламиййа» (мусульманская община) и «умма арабиййа» (арабская нация).
- (2) *'Уруба* – формирование арабского единства на этнической и языковой основе.
- (3) *'Асабиййа* – коллективная солидарность племени, клана. *Шире* – коллективная солидарность в рамках целой нации, противопоставляется единению на базе ислама.
- (4) *Тамсир* – от арабского корня «ма-са-ра», семантически связанного с Египтом («Миср» – Египет). Тамсир буквально переводится как «египтизация».
- (5) Этим термином и пользуется в своей статье Дж. Янковски, наиболее полно описавший феномен панориентализма в Египте.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] [Аль-Афгани, Джамаль ад-Дин]. Хатарат аль-Афгани – ара’ уа афкар (Мемуары аль-Афгани: взгляды и мысли). Ал-Кахира, 2002.
- [2] Аль-Кавакиби, Абд ар-Рахман. Природа деспотизма и гибельность порабощения. М., 1964.
- [3] Аль-Хаким, Тауфик. ‘Аудат ар-рух (Воскрешение духа). Аль-Кахира, [б.г.].
- [4] Аль-Хусри, Сати’. Ма хийа ал-каумиййа? (Что такое национализм?) URL: <https://docs.google.com/file/d/0V1hVНр4YpIKoZ1IyWj16aHkzYUk/edit?pli=1> (дата обращения: 25.01.2017).
- [5] Ар-Рафи’и, ‘Абд ар-Рахман. Мустафа Камиль: ба’ис ал-харака ал-ватаниййа (Мустафа Камил: возрождающий патриотическое движение). Аль-Кахира, 1984.
- [6] Аш-Шафии Ш.А.. Развитие национально-освободительного движения в Египте (1882–1956). М., 1961.
- [7] Бадауи Н.М., Куделин А.А. Влияние арабского Возрождения (ан-Нахда) на идеологию «Братьев-мусульман» // *Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история*. 2017. Т. 9. № 1. С. 53–66.
- [8] Белолипецкая Н.А. Британское восприятие Египта в конце XIX – начале XX в.: основные стереотипы // *Аналитика культурологии*. № 13 (2009). С. 1–6.
- [9] Белолипецкая Н.А. Формирование национальной идеи в Египте и ее восприятие англичанами (1882–1923 гг.) // *Вестник Челябинского гос. ун-та*. 2008. № 24. С. 125–135.
- [10] Газаль, Мустафа Фаузи ибн ‘Абд аль-Латиф. Да’уат Джамаль ад-Дин аль-Афгани фи майзан ал-ислам (Призыв Джамаль ад-Дина аль-Афгани к балансу ислама). Ар-Рияд, 1983.
- [11] Камиха, Джабир. Тамсир ал-луга («Египтизация» языка). URL: http://www.alukah.net/literature_language/0/78720/#_ftn1 (дата обращения: 16.05.2015).
- [12] Куделин А.А., Кадырова К.А., Лукашев А.А. *Джихад многоликий*. СПб., 2015.
- [13] Кириллина С.А. *Ислам в общественной жизни Египта (вторая половина XIX – начало XX в.)*. М., 1989.
- [14] Левин З.И. *Ислам и национализм в странах зарубежного Востока: идейный аспект*. М., 1988.
- [15] Левин З.И. *Развитие арабской общественной мысли, 1917–1945*. М., 1979.
- [16] Хайкаль Мухаммад Хусейн. Аш-шарк ал-джадид (Новый Восток). URL: <http://www.startimes.com/?t=22541272> (дата обращения: 07.03.2015).
- [17] Чикаидзе Ц.М. Проблема арабского единства и политика Великобритании на Ближнем Востоке в первой половине XX в. // *Известия Алтайского гос. ун-та*. 2007. № 4–3. С. 262–267.
- [18] Bearce G.D. *Saad Zaghlul and Egyptian Nationalism*. Madison, 1949.
- [19] Deeb M. *Party politics in Egypt: the Wafd and its rivals, 1919–1939*. London, 1979.
- [20] El-Feki M. Makram Ebeid: *Politician of the majority party* // *Contemporary Egypt: through Egyptian eyes*. / ed. C. Tripp. London, N.-Y., 1993.
- [21] Geer B. *The Priesthood of Nationalism in Egypt: Duty, Authority, Autonomy: Dissertation*. SOAS (School of Oriental and African Studies), 2011.
- [22] Jankowski J. *The Eastern Idea and the Eastern Union in Interwar Egypt* // *The International Journal of African Historical Studies*. 1981. Vol. 14. No. 4. Pp. 643–666.
- [23] Shamsi A. *Egypt and the Right of nations*. Geneve, 1918.

- [24] Vatikiotis P. J. *A History of Egypt*. Baltimore, 1980.
[25] Vatikiotis P. J. *The Egyptian army in politics: Pattern for new nations?* Bloomington, 1961.

REFERENCES

- [1] [Al-Afgani. Dzhamaal ad-Din]. *Khatarat al-Afgani – ara'ua afkar*. Al-Kakhira, 2002.
[2] Al-Kavakibi. *Abd ar-Rakhman. Priroda despotizma i gibelnost poraboshcheniya*. M., 1964.
[3] Al-Khakim. Taufik. 'Audat ar-ruk. Al-Kakhira. [b.g.].
[4] Al-Khusri. Sati'. *Ma khiya al-kaumiyya?* URL: <https://docs.google.com/file/d/0B1hVHp4YpIKoZ1IyWj16aHkzYUk/edit?pli=1>.
[5] Ar-Rafi'i. 'Abd ar-Rakhman. Mustafa Kamil: ba'is al-kharaka al-vataniyya. Al-Kakhira, 1984.
[6] Ash-Shafii Sh.A. *Razvitiye natsionalno-osvoboditel'nogo dvizheniya v Egipte (1882–1956)*. M., 1961.
[7] Badaui N.M., Kudelin A.A. *Vliyaniye arabskogo Vozrozhdeniya (an-Nakhda) na ideologiyu «Bratyev-musulman» // Vestnik RUDN. Seriya: Vseobshchaya istoriya*. 2017. T. 9. № 1. S. 53–66.
[8] Belolipetskaya N.A. *Britanskoye vospriyatiye Egipta v kontse XIX – nachale KhKh v.: osnovnyye stereotipy // Analitika kulturologii*. № 13 (2009). S. 1–6.
[9] Belolipetskaya N.A. *Formirovaniye natsionalnoy idei v Egipte i eye vospriyatiye anglichanami (1882–1923 gg.) // Vestnik Chelyabinskogo gos. un-ta*. № 24 (2008). S. 125–135.
[10] Gazal. *Mustafa Fauzi ibn 'Abd al-Latif. Da'uat Dzhamaal ad-Din al-Afgani fi mayzan al-islam*. Ar-Riyad, 1983.
[11] Kamikha. *Dzhabir. Tamsir al-luga*. URL: http://www.alukah.net/literature_language/0/78720/#_ftn1.
[12] Kudelin A.A., Kadyrova K.A., Lukashev A.A. *Dzhikhad mnogolikiy*. SPb., 2015.
[13] Kirillina S.A. *Islam v obshchestvennoy zhizni Egipta (vtoraya polovina XIX– nachalo XX v.)*. M., 1989.
[14] Levin Z.I. *Islam i natsionalizm v stranakh zarubezhnogo Vostoka: ideynny aspekt*. M., 1988.
[15] Levin Z.I. *Razvitiye arabskoy obshchestvennoy mysli. 1917–1945*. M., 1979.
[16] Khaykal. *Mukhammad Khuseyn. Ash-shark al-dzhadid*. URL: <http://www.startimes.com/?t=22541272>.
[17] Chikaidze Ts.M. *Problema arabskogo edinstva i politika Velikobritanii na Blizhnem Vostoke v pervoy polovine XX v. // Izvestiya Altayskogo gos. un-ta*. № 4–3 (2007). S. 262–267.
[18] Bearce G. D. *Saad Zaghlul and Egyptian Nationalism*. Madison, 1949.
[19] Deeb M. *Party politics in Egypt: the Wafd and its rivals, 1919–1939*. London, 1979.
[20] El-Feki M. *Makram Ebeid: Politician of the majority party // Contemporary Egypt: through Egyptian eyes / ed. C. Tripp*. London, N.-Y., 1993.
[21] Geer B. *The Priesthood of Nationalism in Egypt: Duty, Authority, Autonomy*. Dissertation. SOAS (School of Oriental and African Studies), 2011.

- [22] Jankowski J. The Eastern Idea and the Eastern Union in Interwar Egypt. *The International Journal of African Historical Studies*. Vol. 14. No. 4 (1981). Pp. 643–666.
- [23] Shamsi A. *Egypt and the Right of nations*. Geneve, 1918.
- [24] Vatikiotis P. J. *A History of Egypt*. Baltimore, 1980.
- [25] Vatikiotis P. J. *The Egyptian army in politics: Pattern for new nations?* Bloomington, 1961.

Models of Egypt's self-identification in the interwar period (1919–1939)

I.E. Ibragimov

Institute of Africa Russian Academy of Sciences
30/1 Spiridonovka St., Moscow, 123001, Russia

A.A. Kudelin

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
10–2 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia

In the article, the authors consider the models of self-identification typical for the public thought of Egypt of the interwar period. In the first half of XX century Egypt entered an important period of its history. As one of the first formally independent Arab States, Egypt continued to struggle for full sovereignty from the United Kingdom while seeking to establish itself as a regional leader. In this regard, the leading thinkers of Egypt tried to determine the place of their country in the world and find the most acceptable ideology for it, which could also rally other Arab, Muslim, Asian and African countries around Egypt.

The article touched upon four concepts that were developed during the interwar period and influenced the further development of public thought in Egypt. Some thinkers have tried to develop a model of secular pan-Arabism based on the ideas of al-Kawakibi and al-Husri. For these authors, Egypt was an integral part of the Arab world and the core of its possible unification. The second concept was related to pan-Islamism: developing the ideas of al-Afghani, the ideologues of this direction interpreted Egypt primarily as a Muslim country and part of the *Dar al-Islam*. For example, “Muslim Brotherhood” belonged to this group. The third concept is associated with the comprehension of the identity of Egypt through the idea of “pharaonism” and “*tamsir*” modern Egyptians declared heirs of the ancient Egyptian civilization. The fourth concept, conventionally named Eastern Idea or *Easternism*, was founded on the opposition of all the countries of the East to Western countries.

Each of the areas of identity of Egypt – pan-Arab, pan-Islamic, Egyptian (“pharaonism”) and Easternism – made a contribution to the development of the identity of Egyptian society in the interwar period, and somehow influenced on the history of Egypt in the second half of the XX century.

Key words: self-identification, Egypt, pan-Arabism, pan-Islamism, pharaonism, *tamsir*, Easternism

Информация об авторах / Information about the authors

Ибрагимов Ибрагим Эминович, аспирант Института Африки РАН.

Ibragim Ibragimov, postgraduate student, Institute of African Studies, Russian Academy of Sciences.

E-mail: ibragim07_93@mail.ru

Куделин Андрей Александрович, к.и.н., старший преподаватель кафедры всеобщей истории РУДН.

Andrey Kudelin, PhD in History, Department of World History, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University).

E-mail: kudelin_aa@rudn.university

Для цитирования / For citations

Ибрагимов И.Э., Куделин А.А. Модели самоидентификации в Египте в межвоенный период (1919–1939 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2018. Т. 10. № 4. С. 355–370. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-4-355-370

Ibragimov I.E., Kudelin A.A. Models of Egypt's self-identification in the interwar period (1919–1939). *RUDN Journal of World History*. 2018. 10(4): 355–370. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-4-355-370

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 13.08.2018

DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-4-371-381

Восстание белых рабочих в Витваттерсранде 1922 г.: восприятие в британском общественном мнении

А.Д. Стрельцов

Государственный академический университет гуманитарных наук
Россия, 119049, Москва, Ленинский пр-т, д. 32А

В статье представлено исследование проблемы восстания белых горняков Витваттерсранда в январе–марте 1922 г. Целью исследования было рассмотреть причины восстания, реакцию на него британского истеблишмента и прессы, а также лидера Южно-Африканского Союза. На основе ряда источников показана предыстория вопроса и движущие силы восставших. В статье содержится указание как на традиционные факторы забастовки, характерные для промышленности первой половины XX в., так и на специфические черты Южной Африки, повлиявшие на восстание. Автор уделил внимание тому, как британская пресса анализировала причины восстания и как различные издания оценивали его в зависимости от своей идеологии. Кроме того, рассматривается значение восстания для дальнейшего принятия решений британским руководством по колониальной политике.

Ключевые слова: ЮАС, Британская империя, парламент, забастовка, восстание, рабочие, подавление, шахты, Витваттерсранд

Введение

Восстание горняков Витваттерсранда в 1922 г. занимает в истории ЮАС заметное место. Оно оказало определенное влияние на дальнейшее экономическое, политическое и социальное развитие доминиона.

Рассматривая различные вопросы, связанные с данным восстанием, представляется актуальным обратить внимание на то, как оно воспринималось властями и прессой в Лондоне и лидером ЮАС.

Восстание горняков имело для ЮАС большое значение, поскольку добыча золота играла важнейшую роль в его экономике с самого его образования. В начале XX в. ЮАС производил от 1/5 до 1/4 мирового производства золота; к 1914 г. его доля выросла 1/3, к 1920-м гг. – до половины. Ни одно южноафриканское правительство не могло игнорировать золотодобычу; она определяла экономическую и социальную структуру ЮАС и его соседей; обеспечивала доходы государства и внешнюю торговлю, подтверждала влияние доминиона во всем мире. Капитал, накапливаемый золотоносными шахтами

Южной Африки, был крупнейшим источником инвестиций в золотоносные, медные и угольные шахты Родезии. Вместе с тем богатейшая в мире горнодобывающая отрасль была основана на парадоксальном сочетании богатства и огромного стремления шахтовладельцев к минимизации издержек производства [2. Р. 550].

Все это заставляет предположить, что забастовка в данной части британской империи должно было привлечь большое внимание Лондона. Волнения в ЮАС вызвали значительную реакцию английского руководства, общественности и средств массовой информации.

Исследование проблемы

Особенностью добычи полезных ископаемых в ЮАС было то, что большая часть южноафриканской золотой руды была низкой пробы и залежала глубоко; затраты на ее разработку были высоки, а потолок мировых цен не позволял их покрыть при продаже. Из-за этого приобретала большую остроту проблема нерентабельности добычи полезных ископаемых. Шахтовладельцы стремились решить ее, заменяя белых рабочих на значительно менее требовательных рабочих из числа черных. Благодаря эксплуатации дешевой рабочей силы из числа черных добывающая промышленность ЮАС развивалась на протяжении первой половины XX в. довольно успешно.

С другой стороны, проблемой для шахтовладельцев было то, что свободные и сплоченные белые рабочие могли защитить свои зарплаты и компенсировать высокую стоимость жизни с помощью государственного обеспечения здравоохранением, установления мер по технике безопасности на производстве. Бесправные африканские рабочие, вытесненные из доиндустриальных обществ Южной Африки, не имели такой возможности. Это привело к тому, что возникли большие диспропорции между зарплатами белых и черных. В 1920-м г. 21 500 белых рабочих зарабатывали вдвое больше, чем 180 000 черных рабочих [2. Р. 550–551].

Ситуацию усугубили экономические трудности, с которыми столкнулся доминион в начале 1920-х гг. В период Первой мировой войны девальвация фунта стерлинга повысила цену на южноафриканское золото, и золотодобытчики получили надбавку до пятидесяти процентов к ранее установленной цене в 85 шиллингов за унцию. В 1922 г. британское правительство объявило о намерении вернуться к золотому стандарту по довоенному паритету. Для горнодобывающих компаний это означало падение цены на их продукцию примерно на 35 процентов.

Причиной восстания 1922 г. было стремление Горной палаты, представляющей интересы шахтовладельцев, добиться резкого сокращения своих расходов на заработную плату шахтерам. Палата решила осуществить это за счет белых горняков: начать замену белых африканцами на ряде полуквалифицированных работ. Шахтовладельцам такая замена могла принести большую выгоду.

ду, поскольку при существовавших дискриминационных ставках заработной платы белый получал на этих работах 20 шилл. в день, а африканец – только 3 шилл. Решение Горной палаты, принятое в 1921 г., мотивировалось резким снижением прибылей ввиду экономического кризиса, который, наряду с Англией и другими капиталистическими государствами, с конца 1920 г. больно ударил по ЮАС, прежде всего по его горной промышленности. Призывая белых рабочих согласиться на свои условия, шахтовладельцы трагически предрекали, что в ином случае придется закрыть большинство рудников и «травой порастет то место, где сейчас пролегают улицы Йоханнесбурга» [1. С. 459].

Важно отметить, что большую часть белых рабочих составляли африканеры. Незадолго до того они были вовлечены в архаичное сельское хозяйство Витваттерсранда, но экономическое развитие ЮАС вынудило их пополнить ряды пролетариата. Квалификация большей их части была низкой и примерно соответствовала уровню черных шахтеров. Рабочие африканеры объединили усилия с англоязычными профсоюзами. Их вдохновляли идеи образованной незадолго до того Коммунистической партии ЮАС. Но надежды лидеров Коммунистической партии, что белые рабочие объединятся с черными в борьбе за улучшение своего положения, не оправдались [2. Р. 559].

Для белых рабочих решение Горной палаты заменить их черными означало, что более 4 тыс. из них выбросят на улицу, и что подобная судьба в дальнейшем будет постоянно угрожать остальным. Представители почти всех профсоюзных организаций, объединявших 24 тыс. белых горняков Трансвааля, собравшись вечером 31 декабря 1921 г., объявили о начале с 8 января 1922 г. всеобщей стачки [1. С. 459].

На ситуацию повлияли особенности экономического развития региона. Белые рабочие ожидали, что будут получать большую заработную плату в связи с недостатком квалифицированных рабочих, возросшей стоимостью жизни и ожиданиями, возникшими благодаря алмазным шахтам Кимберли и золотоносным шахтам Витваттерсранда [3. Р. 590]. Белые рабочие связывали возможное улучшение своего положения с так называемым цветным барьером – рядом законодательных актов, принимавшихся с момента образования ЮАС. Эти законы запрещали нанимать черных рабочих, проживающих выше 22 широты.

Цветной барьер, установленный рядом законов, принимавшихся в ЮАС начиная с его образования, был двух видов:

– так называемый статутный барьер был воплощен в нормативно-правовых актах, заключенных в Законе о шахтах и работах. Он защищал семь тысяч человек 32 профессий;

– договорный барьер, обеспечиваемый Соглашением о статусе-кво, по которому Горная палата, с одной стороны, могла не увольнять неевропейцев, уже нанятых на полуквалифицированную работу, но соглашалась в дальнейшем не пренебрегать наймом белых [3. Р. 589].

Первоначально введение цветного барьера не привело ни к каким последствиям, поскольку выросла цена на золото. Но затем цена на золото упала с 42 до 19 шиллингов за унцию. Это привело к серьезным убыткам горнодобывающих компаний. Горная палата в связи с этим выступила против договорного барьера, который защищал четыре тысячи человек девятнадцати профессий. Сначала она убедила профсоюзы согласиться на реорганизацию работ на шахтах, а затем предложила отказаться от существовавшей дорогостоящей системы горнодобычи по контракту и нанимать черных на полуквалифицированную работу. В январе 1922 г. владельцы золотоносных шахт официально заявили, что в течение месяца перестанут соблюдать обеспечиваемый Соглашением о *status quo* договорный барьер. Шахтеры угольных и золотоносных шахт Витваттерсранда восприняли данное заявление как ультиматум и присоединились к начавшим раньше забастовку недовольным инженерам [3. Р. 589].

Либерально ориентированная пресса Великобритании раньше всего отреагировала на начало забастовки. Активность профсоюзных деятелей и условия для забастовки, сложившиеся к началу января 1922 г., одной из первых осветила газета *The Manchester Guardian*:

«Все указывает на то, что голосование профсоюзных деятелей, объединившихся с рабочими горнодобывающей промышленности, будет в пользу объявления забастовки подавляющим большинством голосов. И все же наиболее информированные участники событий ожидают, что развязка наступит в среду, после встречи членов Горной палаты и делегатов шахтеров золотоносных шахт по вопросу о сохранении *status quo* (по которому сохранялся цветной барьер – *А.Д.*), изменения условий труда шахтеров и упразднения существующей системы заключения трудовых договоров.

Премьер (Ян Христиан Смэтс – *А.Д.*) неожиданно посетил Йоханнесбург и согласовал с Промышленной федерацией вопрос поставок угля на электростанции на период проведения переговоров. Он указал на то, что если поставки будут ограничены в соответствии с резолюцией Промышленной федерации, то это может означать закрытие ряда шахт.

Промышленная федерация отклонила призыв премьера» [4. Р. 8].

То же издание в общих чертах описало атмосферу, в которую погрузился Витваттерсранд в январе 1922 г.

«Витваттерсранд пребывает в муках острых беспорядков в промышленности, которые после войны прокатились по всему миру. Генерал Смэтс в последний раз тщетно призвал к миру, и кризис, примечательный даже для истории промышленности ЮАС, в которой уже имели место беспорядки, охватил страну. Его суть хорошо понятна. Искусственно созданные условия, при которых осуществлялось управление угольными и золотоносными шахтами ЮАС в период войны, миновали. Столкнувшись с тяжелыми последствиями этого, шахтер стремится сохранить, насколько это возможно, свое фиктивное благополучие. Шахтовладелец, напротив, принимает меры к уменьшению стоимости производства – иными словами, к уменьшению зарплаты и к

увеличению объема работ. В ЮАС этот распространенный по всему миру антагонизм интересов усложняется фактором, которого нет у нас на родине. В ЮАС значительную пропорцию рабочих составляют черные, и белые деятели Лейбористской партии ЮАС всегда стремились предотвратить посягательства менее требовательных черных рабочих на более ответственные и квалифицированные должности, которые белый рабочий хотел бы получить сам» [5. Р. 6].

Дальнейшие переговоры, в которых правительство пыталось играть роль посредника, не увенчались успехом. Забастовка переросла в массовые беспорядки. Восставшие стали формировать вооруженные отряды командос, что привело к столкновениям с силами безопасности доминиона [3. Р. 591].

Здесь наиболее важным является еще одно свидетельство того, что самыми активными забастовщиками были именно африканеры. Они связывали улучшение своего положения и защиту от конкуренции со стороны черных с деятельностью правительства Смэтса.

Правительство стянуло к району рудников 20 тыс. солдат. 10 марта, введя чрезвычайное положение и арестовав руководителей стачки, власти двинули против бастующих войска, самолеты и броневик. В течение нескольких дней в горняцких городах и поселках шли баррикадные бои. Но силы были слишком неравны, к тому же широкие улицы колониальных городов не были приспособлены для баррикадных боев. К 16 марта рабочих разгромили [1. С. 459–460].

Смэтс сформировал Горнодобывающий промышленный совет (или Совет горнодобывающей промышленности), чтобы он выработал рекомендации по дальнейшей политике. Премьер позволил сохранить прописанный в Акте о шахтах и работах 1911 г. цветной барьер. Однако он учредил судебную Горнодобывающую промышленную комиссию, с одобрения которой Горная палата денонсировала Соглашение о *status quo*, ранее гарантировавшее договорный цветной барьер. Далее Смэтс протасил Антидемпинговый акт, чтобы защитить возникающие вспомогательные отрасли промышленности ЮАС от конкуренции со стороны рабочих Центральной Европы, а также меры, ограничивающие участие неевропейцев в некоторых видах торговли [3. Р. 593].

Таким образом, Смэтс пошел лишь на самые ограниченные уступки белым рабочим в желании ограничить конкуренцию на рынке труда. Однако премьер, подавив восстание, занял позицию, враждебную рабочим, по главному пункту, вызвавшему восстание: отменил цветной барьер. Лидер ЮАС фактически встал на сторону шахтовладельцев, ранее отказавшихся соблюдать принцип благопрियствования при найме белых.

В данной связи интересно посмотреть, как конфликт представляли в Лондоне. Восстание попало на полосы британских изданий – консервативной *The Times* и либеральной и постепенно смещающаяся влево *The Manchester Guardian*. Первая видела в восстании главным образом акт гражданского неповиновения, переросшего в военные действия по вине восставших. Ее кор-

респонденты в красках описывают то, что должно вызвать осуждение консервативного читателя: горняки вели бои с применением оружия против правительственных сил. А вот *The Manchester Guardian* стремится разобраться в причинах восстания, понять, каковы были мотивы восставших, как экономические, так и расовые. Похожий материал содержала и лейбористская *Daily Herald*, также заострившая внимание на процессе нарастания конфликта в Ранде и реакции властей на происходящее. Особенно важным в сообщении *Daily Herald* представляется то, что забастовщики были почти все африканеры, и речи на митингах произносились на африкаанс. Именно африканеры были наиболее непримиримы в отстаивании цветного барьера, равно как и других мер, разделяющих белых и черных.

Расовые отношения в ЮАС, ставшие одним из поводов к восстанию, ярко проявились в действиях восставших. Одна из полос британской газеты *The Daily Telegraph*, вышедшей в самый разгар восстания – 10 марта 1922 г., была озаглавлена «Нападения на коренных жителей»:

«Ожидается подтверждение сообщения, что во Фредедорпе (пригород Йоханнесбурга) были убиты трое цветных – двое мужчин и одна женщина. Одна из наихудших черт забастовки состоит в постоянных нападениях забастовщиков на безобидных коренных жителей. Это – акт устрашения (черного населения – *А.Д.*) в наиболее жестокой, безнравственной и бессмысленной форме. Мистер Годфри, известный врач из Индии, был ранен в голову во время одного подобного инцидента, случившегося в железнодорожном тоннеле во Фредедорпе. Дикое возбуждение восставших стало причиной многочисленных револьверных выстрелов. Полицейские по прибытии увидели, как отряд коммандо гонится за африканцем. Забастовщики также преследовали полицейских шахты Кроун Майнз, но те, будучи вооружены, оказались для своих преследователей слишком грозным противником» [6. Р. 11].

Таким образом, белые рабочие подняли восстание из-за страха конкуренции с цветными, поэтому их ненависть к ним была сравнима с ненавистью к капиталистам. Африканцы не могли не восприниматься белыми горняками не только как конкуренты, но и как штрейкбрехеры.

Британская пресса, как и руководство ЮАС, также расценила забастовку шахтеров как предвестие возможной революции:

«Правительство (ЮАС – *А.Д.*) оценивает ситуацию в промышленности как серьезную. Оно верит, что националистически настроенные шахтеры с удовольствием свергли бы действующее правительство, если бы могли, но в настоящий момент отсутствует угроза конституционному порядку или революционный настрой. И все же, всегда есть угроза, что искра может вызвать пожар, масштаб которого никто из лидеров доминиона не может предвидеть» [4. Р. 8].

Аналогичным образом воспринимали происходящее в Витваттерсранде в британском парламенте: там также считали, что восстание горняков ЮАС связано с деятельностью Москвы. Депутат палаты общин полковник Ньюман

спросил премьера-министра Чемберлена: «Собираетесь ли вы изменить свое намерение встретиться с советскими представителями на предстоящей конференции (1) в связи с тем, что было выявлено доказательство прямой связи правительства Советской России с разразившейся в настоящий момент гражданской войной в Йоханнесбурге?» Далее полковник Ньюман спросил, будет ли Чемберлен как-то общаться с представителем ЮАС в Советской России [8].

Премьер Смэтс в своих выступлениях по поводу восстания жестко осудил мятежных рабочих и особенно их лидеров. Он заявил, что вдохновившая их идеология схожа с большевистской. Тем самым он пытался оправдать жесткость, с которой правительственные войска действовали в отношении восставших. Позиция Смэтса по отношению к восставшим не осталась без внимания английской прессы. Спустя несколько дней после подавления забастовщиков, 22 марта 1922 г., одна из колонок *The Times* была озаглавлена «Генерал Смэтс перед парламентом». В ней рассказывалось о том, как премьер расценил произошедшее в Витваттерсранде восстание, выступая перед депутатами:

«Страна избежала огромной опасности. Союзная палата ЮАС (парламент доминиона А.С.) неделями обсуждал забастовку, которая неожиданно переросла в революцию, представляющую для страны великую угрозу. Шахтеры выстраивали забастовку как рабочее движение, но неожиданно она стала революцией.

Генерал Смэтс продолжил выступать со словами о том, что имело место насилие, убийства, взрывы железных дорог, снайперские выстрелы и все виды преступлений» [7. Р. 11].

Однако при ближайшем рассмотрении данного восстания нетрудно обнаружить, что это не было каким-то организованным выступлением рабочих, вдохновленных радикальной идеологией. Это было стихийная забастовка, переросшая в восстание, вызванная экономическими трудностями, помноженными на специфику трудовых отношений в данном регионе.

Нетрудно заметить еще одно подтверждение того, что консервативная *The Times* акцентирует внимание на тех сторонах восстания, которые представляют восставших в неприглядном свете возмутителей спокойствия. На это в наибольшей степени обратит внимание консервативный читатель.

Представляется важным рассмотреть реакцию Лондона на восстание в Витваттерсранде с точки зрения проблемы предоставления самоопределения британским доминионам. Примерно в это же время британское руководство решало вопрос предоставления Ирландии статуса доминиона. Лорд-канцлер виконт Биркенхед, выступая в палате общин и пытаясь убедить других депутатов предоставить Ирландии статус доминиона, привел пример ЮАС, ставшего доминионом в 1910 г. Виконт Биркенхед заявил:

«Позвольте мне проиллюстрировать то, что недавно случилось в Витваттерсранде. Если бы мы не предоставили самоопределение Южной Аф-

рике, какова бы была позиция Министерства по делам колоний, на ужасные волнения, которые сотрясали Витваттерсранд и почти привели к революции? Ответственность за это лежала бы на нас. На Даунинг-стрит поднялся бы переполох, и нам пришлось бы поспешно посылать войска со всех концов империи, чтобы подавить волнения. А что произошло в действительности? Им (руководству ЮАС – *А.Д.*) было предоставлено самоуправление, и мы видим, что ряд выдающихся генералов, все с голландскими именами, марширующих во главе войск – неважно британцев или голландцев по национальности – которые бесстрашно подавили эти волнения, не понеся потерь или расходов [9].

Мы видим, что Лондон обнаружил большую выгоду для себя в том, чтобы не заниматься напрямую проблемами своих доминионов, расходуя на это свои силы, а предоставить это их властям. Нежелание британских властей влезать во внутренние дела доминионов говорит о постепенном ослаблении бывшего могущества Британской империи. С другой стороны, британские политики были солидарны с руководством ЮАС в том, что касалось подавления рабочих выступлений.

Заключение

Подводя итог, можно сказать, в ходе восстания в Витваттерсранде наблюдалось необычное для того времени явление: восставшим рабочим были близки одновременно социалистические и националистические идеи. Причина в том, что цветной барьер, отход от которого вызвал восстание, был направлен против конкуренции белых с черными. Симпатии одновременно к социалистической и националистической идеологиям особенно характерна для социальных низов белого населения, которые в наибольшей степени чувствуют свою незащищенность от конкуренции со стороны черных. Сметс жестко подавил восстание, поэтому белое население доминиона перестало ему доверять. Он действовал исходя из ряда факторов, важнейшим из которых были его либеральные убеждения. Эти убеждения делали его решительным противником любых рабочих выступлений. Неприятие восстания усиливала тревога Сметса, что оно может перерасти в революцию. Эти опасения разделяли и депутаты британского парламента. Похожесть акций восставших горняков на действия большевиков объясняет жесткость, с которой власти подавили восстание: они не остановились перед развязыванием военных действий против мирного населения.

Позиция различных британских изданий в отношении восстания зависела от их политической ориентации. Консервативные *The Times* и *The Daily Telegraph*, жестко осуждая восставших, обращали основное внимание на боевые действия, развернувшиеся между их вооруженными отрядами и полицией. Этим они стремились показать в самом неприглядном свете рабочих и заставить читателей видеть в них только вооруженных возмутителей спокойствия. Правая

пресса не хотела не только разобраться в причинах восстания, но и показать, что непосредственно привело к боевым действиям: справедливое желание белых рабочих ограничить жесткую конкуренцию на рынке труда, неуступчивость шахтовладельцев и властей ЮАС и провал переговоров между конфликтующими сторонами.

Напротив, либеральная *The Manchester Guardian* и тем более лейбористская *The Daily Herald* уделили внимание истокам восстания: они стремились показать, что заставило белых рабочих перейти сначала к забастовке, а затем и к вооруженному восстанию.

Реакция Лондона на восстание в Витваттерсранде зимой–весной 1922 г. была связана с местом ЮАС в Британской империи. В ней отразилась постепенная трансформация имперских отношений в межвоенный период. Восстание имело для Лондона как экономическое, так и политическое значение. ЮАС с момента своего образования в 1910 г. имел широкую автономию во внутренних вопросах. Однако в 1922 г. он оставался частью Британской империи. Добычу полезных ископаемых вел британский крупный капитал. Она играла важную роль в экономике Империи. Поэтому Лондон следил за тем, что происходило в ЮАС, и был, вероятнее всего, солидарен с Преторией в необходимости жестких действий в отношении восставших. Вместе с тем британские политики были рады, что метрополии не пришлось заниматься делами доминиона напрямую: восстание было подавлено местными вооруженными силами.

© Стрельцов А.Д., 2018

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Генуэзская конференция по экономическим и финансовым вопросам 10 апреля – 20 мая 1922 г.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Давидсон А.Б. Южная Африка: становление сил протеста, 1870–1924. М., 1972.
[2] Judith M. Broun. Roger Louis, D. Litt. *The Oxford history of the British Empire. Volume IV. The twentieth century*. Oxford university press, 1999.
[3] Walker Eric Anderson. *A history of Southern Africa*. London, 1959.
[4] *Manchester Guardian*. January, 9. 1922.
[5] *Manchester Guardian*. January, 12. 1922.
[6] *The Daily Telegraph*. March, 10. 1922. P. 11.
[7] *The Times*. March, 21. 1922. P. 11.
[8] http://hansard.millbanksystems.com/commons/1922/mar/16/rand-disturbances#S5CV0151P0_19220316_HOC_157.
[9] http://hansard.millbanksystems.com/lords/1922/mar/16/irish-free-state-agreement-bill-hl#S5LV0049P0_19220316_HOL_23.

REFERENCES

- [1] Davidson A.B. *Yuzhnaya Afrika: stanoleniye sil protesta, 1870–1924. M.*, 1972.
- [2] Judith M. Broun. Roger Louis, D. Litt. *The Oxford history of the British Empire. Volume IV. The twentieth century.* Oxford university press, 1999.
- [3] Walker Eric Anderson. *A history of Southern Africa.* London, 1959.
- [4] *Manchester Guardian.* January, 9. 1922.
- [5] *Manchester Guardian.* January, 12. 1922.
- [6] *The Daily Telegraph.* March, 10. 1922. P. 11.
- [7] *The Times.* March, 21. 1922. P. 11.
- [8] http://hansard.millbanksystems.com/commons/1922/mar/16/rand-disturbances#S5CV0151P0_19220316_HOC_157.
- [9] http://hansard.millbanksystems.com/lords/1922/mar/16/irish-free-state-agreement-bill-hl#S5LV0049P0_19220316_HOL_23.

Rand rebellion of 1922: the perception in British public opinion

A.D. Streltsov

State Academic University for the Humanities
32A Leninsky prospect, Moscow, 119049, Russia

The article presents the research of the problem of white miners uprising in Witwatersrand in January-March 1922. The aim of the research was to surround the causes of the uprising, the reaction of British establishment and press, as well as the leader of the South African Union. Based on a number of sources, are shown the history of the issue and the driving forces of the rebels. The article contains an indication of both the traditional factors of the strike, characteristic of the industry of the first half of XX, and the specific features of South Africa that affected the uprising. The author paid attention to the way of analyzing by the British press the causes of the uprising, and how various publications appreciate it, depending on their ideology. Besides, is considered the significance of the uprising for further decision-making by the British leadership on colonial policy.

Key words: SAU, British Empire, Parliament, strike, rebellion, workers, suppression, mines, Witwatersrand

Информация об авторе / Information about the author

Стрельцов Алексей Дмитриевич, аспирант исторического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук

Alexey D. Streltsov, postgraduate student in History, State Academic University for Humanities.

E-mail: Dr.Watson.S@mail.ru

Для цитирования / For citations

Стрельцов А.Д. Восстание белых рабочих в Витваттерсранде 1922 г.: восприятие в британском общественном мнении // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история*. 2018. Т. 10. № 4. С. 371–381. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-4-371-381

Streltsov A.D. Rand rebellion of 1922: the perception in British public opinion. *RUDN Journal of World History*. 2018. 10(4): 371–381. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-4-371-381

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 23.08.2018

DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-4-382-392

Инициатива «один пояс, один путь» как новая модель сотрудничества КНР с Россией и странами Центральной Азии

Ли На

Российский университет дружбы народов
Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10–2

Концепции Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века заложили основы новой внешней стратегии Китая на ближайшую историческую перспективу. Реализация этих проектов, которые были объединены под общим названием «Один пояс, один путь», станет одной из важнейших задач Пекина по оптимизации пространственной структуры экономического развития всего евразийского региона. Важное место в процессе реализации данной инициативы занимает Россия и страны Центральной Азии, с которыми Китай осуществляет активное взаимодействие и всеобъемлющее сотрудничество, преимущества от которого получают все стороны.

Цель исследования – определить роль России и стран Центральной Азии в реализации китайской инициативы «Один пояс, один путь». В соответствии с целью были поставлены следующие задачи: изучить основные виды и направления сотрудничества Китая с Россией и центральноазиатскими республиками в рамках инициативы, проанализировать специфику данного сотрудничества, рассмотреть аспекты взаимодействия сторон. В качестве методологической основы был использован проблемно-хронологический подход, позволяющий изучить определенные аспекты взаимодействия, субъектов международных отношений. По итогам анализа автор делает вывод о том, что Россия и центральноазиатские республики занимают важное место в реализации китайской инициативы «Один пояс, один путь».

Ключевые слова: инициатива «Один пояс, один путь», Экономический пояс Шелкового пути, Морской Шелковый путь XXI века, КНР, Россия, Центральная Азия, сотрудничество, транспортные коридоры

Выдвинутая Председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г. инициатива «Один пояс, один путь» считается одним из самых значимых и перспективных международных проектов в современном мире. Концепция «Один пояс, один путь» – это совокупность двух проектов: «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века», цели которых, согласно заявлению китайского лидера, следующие: углубление экономической интеграции в регионе, упразднение барьеров в сферах торговли и инвестиций, построение единой транспортной инфраструктуры, усиление значимости национальных валют, повышение уровня сотрудничества в гуманитарной сфере [1].

Результатом этого долгосрочного проекта должно стать создание евразийской экономической зоны, которая будет связывать государства Востока и Запада через центральноазиатский регион и в дальнейшем будет использоваться для поставки товаров в Европу. Планируется, что инициатива, выдвинутая Председателем Си, станет платформой для сосуществования и гармоничного развития как государств, так и целых цивилизаций. Независимые в политическом и культурном отношении, они будут взаимозависимы экономически [2. С. 88].

В марте 2015 г. в Китае был опубликован официальный документ под названием «Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века», в котором подчеркивается, что «Один пояс, один путь» является систематическим проектом, в реализации которого необходимо придерживаться принципов взаимности в ведении бизнеса и в развитии [3].

КНР рассматривает данный проект в качестве механизма приложения оборудования, капитала, технологий, а также рабочей силы в центральноазиатские государства, которым это необходимо для строительства объектов транспортной инфраструктуры.

Для реализации проектов Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века китайским правительством была создана специальная руководящая рабочая группа и учреждена канцелярия руководящей группы при Государственном комитете по делам развития и реформ с целью осуществления координации и планирования действий.

Основной замысел инициативы КНР был изложен в опубликованной в мае 2017 г. вышеуказанной канцелярией книге «Совместное строительство “Одного пояса, одного пути”: идея, практика и вклад Китая» [4]. Кроме того, в книге приведена информация об усилиях, которые предпринимаются китайским руководством с целью продвижения проекта, что, в свою очередь, способствует достижению понимания международным сообществом основных идей инициативы Китая, а также укреплению и расширению сотрудничества между государствами в совместном осуществлении проектов.

Инициатива «Один пояс, один путь» предполагает развитие сотрудничества между странами в пяти главных областях, среди которых: инфраструктурная взаимосвязь, координация в политической сфере, осуществление постоянных торговых обменов, упрочение духовного единства между народами, свободное движение капитала.

Особенностями китайской инициативы является открытость для участия всех заинтересованных стран со всех регионов мира, а также широкая географическая направленность. Однако в структуре программы выделяются наиболее приоритетные в реализации проекта регионы, с которыми в первую очередь необходимо развивать сотрудничество. Этими регионами являются Азия, Европа и Африка.

По мнению автора данной статьи, развитие отношений и сотрудничества со странами Центральной Азии и Россией стоит особняком, так как осуществление поставок грузов в Европу будет осуществляться именно через эти страны. Более того, Китай взаимодействует с данными государствами в рамках ШОС, что также способствует расширению дальнейшего сотрудничества.

Какие факторы побуждают Китай налаживать сотрудничество с Россией и центральноазиатскими странами?

Что касается России, то с ней Китай имеет давний опыт политического и экономического взаимодействия. Страны продвигают общие интересы в различных международных организациях, в частности в Совете Безопасности ООН, в котором они выступают в качестве постоянных членов, в ШОС, БРИКС, Большой двадцатке (G-20), АТЭС.

Государства Центральной Азии также представляют особый интерес для Китая, во-первых, с точки зрения безопасности (Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) Китая, в котором присутствуют сепаратистские настроения, граничит с Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном, развитие отношений с которыми может поспособствовать обеспечению безопасности СУАР), а во-вторых, с точки зрения их ресурсного потенциала (активизация энергетического сотрудничества Китая с центральноазиатскими республиками диктуется возрастанием потребностей китайской экономики).

Инициатива «Один пояс, один путь» является новой моделью сотрудничества между Китаем, Россией и Центральной Азией, преимущества от реализации которой получают все стороны.

Проект Экономического пояса Шелкового пути включает шесть международных экономических коридоров:

- 1) Экономический коридор «Китай – Монголия – Россия»;
- 2) Новый Евразийский континентальный мост;
- 3) Экономический коридор «Китай – Центральная Азия – Западная Азия»;
- 4) Экономический коридор «Китай – полуостров Индокитай»;
- 5) Экономический коридор «Китай – Пакистан»;
- 6) Экономический коридор «Бангладеш – Китай – Индия – Мьянма».

Седьмой маршрут – это «Морской Шелковый путь XXI века», который выступает в качестве отдельного проекта и в совокупности с проектом «Экономического пояса Шелкового пути» образует инициативу «Один пояс, один путь».

Рассмотрим подробнее, как взаимодействует КНР с Россией и центральноазиатскими республиками в процессе реализации инициативы.

Сотрудничество Китая с Россией в рамках инициативы «Один пояс, один путь»

Говоря о китайско-российском сотрудничестве, нельзя не упомянуть подписанный 16 июля 2001 г. в Москве Председателем КНР Цзян Цзэминем и Президентом РФ Владимиром Путиным Договор о добрососедстве, дружбе и

сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой [5], так как именно этот договор положил начало качественно новому этапу партнерства между двумя государствами.

Россия и Китай сотрудничают во многих сферах. В связи с реализацией Китаем инициативы «Один пояс, один путь», в которой важную роль играют транспортные коридоры, логистика и транзит, и активным участием России в этом процессе актуальным стало развитие двусторонних отношений в сфере транспорта. Стоит отметить, что руководство двух государств всегда уделяло внимание развитию данной сферы отношений.

Благодаря осуществлению действий в области развития трансграничных транспортных коридоров российские экспортеры смогут сократить затраты на логистику, что даст им возможность увеличить объемы сбыта продукции отечественного производства как на рынок Китая, так и на рынки азиатских стран, принимающих участие в проекте. В этой связи сотрудничество Китая и России в сфере транспорта в рамках инициативы «Один пояс, один путь» содействует увеличению и расширению партнерских отношений между двумя государствами и открывает возможности для укрепления стратегического взаимодействия.

Безусловно, для успешного претворения в жизнь трансграничных проектов необходимо финансирование. Именно для этого Китайская Народная Республика и Российская Федерация в 2012 г. основали совместный Российско-китайский инвестиционный фонд, учредителями которого являются Китайская инвестиционная корпорация (кит. Zhongguo touzui youxian zeren gongsi) и Российский фонд прямых инвестиций [6]. Бюджет фонда образуется за счет взносов учредителей в размере 1 млрд долл., а также дополнительных взносов от внешних инвесторов в размере 2 млрд долл. Примечательно, что именно в российские проекты поступает большее количество инвестиций. К 2017 г. фонд инвестировал средства в размере 1 млрд долл. в 19 проектов в сфере транспортной инфраструктуры, лесопереработки и др. [7]

Как уже было отмечено выше, основу проекта «Экономического пояса Шелкового пути» составляют 6 экономических коридоров. «Сердцевиной» данного проекта является экономический коридор «Новый Евразийский континентальный мост», который является современным воплощением исторического Шелкового пути, обеспечивающего на протяжении многих веков гуманитарные и торговые связи между цивилизациями Востока и Запада. Новый Евразийский континентальный мост – это проект сети автомобильных и железнодорожных магистралей, соединяющих морские порты восточного побережья КНР с крупными акваториями Атлантического побережья Западной Европы.

В Китае коридор проходит от восточных, центральных, южных провинций до СУАР и тем самым выходит на границу с Республикой Казахстан. Коридор также проходит по территориям таких стран, как Россия, Республика Беларусь, Польша, затем происходит его разветвление по другим странам Европы, конечным пунктом выступают морские порты северной и западной частей Европы.

Впервые контейнерный поезд отправился по Новому Евразийскому континентальному мосту в 2011 г., он проделал путь из Чунцина в Дуйсбург. С того времени свыше 5 тыс. грузовых составов проследовало из Китая в Европу по данному коридору. Важно подчеркнуть, что только с января по август 2017 г. по коридору было отправлено более 2 тыс. поездов.

Россия также является частью и другого экономического коридора «Китай – Монголия – Россия». Это коридор представляет собой новый вариант трехстороннего сотрудничества между указанными государствами. Главным образом страны взаимодействуют в сфере инвестиционного сотрудничества, промышленности, строительства транспортной инфраструктуры, таможенного администрирования, защиты окружающей среды.

14–15 мая 2017 г. в Пекине прошел международный форум «Один пояс, Один путь», на котором российский Президент Владимир Путин выступил с предложением совместно с китайскими коллегами развивать в Северном Ледовитом океане морские транспортные коридоры. По мнению российского лидера, развитие заявленных в рамках инициативы «Один пояс, один путь» и ЕАЭС инфраструктурных проектов позволит создать совершенно новую транспортную конфигурацию Евразийского континента, что, в свою очередь, откроет возможности для оживления инвестиционной активности и повышения эффективности освоения территорий Арктики [8].

В июле 2017 г. во время своего визита в Россию Председатель КНР Си Цзиньпин отметил, что правительство Китая согласно совместно с коллегами из России осваивать и развивать морские транспортные коридоры, а также готово принять участие в модернизации Северного морского пути, рассматриваемого в качестве элемента нового проекта, который называется «Ледяной Шелковый путь» [9].

Итак, как уже стало ясно из вышесказанного, Китай и Россия сотрудничают в рамках проектов, связанных с двумя экономическими коридорами: Новый Евразийский континентальный мост, а также «Китай – Монголия – Россия».

Для начала рассмотрим проекты двух государств в рамках экономического коридора «Новый Евразийский континентальный мост». Самым масштабным здесь является проект высокоскоростной магистрали «Евразия», которая от Пекина через Казахстан, Россию, Белоруссию достигнет Берлина и тем самым соединит высокоскоростные железнодорожные системы Азии и Европы. Согласно предварительным расчетам грузопассажирская высокоскоростная магистраль «Евразия» способна стать крупнейшим во всем мире проектом в сфере железнодорожного транспорта [10]. Китайские компании будут осуществлять строительство большинства участков данной магистрали.

Данный проект, действительно, является уникальным, так как он подразумевает создание скоростной сети, общая протяженность которой будет насчитывать около 9,5 тыс. км. Новая магистраль будет предназначена для перевозки как грузов, так и пассажиров, что естественным образом увеличит ее транзитный и транспортный потенциал.

Международный автодорожный коридор «Западная Европа – Западный Китай» – еще один совместный проект Китая и России в рамках Нового Евразийского континентального моста. Он пройдет через территорию Китая, Казахстана и России.

Для каждого из государств данный проект имеет принципиальное стратегическое значение, так как благодаря ему повысится эффективность коммуникации между странами и качество их экономического развития. Проект предполагает в большей степени осуществление транзитных перевозок грузов из Китая в Европу.

Что касается экономического коридора «Китай – Монголия – Россия», то в рамках данного проекта планируется создать Центральный железнодорожный коридор на базе Улан-Баторской железнодорожной магистрали. Маршрут коридора будет следующий: «Улан-Удэ – Наушки – Сухэ-Батор – Улан-Батор – Замын-Ууд / Эрлянь – Уланчаб – Чжанцзякоу – Пекин – Тяньцзинь».

Китай и Россия также планируют развивать систему международных транспортных коридоров «Приморье», ориентированных на улучшение сотрудничества между портами Китая и Дальнего Востока России, увеличение объемов перевозок грузов, а также на создание трансграничной транспортной инфраструктуры между регионами Северо-Востока Китая и Дальнего Востока России. 28 декабря 2016 г. российское правительство утвердило Концепцию развития международных транспортных коридоров «Приморье-1» (Харбин – Гродеково – Владивосток / Находка / Восточный – порты Южного Китая) и «Приморье-2» (Хуньчунь – Краскино – Посьет / Зарубино – порты Азиатско-Тихоокеанского региона), что является первым шагом на пути создания китайско-российской управляющей компании, которая будет заниматься вопросами реализации данного проекта. Обсуждается также новый проект международного транспортного коридора «Приморье-3», предполагающего создание высокоскоростной магистрали от города Хуньчунь в провинции Цзилинь до Владивостока с возможностью продления до Хабаровска.

Весьма перспективным направлением сотрудничества Китая и России в рамках инициативы «Один пояс, один путь» является развитие российского Северного морского пути. Для Китая данный путь интересен как транзитный маршрут в европейские страны. Однако для использования северных морских маршрутов необходимо вложение инвестиций в прибрежную транспортную инфраструктуру.

Сотрудничество Китая со странами Центральной Азии в рамках инициативы «Один пояс, один путь»

КНР сотрудничает со странами Центральной Азии в реализации проектов в рамках экономического коридора «Китай – Центральная Азия – Западная Азия». Данный коридор проходит от СУАР через регион Центральной Азии, страны Персидского залива, Аравийского полуострова, средиземноморское

побережье и достигает Африки. Целью данного коридора является углубление процессов экономической интеграции Китая со странами Центральной и Западной Азии. В рамках данного коридора планируется осуществление приоритетных проектов в транспортной, энергетической и топливной сферах.

В центральноазиатских странах, благодаря китайским инвестициям, осуществляется строительство современных авто- и железнодорожных магистралей, а также трубопроводов, ориентированных на транспортировку из этих государств в Китай газа, нефти, руды и других ресурсов в весьма крупных объемах. Так, Китай активно импортирует туркменский газ, который обеспечивает примерно пятую часть китайского потребительского спроса в этом горючем.

Для Казахстана рынок Китая также является приоритетным, так как экспорт данной страны находится в зависимости от транзита через соседние государства. По мере развития железных дорог и трансграничных трубопроводов компании Казахстана получают возможность увеличивать объемы поставок сырьевых ресурсов в Китай. В ближайшем будущем ожидается создание новых железнодорожных путей из Китая в Узбекистан, Киргизию и Таджикистан.

Центральноазиатский регион, имеющий этнокультурную и религиозную общность, а также территориальную границу с СУАР, занимает важнейшее место во внешней политике Китая. Китай заполняет пробелы в существующих транспортных и энергетических маршрутах Киргизии и Таджикистана. КНР стала крупнейшим иностранным инвестором в экономики обеих стран. Благодаря китайским инвестициям, направленным на транспортную и электрическую сети Киргизии и реконструкцию линий электропередач, удалось соединить северные и южные районы страны, разделенные горами [11].

Одним из приоритетов инициативы является укрепление международных отношений, поэтому Китай стал налаживать связи в регионе через образование. Председатель КНР Си Цзиньпин подчеркивал, что за 10 лет его государство планирует выделить 30 тыс. стипендий для студентов из стран-членов ШОС, а четыре из восьми стран ШОС находятся в Центральной Азии. В настоящее время, когда приоритетом китайской политики является инициатива «Один пояс, один путь», увеличивается количество стипендий для студентов из государств Центральной Азии [12. С. 20].

Важно отметить, что интересы многих держав мира пересекаются в Центральной Азии. Существует ряд концепций развития данного региона. Направление экономического развития всего мира как раз зависит от того, какая концепция в итоге будет реализована. На данный момент велика вероятность, что будут реализованы концепции Китая и России. Об этом говорит подписание лидерами Китая и России заявления о сопряжении строительства Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Экономического пояса Шелкового пути по итогам визита Си Цзиньпина в Москву в мае 2017 г. [13]

Однако важно отметить, что проекты Экономического пояса Шелкового пути и ЕАЭС являются ассиметричными. ЕАЭС – это межгосударственная структура, целью которой является создание региональной экономической

межправительственной организации. К задачам, которые ставит перед собой ЕАЭС, относится увеличение конкурентоспособности экономик государств-членов, осуществление модернизации во всех сферах, обеспечение устойчивого развития экономики, а Экономический пояс Шелкового пути представляет собой инициативу, которая рассчитана на привлечение стран, организаций, институтов многостороннего сотрудничества. Для успешного сопряжения необходимо преодолеть эту асимметрию, с этой целью могут быть сформированы институты сотрудничества. Так, например, ЕАЭС как международная организация может осуществлять координацию двустороннего партнерства входящих в него стран с Китаем посредством механизмов согласования транспортной и промышленной политики, а также политики в сфере регулирования рынков труда. Создание консультативного органа ЕАЭС – КНР по инвестициям также представляется целесообразным [14].

Таким образом, подводя итоги данного исследования, можно сделать вывод, что за последнее время КНР получила значительные преимущества от процесса глобализации, став инвестором и экономическим партнером для многих стран мира. Россия и страны Центральной Азии – примеры таких государств. Сотрудничество с ними помогает Китаю в реализации стратегии «Один пояс, один путь». В свою очередь, эти страны также выигрывают от участия в реализации проектов инициативы. Безусловно, «Один пояс, один путь» за счет повышения потенциала Центральной Азии позволит ей выйти на качественно новый уровень [15]. Китайская инициатива создает также новые возможности и для российской экономики.

© Ли На, 2018

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Проект «Один пояс, один путь». Досье // ТАСС. URL: <http://tass.ru/info/4383152> (дата обращения: 27.04.2018).
- [2] Михалев М.С. «Один пояс, Один путь» как новая внешнеполитическая стратегия КНР. Краткий анализ внутрикитайской дискуссии // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. М.: Ассоциация независимых экспертов «Центр изучения кризисного общества», 2016. № 6 (50). С. 88–103.
- [3] “Tuidong gong jian sichou zhi lu jingji dai he 21 shiji haishang sichou zhi lu de yuanjing yu xingdong “fabu” [Публикация документа «Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века»]. URL: http://www.ndrc.gov.cn/gzdt/201503/t20150330_669162.html (дата обращения: 27.04.2018).
- [4] Совместное строительство «Одного пояса, одного пути»: идея, практика и вклад Китая. URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/wcm.files/upload/CMSydylyw/201705/201705110545004.pdf> (дата обращения: 27.04.2018).
- [5] Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР от 2001 г. // Официальный сайт МИД России. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/576870 (дата обращения: 27.04.2018).

- [6] Российский фонд прямых инвестиций и Китайская инвестиционная корпорация создали Российско-китайский инвестиционный фонд // Российский фонд прямых инвестиций. URL: <https://rdif.ru/fullNews/136/> (дата обращения: 27.04.2018).
- [7] Инициатива «Один пояс – один путь» – новая платформа для расширения российско-китайского сотрудничества в транспортной сфере // РИСИ. URL: <https://riss.ru/images/pdf/journal/2017/6/04.pdf> (дата обращения: 27.04.2018).
- [8] Международный форум «Один пояс, один путь» // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54491> (дата обращения: 27.04.2018).
- [9] Председатель КНР Си Цзиньпин дал эксклюзивное интервью «Российской газете». URL: <https://rg.ru/2017/07/02/si-czinpin-kitaj-i-rossiia-dolzny-ukrepiat-obshchnost-interesov.html> (дата обращения: 27.04.2018).
- [10] Что известно о высокоскоростной магистрали «Евразия». URL: <http://tass.ru/wfys2017/articles/4643534> (дата обращения: 27.04.2018).
- [11] Dave B., Kobayashi Y. China's silk road economic belt initiative in Central Asia: economic and security implications. London, 2018. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2Fs10308-018-0513-x.pdf> (accessed: 27.04.2018).
- [12] Ли А. Инициатива «Один пояс, один путь» и Центральная Азия: новая тенденция в интернационализации высшего образования? // Международное высшее образование. М.: НИУ ВШЭ, 2018. № 92. С. 20–22. DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2018.92.10216>
- [13] Кулинцев Ю. «Один пояс – один путь»: инициатива с китайской спецификой // РСМД. URL: <http://russiancouncil.ru/blogs/riacexperts/31461/> (дата обращения: 27.04.2018).
- [14] Перспективы сотрудничества России и Китая в Центральной Азии // РСМД. М., 2016. № 26. URL: <http://russiancouncil.ru/common/upload/WP-Russia-China-CentralAsia-28.pdf> (дата обращения: 27.04.2018).
- [15] Швецов О. «Один пояс – один путь» – самый амбициозный геоэкономический проект // Союзное вече. URL: <https://souzveche.ru/articles/blogs/37149/> (дата обращения: 27.04.2018).

REFERENCES

- [1] Proekt «Odin poyas, odin put'». Dos'е // TASS. URL: <http://tass.ru/info/4383152> (data obrashcheniya: 27.04.2018).
- [2] Mihalev M.S. «Odin poyas, Odin put'» kak novaya vneshnepoliticheskaya strategiya KNR. Kratkij analiz vnutrikitajskoj diskussii // Kontury global'nyh transformacij: politika, ehkonomika, pravo. M.: Associaciya nezavisimyh ehkspertov «Centr izucheniya krizisnogo obshchestva», 2016. № 6 (50). S. 88–103.
- [3] “Tuidong gong jian sichou zhi lu jingji dai he 21 shiji haishang sichou zhi lu de yuanjing yu xingdong “fabu” [Publikaciya dokumenta «Videnie i dejstvie, napravlennye na prodvizhenie sovместnogo stroitel'stva «Ekonomicheskogo poyasa Shelkovogo puti» i «Morskogo Shelkovogo puti XXI veka»]. URL: http://www.ndrc.gov.cn/gzdt/201503/t20150330_669162.html (data obrashcheniya: 27.04.2018).
- [4] Sovместnoe stroitel'stvo «Odnogo poyasa, odnogo puti»: ideya, praktika i vklad Kitaya. URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/wcm.files/upload/CMSydylyw/201705/201705110545004.pdf> (data obrashcheniya: 27.04.2018).
- [5] Dogovor o dobrososedstve, družbe i sotrudnichestve mezhdru RF i KNR ot 2001 g. // Oficial'nyj sajt MID Rossii. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/576870 (data obrashcheniya: 27.04.2018).

- [6] Rossijskij fond pryamyh investicij i Kitajskaya investicionnaya korporaciya sozdali Rossijsko-kitajskij investicionnyj fond // Rossijskij fond pryamyh investicij. URL: <https://rdif.ru/fullNews/136/> (data obrashcheniya: 27.04.2018).
- [7] Iniciativa «Odin poyas – odin put’» – novaya platforma dlya rasshireniya rossijsko-kitajskogo sotrudnichestva v transportnoj sfere // RISI. URL: <https://riss.ru/images/pdf/journal/2017/6/04.pdf> (data obrashcheniya: 27.04.2018).
- [8] Mezhdunarodnyj forum «Odin poyas, odin put’» // Oficial’nyj sajt Prezidenta Rossii. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54491> (data obrashcheniya: 27.04.2018).
- [9] Predsedatel’ KNR Xi Jinping dal ehsklyuzivnoe interv’yu «Rossijskoj gazete». URL: <https://rg.ru/2017/07/02/si-czinpin-kitaj-i-rossiia-dolzhy-ukrepliat-obshchnost-interesov.html> (data obrashcheniya: 27.04.2018).
- [10] Chto izvestno o vysokoskorostnoj magistrali «Evraziya». URL: <http://tass.ru/wfys2017/articles/4643534> (data obrashcheniya: 27.04.2018).
- [11] Dave B., Kobayashi Y. China’s silk road economic belt initiative in Central Asia: economic and security implications. London, 2018. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2Fs10308-018-0513-x.pdf> (accessed: 27.04.2018).
- [12] Li A. Iniciativa «Odin poyas, odin put’» i Central’naya Aziya: novaya tendenciya v internacionalizacii vysshego obrazovaniya? // Mezhdunarodnoe vysshee obrazovanie. M.: NIU HSE, 2018. № 92. S. 20–22. DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2018.92.10216>
- [13] Kulincev Y. «Odin poyas – odin put’»: iniciativa s kitajskoj specifikoju // RSMD. URL: <http://russiancouncil.ru/blogs/riacexperts/31461/> (data obrashcheniya: 27.04.2018).
- [14] Perspektivy sotrudnichestva Rossii i Kitaya v Central’noj Azii // RSMD. M., 2016. № 26. URL: <http://russiancouncil.ru/common/upload/WP-Russia-China-CentralAsia-28.pdf> (data obrashcheniya: 27.04.2018).
- [15] Shvecov O. «Odin poyas – odin put’» – samyj ambicioznyj geoekonomicheskij proekt // Soyuznoe veche. URL: <https://souzveche.ru/articles/blogs/37149/> (data obrashcheniya: 27.04.2018).

“One belt, one road” initiative as a new cooperation model of the PRC with Russia and Central Asia countries

Li Na

Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University)
10/2 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia

The Silk Road Economic Belt and 21st Century Maritime Silk Route established China’s new external strategy basis for the near-term historical perspective. The implementation of these projects, which were united under the common name “One belt, one road”, will become one of the most important tasks of Beijing to optimize the spatial structure of the entire Eurasian region economic development. Russia and Central Asian countries take a prominent place in the process of implementing this initiative. China actively cooperates with these countries. All parties receive great benefits of this comprehensive cooperation.

The purpose of this article is to determine the role of Russia and Central Asian countries in the implementation of the Chinese initiative “One belt, one road”. In accordance with the purpose, the following tasks were set: to study the main types and directions of China’s

cooperation with Russia and the Central Asian republics within the framework of the initiative, to analyze the specifics of this cooperation, and to consider the aspects of interaction between the parties. The problem-chronological approach was used as a methodological basis, it allows to study certain aspects of interaction, international relations subjects. Based on the results of the analysis, the author concludes that Russia and the Central Asian republics take a key place in the implementation of the Chinese initiative “One belt, one road”.

Key words: “One belt, one road” initiative, the Silk Road Economic Belt, 21st Century Maritime Silk Rout, China, Russia, Central Asia, cooperation, transport corridors

Информация об авторе / Information about the author

Ли На, аспирантка направления «Международные отношения» кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов.

Li Na, postgraduate student of the direction “International Relations” at the Department of Theory and History of International Relations, Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University).

E-mail: 123156840@qq.com

Для цитирования / For citations

Ли На. Инициатива «один пояс, один путь» как новая модель сотрудничества КНР с Россией и странами Центральной Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2018. Т. 10. № 4. С. 382–392. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-4-382-392

Li Na. “One belt, one road” initiative as a new cooperation model of the PRC with Russia and Central Asia countries. *RUDN Journal of World History*. 2018. 10(4): 382–392. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-4-382-392

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 17.03.2018

DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-4-393-402

Characteristics of Chinese economy in 2000–2016: economic growth sustainability

E.N. Moiseeva

National Research University Higher School of Economics
Faculty of World Economy and International Affairs
School of Asian Studies
17 Malaya Ordynka St., bldg. 1, Moscow, 119017, Russia

The aim of the research is to determine through the historical perspective the reasons of China's economic slowdown in 2000-2016 and using historical data to find out whether it is possible to return to the high rates of economic growth or at least to sustain the current GDP growth rates in between 6–7%. The hypothesis is that China is unable to return to the double-digit economic growth rates or even to sustain the current GDP growth rates in the long or short-term. The hypothesis will be proved through mixed methodology with the implementation of descriptive and historical research designs, which involve collection, verification, and synthesis of evidence from the period since 2000-s and up to the present moment.

Key words: China's economic slowdown, party-state, economic restructuring, innovations, costs competitiveness, cheap labor force

Introduction

Since the end of the 20th century, China embraced industrialization and modernization, which resulted in the economic growth. The economic reform and opening up of the main ideologist of changes, Deng Xiaoping enabled China to conduct a transition from a totalitarian party-state to a post-totalitarian with the division of political and economic dimensions. The elements of the market economy were introduced while China still remained a communist state with strict command and administration system. The country reached tremendous economic progress within the past 40 years; since late 1970-s China's economic system has evolved, the dynamic growth of the Chinese economy has led to the increase of standards of living of the biggest part of population; developed a respectful second place in the list of the world's most powerful economies. At the same time, the years of spectacular economic progress did not resolve and in some cases only worsened the burning issues concerning manufacturing overcapacity, excessive real-estate sector, rising production costs, inequality, corruption, environmental imbalances, inadequate technological innovation, etc. Moreover, although the Chinese economy

was flourishing in the short-term, it has been insufficient to ensure sustainable long-term growth. The reasons of the economic slowdown derive from the problems that were slowly accumulated since the new economic model was introduced. This paper will be concentrated on the problems that took a turn for the worse in the last decade.

Macroeconomic characteristics of the Chinese economy

Chinese economy is the second largest in the world; however, in terms of GDP per capita, PPP, it is only on the 80th place, one of the reasons for such a misbalance is China's large population.

Since the beginning of the 21st century and up to 2007, the Chinese economy was dynamically growing and showed high GDP growth rates of 14% in its maximum point. The main source of growth derived from the strict redistribution of the resources by the party-state and control over cheap labor force. China has become the global manufacturer and the world's largest importer due to its main competitive advantage – low production costs. However, after the period of growth, the first indicators for the slowdown emerged in 2008 during the Global crisis when the Chinese export decreased due to the global fall in demand. Since that time Chinese economy is facing downturn; in 2016 it showed its slowest dynamics – 6,7% (see Chart 1) [1].

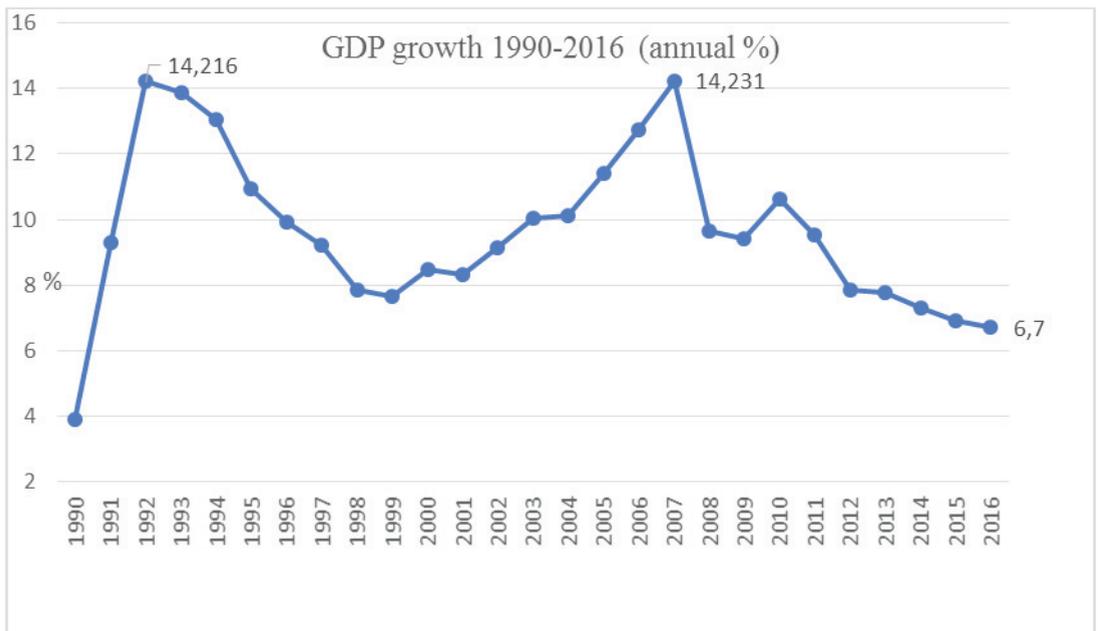

Chart 1. Annual GDP growth in China (1990–2016) [2]

The exports and imports also diminished: the export volumes dropped from 37% of GDP in 2006 to 18% in 2016, while import volumes decreased from 28%

in 2006 to 18% in 2015 (See Chart 2 and Chart 3). Simultaneously, manufacturing and construction industry is slowing down following the fall in demand for basic materials [3].

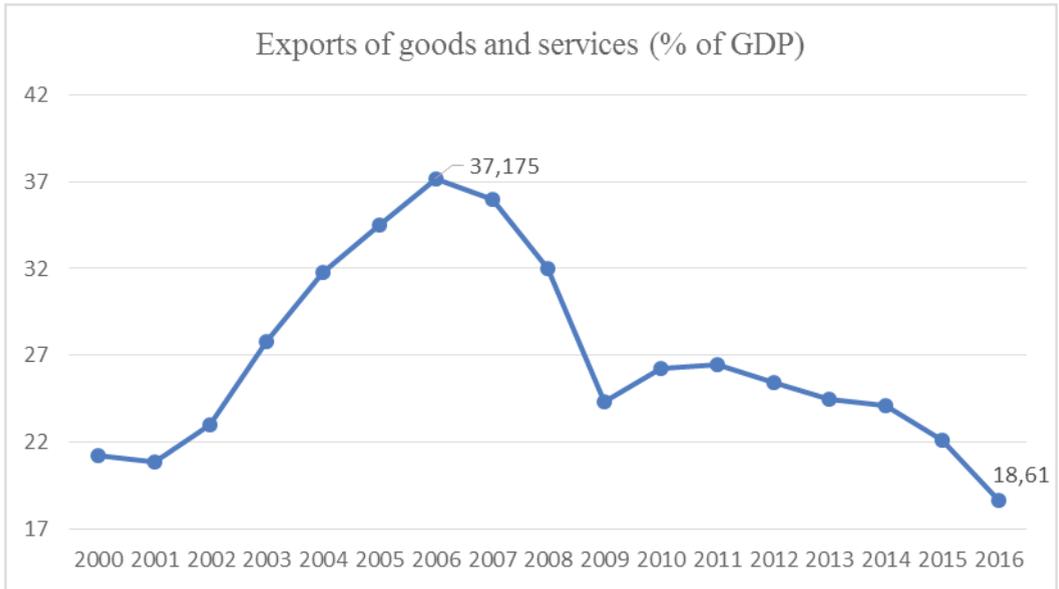

Chart 2. Chinese exports of goods and services (2000–2016) [4; 5]

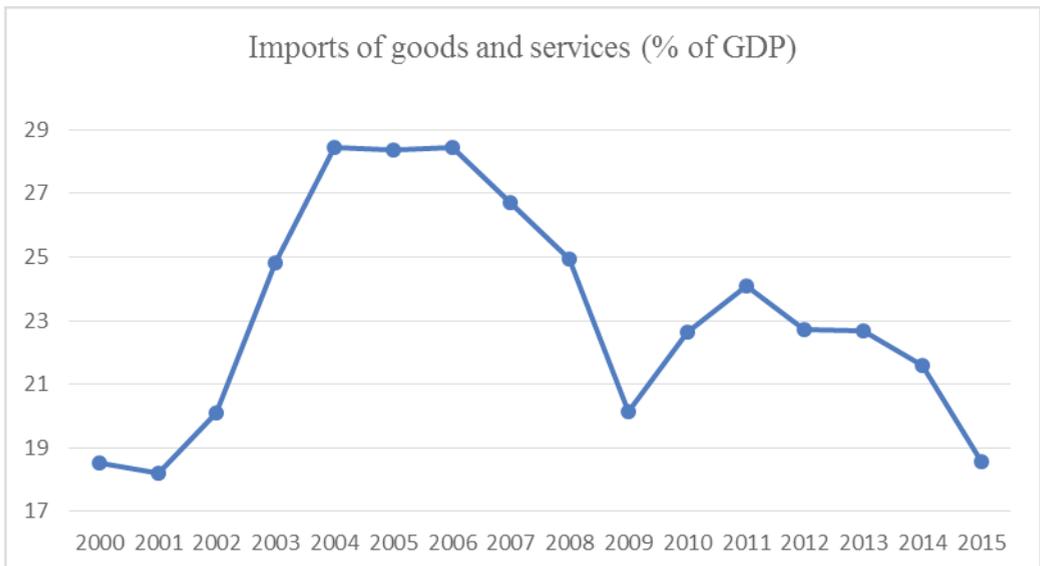

Chart 3. Chinese imports of goods and services (2000–2016) [6]

In addition to that, Chinese economy encounter rapid decrease of foreign exchange reserves which is the consequence of the Governmental policy to support weak yuan and ease up the economic slowdown by credit fueling. Foreign exchange reserves reached its minimum volumes since 2010 and continue to vanish [7]. The total debt of China at the end of 2016 equaled 277% of GDP, which creates major financial risks [8]. The policy of accumulation debt and supporting economy, using credits is a dangerous policy that may have serious consequences.

In total, Global crisis occurrence showed the economic problems that were hidden, but emerged after the crisis struck; so that the Global crisis opened the weakest spots in the Chinese economy.

Reasons for the economic slowdown

The driving force for the Chinese economic acceleration was investment in heavy industries, capital-intensive industries (infrastructure, real estate, etc.). However, the economic boom was reached at the cost of consumption and labor income growth. While financing heavy industrial sector and not boosting investments into services, the consumption of households as a share of GDP contracted (see Chart 4).

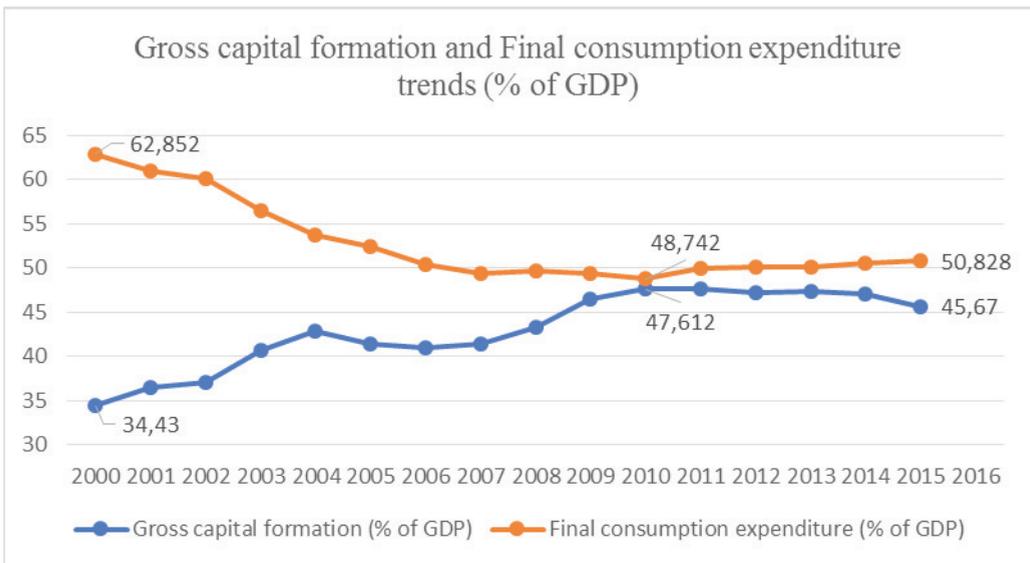

Chart 4. Relation of Gross capital formation and Final consumption expenditure [9; 10]

The reason for the phenomenon of negative investment-consumption correlation may lie in preferential credit policy of heavy sector and abandoning light sector. The Government have chosen the strategy of heavy industries promotion; the local authorities in provinces followed the instructions from the center and have directed the long-term bank loans to heavy industries as well. Companies in

the heavy sector are capital-intensive large firms; they are less productive and flexible than small businesses, which are more oriented on short-term investment projects in light sector. While giving massive credits to large companies for medium– and long-term investment projects, short-term loans for small businesses were abandoned. Moreover, the Chinese Government was predominantly supporting state-owned enterprises (SOEs) and public entities, while skipping private enterprises. And all these practices are repeated today.

Although macroeconomic reforms were implemented at the end of the 20th century, the Chinese Government have not yet introduced essential changes in the microeconomy. Private businesses were and are still controlled by the party-state and are not supported by the Government. Moreover, microeconomy and financial sphere is the object of Government interference, which negatively affects the overall development of the economy. It is important to sustain growth on the microlevel of private enterprises and give them freedom, as they are able to push the economic growth. The same with the household consumption: without private businesses' and households' flourishing, it is impossible for the economy to sustain stable development.

Innovations in Chinese economic growth

Another important issue that restrains Chinese economic growth is inappropriate innovation. Innovation is one of the key drivers of the economy; it may become the curing power for the Chinese economy. According to Bloomberg Innovation Index 2017, China, however, is on the 21st position among the world's most innovative economies; the rating is not good enough for the second largest economy in the world [11].

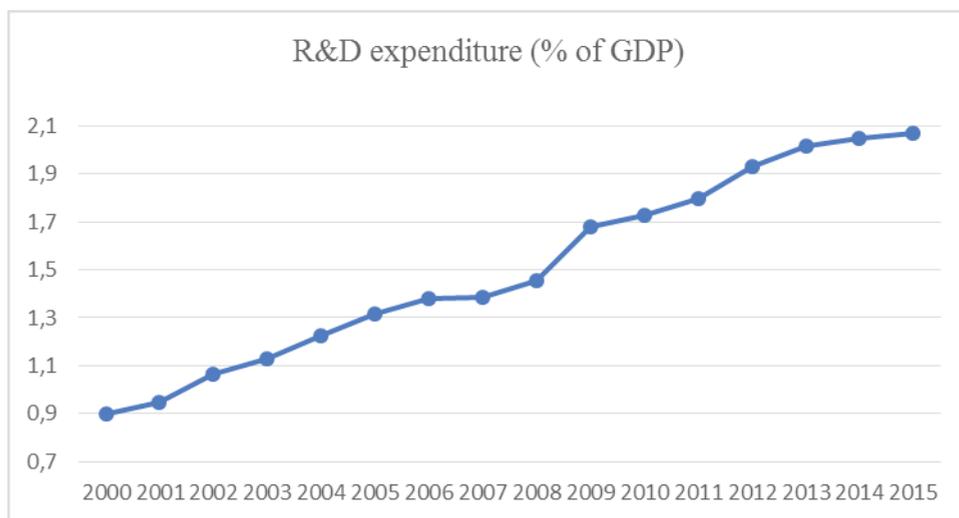

Chart 5. R&D expenditure in China (% of GDP) [18; 19]

China is the number one state in terms of manufacturing, it ranks first in 2016 Global Manufacturing Competitiveness Index (GMCI), and is holding this position since 2010 [12]. China is a manufacturing giant and its competitive advantage derives from workforce productivity, supplier network, and cost competitiveness [13]. Nevertheless, although Chinese manufacturing sector is huge, much of its manufacturing products are low-tech (one-third of Chinese exports are manufactured goods that require low skill and technology intensity) [14; 15]. In case taken the competitive drivers that support China in manufacturing, the weakest ones are legal and regulatory environment; energy policy and innovation policy and infrastructure [16].

Nevertheless, China is gradually increasing investments in R&D and improving the innovative competitiveness in manufacturing (Chart 5). In 2015 China spent 2,067% of its GDP on R&D which is higher than the spending of EU on R&D (1,954%) and a little lower than R&D expenditure of all the members of Organization for Economic Co-operation and Development (OECD, 2,403%) [17].

However, extension of innovations may need more capital investments, which will definitely lead to the rise of manufacturing costs and this may result in the fact that China's global manufacturer's status may be changed, the production of manufactured goods will be more expensive. China is shifting towards higher value and more technologically advanced manufacturing, which is healthy for Chinese economy. But at the same time with this switch, China may lose the number one position in terms of global cost competitiveness – this is the price for becoming innovative.

Ecological issues in China and their interdependence with economy

One of the most pressing challenges that China currently faces is environmental crisis in urban areas. Rapid industrialization that began at the end of the 20th century caused a big issue, which is air, water and soil pollution that is difficult to tackle nowadays. Although a few decades ago, the development of industry was top priority and few people were concerned about the consequences of industrialization, today Chinese society and Chinese Government are on alert. According to Pollution Index 2017 China ranks 6th in the list of the most polluted countries and the state is on the 1st position for carbon dioxide emissions in the world [20; 21]. Air pollution is going to become worse as due to population growth and rapid urbanization, energy demands are increasing and there is need for powering new manufacturing and industrial centers. Many of Chinese major cities are not meeting international health standards for the air quality while industrial plants are continuing to exceed the emission norms. Chinese cities lack strict unified regulations of carbon emissions as well as pollution control equipment and energy-saving technologies. The solution for environmental crisis may be found in high technologies and innovations, development of alternative energy sources and strengthening of health standards for workers of industries.

Pollution is one of the factors that activates the Chinese population's discontent; due to which the authority of the regime may be damaged. Labor disputes, forced demolitions, land acquisitions and pollution are the main causes of public protests [22]. Moreover, annual cost of pollution accounts for 9.7% of GDP as it damages human capital and natural resources [23]. That is why the Government is highly interested in easing the ecological situation in large cities. As firstly, it will prevent social unrest movements, and secondly, it will enable to improve the economic sustainability through innovations.

Reforms

The Chinese Government acknowledges that there are problems in the Chinese economy. Moreover, certain measures are implemented to solve those issues. In November 2015, for example, the new 13th 5-year plan was announced by Xi Jinping, the plan included the earlier declared ideas of economic development. The 5-year plan covers the period from 2016 to 2020; according to the proposed plan, China needs to dismiss industrial overcapacity and optimize industrial structure, undergo economic transformation and switch to an innovation-driven economy, improve the environment and enhance quality and efficiency. Education will be improved through allowing the migrant workers from the rural areas to enjoy all the benefits that the urban population has (now around 55% of the Chinese population lives in cities, however, working migrants are denied the status of the official residents, they do not have equal education and are limited from the employment rights and social security services) [24]. The plan is aimed to ease poverty in rural areas and provide the village population with adequate infrastructure, education, healthcare and public services [25]. In addition, the one-child policy that was initiated in 1979 was abolished and the couples both in rural and urban families are allowed to have two children – it will balance the population, resolve the problem of population aging and support development.

The measures are aimed to create the conditions for a transition from an export-oriented investment-driven economy of growth to the consumption-driven, innovation-centered economy of development. This transition has already been initiated, so that China is gradually developing its innovative capacities and enhancing the quality of citizens' lives. With the switch to an economic development model, the wages are raised, the Chinese "middle class" is expanding; the innovative and green manufacturing is established. All this demands high investments and deep restructuring which effects the Chinese economy and results in a slowdown.

The competitive advantage that fueled the Chinese economy, namely, cheap labor force and low production costs, is vanishing, as the unqualified cheap labor force is replaced by qualified professional workers. The innovations in the economy and resolution of the environmental issues lead to the rise of the production costs. Chinese economy is making qualitative changes with the loss of quantitative rates.

Conclusion. As the Chinese economy is moving towards the progressive path and its qualitative characteristics are improved, it may be stated that the quantitative figures are affected and further slowdown of the Chinese economy is inevitable, it is the result of the accumulated problems in the economy and simultaneous economic restructuring. And even if the issues concerning unbalance economy, corruption, minor support of private businesses will be solved, Chinese economy still may not sustain the current GDP growth rates. As with the shift to a new model of development, the GDP growth should become lower, but at the same time more stable and sustainable. So, the slowing down of the economic growth is not a problem, as, for example, the Asian Tigers economies (South Korea, Taiwan, Hong Kong and Singapore) had the annual growth (in 2016) not higher than 3%, but these rather low figures did not prevent the economies to flourish [26]. For China, it would be even more beneficial to provide stable economic growth as one of the main components of economic development.

© Moiseeva E.N., 2018

BIBLIOGRAPHY

- [1] 2016 nián guó mín jīng jì shí xiàn “shí sān wǔ” liáng hǎo kāi. zhōng huá rén mín gòng hé guó guó jiā tǒng jì jú. [A Good Start for 2016 Implementation of 13th Five-Year Plan on the National Economy. National Bureau of Statistics of the People’s Republic of China.] 20.01.2017. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201701/t20170120_1455942.html
- [2] GDP growth (annual %). China. World bank. 2015. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?end=2015&locations=CN&start=1990>.
- [3] Gabriel Wildau. China import decline reflects manufacturing weakness. Financial times. 08.12.2015 URL: <https://www.ft.com/content/4a01cc1c-9d60-11e5-bfed-a24713ecdd4f>.
- [4] Exports of goods and services (% of GDP). China. World Bank. 2015. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NE.EXP.GNFS.ZS?end=2015&locations=CN&start=2000>.
- [5] China: Share of exports in gross domestic product (GDP) from 2006 to 2016. Statista. 2016. URL: <https://www.statista.com/statistics/256591/share-of-chinas-exports-in-gross-domestic-product/>.
- [6] Imports of goods and services (% of GDP). China. World Bank. 2015. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NE.IMP.GNFS.ZS?end=2015&locations=CN&start=2000>.
- [7] Anthony Dass. More controls in China’s complex economy. 06.02.2017. URL: <http://www.thestar.com.my/business/business-news/2017/02/06/more-controls-in-chinas-complex-economy/>.
- [8] Kevin Yao, Elias Glenn. China GDP beats expectations but debt risks loom. The Reuters. 20.01.2017. URL: <http://www.reuters.com/article/us-china-economy-gdp-idUSKBN15406C>.
- [9] Gross capital formation (% of GDP). China. World Bank. 2015. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NE.GDI.TOTL.ZS?end=2015&locations=CN&start=2000>.
- [10] Final consumption expenditure, etc. (% of GDP). China. World Bank. 2015. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NE.CON.TETC.ZS?end=2015&locations=CN&start=2000>.

- [11] Bloomberg Innovation Index 2017. Bloomberg Markets. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-01-17/sweden-gains-south-korea-reigns-as-world-s-most-innovative-economies>.
- [12] 2016 Global Manufacturing Competitiveness Index. Deloitte. 2016. URL: <https://www2.deloitte.com/global/en/pages/manufacturing/articles/global-manufacturing-competitiveness-index.html>
- [13] Global manufacturing competitiveness index. Deloitte. Country rankings and drivers. 2016. URL: <https://www2.deloitte.com/us/en/pages/manufacturing/articles/global-manufacturing-competitiveness-index.html>.
- [14] Peter Coy. The Bloomberg Innovation Index. The Bloomberg. 2014. URL: <https://www.bloomberg.com/graphics/2015-innovative-countries/>.
- [15] 2016 Global Manufacturing Competitiveness Index. Deloitte Touche Tohmatsu Limited (DTTL) Global Consumer & Industrial Products Industry Group and the Council on Competitiveness. 2016. P. 45. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/global/Documents/Manufacturing/gx-global-mfg-competitiveness-index-2016.pdf>.
- [16] 2016 Global Manufacturing Competitiveness Index. Deloitte Touche Tohmatsu Limited (DTTL) Global Consumer & Industrial Products Industry Group and the Council on Competitiveness. 2016. P. 18. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/global/Documents/Manufacturing/gx-global-mfg-competitiveness-index-2016.pdf>.
- [17] Gross domestic spending on R&D. OECD. 2015 URL: <https://data.oecd.org/rd/gross-domestic-spending-on-r-d.htm>
- [18] Gross domestic spending on R&D. OECD. 2016. URL: <https://data.oecd.org/rd/gross-domestic-spending-on-r-d.htm>.
- [19] Research and development expenditure (% of GDP). World Bank. 2014. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS?end=2014&locations=CN-US&start=2000>.
- [20] Pollution Index for Country 2017. Numbeo. 2017. URL: https://www.numbeo.com/pollution/rankings_by_country.jsp?title=2017
- [21] CO2-emissions. Global Carbon Atlas. URL: <http://www.globalcarbonatlas.org/en/CO2-emissions>.
- [22] Hou Liqiang. Report identifies sources of mass protests. China Daily. 04.09.2014. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2014-04/09/content_17415767.htm.
- [23] Sharmin Mossavar-Rahmani, Jiming Ha, Maziar Minovi, Matheus Dibo. China's Great Dilemma. Goldman Sachs Investment Strategy Group. 01.2016. P. 37. URL: <http://www.goldmansachs.com/what-we-do/investment-management/private-wealth-management/intellectual-capital/isg-china-insight-2016.pdf>.
- [24] Zhang Jianfeng. Xi expounds on guideline for 13th Five-year Plan. 11.03.2015. URL: <http://english.cntv.cn/2015/11/03/ARTI1446559744633822.shtml>.
- [25] Highlights of proposals for China's 13th Five-Year Plan. Xinhuanet. 11.04.2015. URL: http://news.xinhuanet.com/english/photo/2015-11/04/c_134783513.htm.
- [26] List of Countries by Projected GDP Growth. Statistics Times. 16.12.2016. URL: <http://statisticstimes.com/economy/countries-by-projected-gdp-growth.php>.

Особенности экономики КНР в период с 2000 по 2016 гг.: устойчивость экономического роста

Е.Н. Моисеева

Школа востоковедения

Факультет мировой экономики и мировой политики
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Малая Ордынка ул., 17, стр. 1, Москва, Россия, 119017

Цель данной работы – на основе исторических данных выявить причины замедления темпов экономического роста КНР в период с 2000 по 2016 гг., а также, используя статистику прошлых лет, выяснить, возможно ли вернуться к высоким темпам экономического роста или же сохранить текущие показатели роста ВВП в пределах 6–7%. Автор работы полагает, что Китай не способен вернуться к высоким темпам экономического роста или сохранить имеющиеся показатели в долгосрочной или краткосрочной перспективе. Данная гипотеза будет подтверждена применением описательного и исторического методов исследования, которые включают в себя сбор, проверку и синтез информации в период с 2000 г. и по настоящее время.

Ключевые слова: замедление экономического роста Китая, партия-государство, экономическая реструктуризация, инновации, дешевая рабочая сила

Информация об авторе / Information about the author

Моисеева Елизавета Николаевна, магистрант Школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Elizaveta Moiseeva, master student in National Research University Higher School of Economics Faculty of World Economy and International Affairs, School of Asian Studies

E-mail: elizaveta.moiseeva1@mail.ru

Для цитирования / For citations

Моисеева Е.Н. Особенности экономики КНР в период с 2000 по 2016 гг.: устойчивость экономического роста (Eng) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2018. Т. 10. № 4. С. 393–402. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-4-393-402

Moiseeva E.N. Characteristics of Chinese economy in 2000–2016: economic growth sustainability. *RUDN Journal of World History*. 2018. 10(4): 393–402. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-4-393-402

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 17.03.2018

DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-4-403-414

Великие Панафинеи в греческой драматургии

Т.Б. Гвоздева

Российский университет дружбы народов
Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10–2

Произведения греческих драматургов классического периода представляют собой интересный источник по истории панафинейского праздника. Трагедии Эсхила, Софокла, Еврипида и комедии Аристофана содержат сведения как о сакральной части Великих Панафиней, так и об агонах Панафинейских игр. Из элементов сакральной части панафинейского праздника чаще всего упоминаются праздничный пеплос для Афины, участники торжественной панафинейской процессии, ночное шествие, жертвоприношение. В состав Панафинейских игр входили как агоны, характерные для панэллинских игр, доступные для граждан Эллады, так и местные состязания, к участию в которых допускались только граждане Афин. Упоминание агонов, присущих панэллинским играм, можно встретить во многих произведениях греческих драматургов, но нигде нет уточнения, что речь идет именно о Панафинейских играх. Зато интересно отметить, что в большей степени упоминаются и в трагедиях, и особенно в комедиях Аристофана местные состязания, которые носили сакральный характер.

Ключевые слова: Великие Панафинеи, Панафинейские игры, Афины, Аристофан, пирриха, лампадедромия, эвандрия, рannuchis, панафинейские амфоры

Введение

Праздник Великие Панафинеи, посвященный Афине Полиас, являлись главным государственным праздником афинского полиса. Панафинейские игры, проводимые с 566 г. до н.э. как составная часть Великих Панафиней, были организованы по образцу Олимпийских игр и проводились через пять лет, на третий год Олимпиады [14. Р. 13–27; 5. С. 36–47].

Методы и материалы

Одним из интересных источников по теме панафинейского праздника являются произведения греческих драматургов классического периода. Древнеаттическая комедия отражала реалии как политической, так и культурной жизни Афин. Греческой трагедии также не чужда была политическая тематика, которая в той или иной степени нашла в ней свое отражение. Эсхил в «Эвменидах» специально переносит действие в Афины, чтобы представить в

идеальном виде афинский Ареопаг. Софокл включает в свои трагедии «Эдип в Колоне» (668–719) и «Аякс» (1221) строки о прославлении Афин, как лучшего полиса в Элладе. Не чужд был подобных чувств и Еврипид. Патриотическим воодушевлением была проникнута песнь хора в «Медее» (824–845). В трагедиях «Троянки», «Гераклиды» и «Просительницы» Афины прославляются как идеал мудрости и справедливости. Сходные мотивы встречаются в трагедиях Еврипида «Эгей», «Тезей» и «Эрехтей». Даже великий насмешник Аристофан нередко обращался к теме доблести афинского народа в своих комедиях (*Equ.* 551–610; *Nub.* 299–313; *Vesp.* 1071–1090). Поэтому большой интерес по истории важнейшего государственного праздника Афин – Великим Панафинеям – вызывают у нас произведения греческих драматургов V–IV вв. до н.э. Особенно интересны комедии Аристофана и трагедии Софокла и Еврипида, т.к. их творчество попало на тот период, когда Великие Панафинеи были главным праздником не только Афин, но I Афинского Морского союза [10. С. 195; 11. Р. 65–96; 7. С. 64–95]. Какие же элементы праздника Великие Панафинеи упоминаются в произведениях греческих драматургов классического периода?

Исследование проблемы

Мифологическим основателем панафинеийского праздника многие античные авторы называли афинского автохтона Эрихтония (Harp. s.v. *Panathenaia* = *Hellanicus* FGrH 323a F2, *Androtion* FGrH 324 F2; *Eratos. Catast.* 13; *Apoll.* III. 14. 6; *Hyg. Astr.* II. 13. 2; *schol. Plat. Parm.* 127a; *schol. Aristoph. Nub.* 385; *schol. Ael. Aristid.* XIII. 189, 4–5). Рожденный Геей от семени Гефеста (*Amelesagoras* FGrH 330 F1; *Eratos. Catast.* 13), Эрихтоний был взят Афиной на воспитание и тайно перенесен на Акрополь. Богиня спрятала Эрихтония в корзине со змеями (*Eur. Ion.* 23), передав ее трем дочерям афинского царя-автохтона Кекропа – Кекропидам (*Amelesagoras* FGrH 330 F1; *Eur. Ion.* 273; *Hyg. Fab.* 166). Став царем Афин Эрихтоний основал в честь Афины праздник Панафинеи (Harp. s.v. *Panathenaia* = *Hellanicus* FGrH 323a F2, *Androtion* FGrH 324 F2; *Eratos. Catast.* 13; *Apoll.* III. 14. 6; *Hyg. Astr.* II. 13. 2; *schol. Aristoph. Nub.* 385; *schol. Ael. Aristid.* XIII. 189, 4–5). Также он установил процессию в честь Афины (*Eratos. Catast.* 13), стал основателем состязания апобатов (*Eratos. Catast.* 13; *Hyg. Astr.* II. 13,1–2), установил институт канефор (*Harp. s.v. kanephoroi*) и таллофор (*schol. Aristoph. Vesp.* 544).

Какую же информацию об основателе Панафинеи мы находим у афинских драматургов? Еврипид в трагедии «Ион» называл Эрихтония «земле-рожденным» (*Eur. Ion.* 267–268; 999–1000). Аристофан упоминает о нем как о змее, живущем в храме Афины на Акрополе (*Aristoph. Lys.* 776). Эрихтоний считался покровителем афинского полиса, и святилищу Афины на Акрополе (*Hdt.* 8.41; *Aristoph. Lys.* 758–759 и *schol.*; *Plut. Them.*, 10). Змей почитался афинянами на Акрополе, где ему приносили в жертву медовые лепешки, как отмечает Аристофан в «Лисистрате» (*Aristoph. Lys.* 758–759, *schol.*). О лепеш-

ках в корзинах канефор упоминается и в комедии «Женщины в народном собрании» (Aristoph. *Eccl.* 728).

Панафинейский праздник проводились в 20-х числах месяца гекатомбеона (Prokl. In Plat. *Tim.* 98). Особое значение он получил в правлении Писистрата, который пытался превратить Афины в новый культурный и религиозный центр Эллады [7. С. 64–95]. После реформы праздника 566 г. до н.э. в архонство Гиппоклида помимо ежегодных, Малых Панафиней (Menandr. Fr. 427k), на третий год каждой Олимпиады стали проводиться четырехлетние Великие Панафиней [6. С. 60–82]. Ежегодный праздник продолжался от 3 до 4 дней, тогда как Великие Панафиней могли длиться до 7–8 дней (schol. Eur. *Hec.* 469; schol. Aristid. *Panath.* 147).

Панафинейский праздник состоял из двух частей: сакральной и светской. К сакральной части относились торжественная панафинейская процессия, молитвы и жертвоприношение. Светская часть же включала в себя состязания на Панафинейских играх и пир, устраиваемый после них.

Кульминацией праздника Великие Панафиней было 28 гекатомбеона. В афинском календаре этот день считался днем рождением Афины [14. Р. 13]. В ночь накануне 28 гекатомбеона в Афинах проводилось особое ночное шествие (*rannuchis*). Интересно, что *rannuchis* проводилось и на Великих и на Малых Панафинейях. Гиеропеям, устраивающим ежегодные Панафиней, предписывалось провести «ночное празднество в честь богини как можно прекраснее» (IG II² 334, lin. 30). Упоминание о *rannuchis* можно найти в трагедиях Эсхила и Еврипида. В «Эвменидах» Эсхила Афина произносит речь, в которой предлагает всем гостям полиса принять участие в ночном факельном шествии, в котором ее будут сопровождать некие «служительницы храма», главная задача которых – оберегать «кумир» богини (ксоанон), т.е. древний деревянный идол Афины, хранящийся в Эрехтейоне (Aesch. *Eum.* 1023–1030). Мифологическая традиция приписывает сооружение ксоанона Афины Эрихтонию (Apol. III. 14. 6), так же, как и возведение храма в честь богини, который он построил ей на Акрополе (Hug. *Astr.* II. 13. 1). Монолог Афины завершают слова о том, что за «прислужницами» богини в шествии пойдет весь афинский народ – и старики, и дети, и женщины и мужчины, одетые в пурпурные плащи в честь торжества (Aesch. *Eum.* 1027–1030). В этом фрагменте «Эвменид» речь, несомненно, идет о *rannuchis* на Великих Панафинейях (458 г. до н.э.) (ср.: Heliod. *Aeph.* I. 10). Описание *rannuchis* находим в трагедии Еврипида «Гераклиды», где речь идет о ночном шествии в Афинах, в котором афинские юноши и девушки пели гимны и исполняли особые танцы. Более того, у Еврипида упоминалось состязание хоров, которое было элементом *rannuchis* на Панафинейях (Eur. *Her.* 777–783) [9. С. 39–49].

Ночное шествие 28 гекатомбеона сменялось торжественной панафинейской процессией (*rompa*). Эсхил в трагедии «Эвмениды» упоминает о том, что именно в Афинах проводятся многочисленные праздничные шествия, равных которым нет в других городах (*Eum.* 855–860). Интересно, что свою три-

логию «Орестея» Эсхил представил на состязание Великих Дионисий как раз в год проведения Великих Панафиней (458 г. до н.э.). И возможно, что зрители театра Диониса были и на Великих Панафинях три месяца назад, и даже принимали участие в панафинейской процессии.

Панафинейская процессия включал в себя не только афинских граждан. В ней могли принимать участие и метеки, и рабы, а в эпоху I Афинского Морского союза представители союзников (IG II² 76) [15. P. 63. Pl. 16.2, 17,2; 12. P. 111. Fig. 152].

Наибольший интерес представляла собой та часть процессии, в которой афинские граждане и метеки несли священные предметы, т.к. они неоднократно упоминаются в комедиях Аристофана [3. С. 76–81]. Так, в комедии «Женщины в народном собрании» Хремет перечисляет участников процессии, сравнивая их с различными бытовыми предметами (*Eccl.* 730–743). Юные девушки, выбранные из самых знатных аристократических родов, выполняли роль канефор (*Eccl.* 728). В процессии они изображали Кекропид (Thuc. VI, 56, 1; Arist. *Ath. Pol.* 18, 1; Ael. *VH.* II, 8; schol. Ael Aristid. *Panath.* III p. 343), и несли в корзинах для Афины в дар бескровные жертвы, возможно лепешки для Эрихтония (Thuc. VI. 56. 1; Arist. *Ath. Pol.* 18. 1) [1. С.114–137]. Канефоры также упоминаются в комедии Аристофана «Лисистрата» (Aristoph. *Lys.* 668; 641–643).

Также в перечне Хремета присутствуют таллофоры (*Eccl.* 743). Таллофоры – это «красивые старцы» из знатных аристократических родов, несущие в своих руках ветки священной маслины (Xen. *Symp.* IV, 17; schol. Aristoph. *Vesp.* 544). Аристофан упоминает о таллофорах в комедии «Осы» и «Законодательницы» (Aristoph. *Vesp.* 540– 545). Также в своих комедиях о таллофорах писали Кратин и Ферекрат (Kratinos fr.33 (PCG); Pherekrates fr. 63 (PCG)). Интересно, что канефоры и таллофоры были связаны с культом Эрихтония [4. С. 71–75].

В панафинейской процессии также участвовали и афинские метеки. В комедии «Птицы» (414 г. до н. э.) Аристофан впервые упомянул дифрофору и скиадефору (*Av.* 1550–1552), роли которых выполняли юные дочери метеков. Скиадефоры несли за канефорами зонты (*Av.* 1508; 1550–1552), а дифрофоры – скамейки (Aristoph. *Av.* 1549–1551; schol.) [13. S. 49]. Их же называет Хремет (Aristoph. *Eccl.* 734).

Кроме того, в монологе Хремета упоминаются гидрофоры (*Eccl.* 738), роли которых обычно исполняли жены метеков, несущие гидрии с водой [13. S. 28], музыканты (кифарист) (*Eccl.* 739) и скафефоры (*Eccl.* 738). В ролях последних выступали мужчины-метеки, несущие золотые и серебряные прямоугольные лотки (скафы), полные пчелиных сот, печенья и лепешек (Poll. III. 55). Эти бескровные жертвы также предназначались для Эрихтония [13. S. 25; 15. P. 60].

Однако главная цель панафинейской процессии состояла в передаче жрецу Афины нового пеплоса. В трагедии Эсхила «Семеро против Фив» встречается

упоминание о пеплосе, священном даре, который подносили афиняне богине в главный день праздника (101). Гекуба, героиня одноименной трагедии Еврипида, соткала Афине праздничный пеплос, в котором богиня должна была править колесницей (Eur. *Hes.* 466–473).

В трагедиях Еврипида «Гекуба» (466–473) и «Ифигения Таврическая» (221–224) есть важные указания о цвете пеплоса и о рисунке, украшавшем его (сцены титаномахии). Несколько упоминаний о панафинеяном пеплосе можно найти и у Аристофана в комедиях «Птицы» (827–828) и «Всадники» (566). В комедии «Лисистрата» речь идет об аррефорах (641–642), в обязанности которых входило помогать жрице Афины ткать праздничный пеплос для богини [8. С. 71–77].

На Великих Панафинеях было два жертвоприношения – гекатомба Афине Парфенос (Eur. *Heraclid.* 777; Philostr. *Vit. Apoll. Tian.* IV. 22) и «двойкая» жертва Афине Полиас и Пандросе (Ном II. II. 546–551). Большая жертва Афине Парфенос (гекатомба) состояла из 100 голов крупного рогатого скота (Philos. *Vit. Apoll. Tian.* IV. 22). Об этой жертве речь идет в трагедии Еврипида «Гекуба» (Eur. *Her.* 777). Мясо, оставшееся после гекатомбы, отдавали народу на пир (Aristoph. *Nub.* 386–387). В повседневной жизни греки редко употребляли мясо, поэтому спешили наесться во время пира. Обжора, переевший «отварных рубцов» на Панафинеях и страдающего утром от «бурчанья в животе», показан в комедии Аристофана «Облака» (*Nub.* 385–387). В схолии к этим строкам отмечается, что для жертвоприношения все полисы Аттики и колонии Афин должны были посылать по одному быку (schol. Aristoph. *Nub.* 385).

Важной частью Великих Панафинея были состязания. Панафинеяские игры, образованные по образцу Олимпийских и Пифийских игр, включали в себя ряд интересных состязаний, как панэллинского, так и местного значения. В состязаниях, характерных для панэллинских игр (мусические, атлетические и конные агоны), могли принять участие как афинские граждане, так и инополиты. Что касается местных агонов, в которых могли участвовать только афинские граждане, то они включали в себя пирриху (состязания в военных танцах), эвандрию (состязание в красоте среди мужчин), лампадедромию (факельная эстафета), апобатию (попеременный бег и скачка на колесницах) и состязание кораблей. Все эти агоны, в отличие от панэллинских, были командными.

Из местных состязаний Панафинеяских игр в комедии Аристофана «Облака» упоминается состязание пиррихистов в военном танце, посвященном Афине (*Nub.* 984–990). Согласно мифологической традиции этот танец был впервые исполнен самой Афиной по случаю победы олимпийских богов над гигантами/титанами (Plat. *Leg.* VII, 796 b–c; Athen. IV, 184 F; Luc. *D. Deor.* 8), или после своего рождения из головы Зевса (Luc. *Salt.* 39, 44). В исполнение пиррихии принимали участие команды, сформированные по филам. Кроме того, всех пиррихистов делили по возрасту (Lys. XXI. 1, 4). Для сер. IV в. до н.э. были известны 3 возрастные группы исполнителей пиррихи (IG II² 2311,

lin. 72–74). В «Облаках» речь идет о пиррихистах второй возрастной подгруппы – т.н. «юноши»: Правда обвиняет Кривду в разращении современных молодых людей, которым далеко до знаменитого поколения «марафонских бойцов». Этот тезис Правда иллюстрирует слишком резкими движениями эфебов, исполняющих пирриху (*Nub.* 984–990).

В комедии Аристофана «Осы» упоминается таллофоры (*Vesp.* 540–542), «прекрасные старцы», несущие ветви маслины в панафинейской процессии. Возможно, они являлись «ветеранами» эвандрии – состязания в красоте среди мужчин. Это состязание, также как и пирриха, проводилось между командами, которые были сформированы по филам (schol. Aristoph. *Vesp.* 544; ср.: Xen. *Symp.* IV. 17).

Из легкоатлетических состязаний наиболее древним являлся бег. Именно с него начинают отсчет античные Олимпийские игры. Впервые афиняне одержали победу в Олимпии именно в беге – в 696 г. до н.э. (21-я Олимпиада) в «коротком беге» (на 1 стадий) победил афинянин Пантакл (Moretti, № 25). В программу Панафинейских игр были включены все известные по олимпийской программе виды бега – «короткий» (1 аттический стадий равнялся 177, 6 м), «двойной», «длинный» и бег вооруженных гоплитов. Аристофан в комедиях «Ахарняне» (*Achar.* 215) и «Осы» (*Vesp.* 1206) упоминает имя знаменитого бегуна Фаилла из Кротона, который прославился своими победами на Пифийских и на Панафинейских играх. Бегуны состязались обнаженными, и этот момент Аристофан использовал в качестве эротической метафоры в комедии «Лисистрата» (*Lys.* 1102–1105).

Одним из наиболее тяжелых видов бега был бег вооруженных гоплитов – гоплитодромос (*goplithodromos*), поэтому в нем соревновались только взрослые мужчины. Участники этого бега состязались в шлемах и со щитом (или копьем) в руках. В комедии «Птицы» Аристофан сравнивал гоплитодромов с птицами, у которых на головах развиваются гребни, как султаны на шлемах бегунов (*Av.* 290–292). Из схолий известно, что на Панафинейских играх бег гоплитов был на два стадия (schol. Aristoph. *Av.* 291–292).

Однако стоит отметить, что в Афинах большой популярностью пользовался факельный бег (*lampadedromia*). В Афинах он был включен в программу всех праздников богов – покровителей ремесел – Панафиней, Гефестий, Прометей (Harp. s.v. *lampas* = Polemon fr. 6 Preller). Состязание относилось к «местным» агонам Панафинейских игр и было связано с мифом об Эрихтонии [2. С. 112–127]. На греческих праздниках были известны разные виды факельного бега – бег с факелом, факельная эстафета и даже конная факельная эстафета. На Панафинейских играх проводилась командная факельная эстафета, сформированная по филам: 40 эфебов от каждой команды (IG II² 2311, lin. 77). Сменяющие друг друга бегуны часто использовались в драматургами в качестве метафоры. В трагедии Эсхила «Агамемнон» Клитемнестра описывает сигнальные огни, которые оповестили царицу о взятии Трои, подобно огню в факельной эстафете (*Agam.* 295–328). Аристофан в комедии «Лягушки» опи-

сал «горе-бегуна», который «с сопением и кряхтением» пытался пробежать свой участок трассы и у которого потух факел. Зрители встретили его криками, а потом побили (*Ran.* 1089–1098). Подобную же сцену Аристофан описал в комедии «Богатство 1-е» (фр. 459).

Образ болельщика, сидящего на столбе и наблюдающего за бегом, был выведен Аристофаном в комедии «Лягушки» (*Ran.* 129–133). В комедии «Осы» факельный бег упомянут как нечто великое и достойное (*Vesp.* 1204–1207). В случае победы награждались все члены команды, независимо от того, стартовал спортсмен или финишировал: «первый и последний честь равно стяжали» (*Aesch. Agam.* 326).

Пятиборье, в которое входили бег, борьба, прыжки в длину, метание копья и диска, также было составной частью Панафинейских игр. В несохранившейся трагедии Софокла «Ларисейцы» описывался эпизод, когда Персей принимал участие в состязании, устроенном царем г. Лариссы. Персей принял участие в нем и, метнув диск, случайно убил своего деда Акрисия. В трагедии Еврипида «Алопа» царь Керкион упоминает борцов, отдыхающих от состязания в беге (фр 4 (105)). Возможно, что речь шла о пятиборцах.

Среди прочих соревнований наибольшей популярностью пользовались единоборства – борьба, кулачный бой и панкратион, которые считались самыми «тяжелыми» состязаниями (*Paus.* VI. 24. 1). Интересно, что все три «тяжелых» вида спорта перечисляются как достижения женихов во время сватовства в сатировой драме Софокла «Эней» (fr. 1130). А в комедии Аристофана «Мир» элементы всех трех единоборств используются в качестве эротической метафоры (*Pax.* 894–899). Описания единоборств на Панафинейских играх в греческой драме нет. В комедии «Осы» Аристофан упоминает имя панкратиаста, олимпийца 424 г. до н.э. Эфудиона (*Vesp.* 1190–1194), однако мы не знаем, принимал ли он участие в Панафинейских играх. В несохранившейся целиком трагедии Софокла «Амик» возможно описывался кулачный бой с Амика с Полидевком.

Различные приемы борьбы, панкратиона и кулачного боя часто использовались Аристофаном в качестве политической метафоры (*Ran.* 541–550; 618–622; 663; *Pax.* 236–237; *Equ.* 704–707). Так, в борьбе побежденным признавался тот атлет, который трижды коснулся телом земли. В комедии «Всадники» Аристофан прославляет афинян, поколенья «марафонских бойцов», которые «трижды падали на землю» перед неприятностями, но потом поднимались с новыми силами (*Equ.* 571–573). У Эсхила в «Теорах» борьба противопоставлена пляске (*Aesch. Fr.* 78a).

Самым престижным видом олимпийской программы считались конные состязания – ристания колесниц и скачки на лошадях. Бег колесниц был самым «дорогостоящим» видом спорта, в котором могли участвовать только лучшие из граждан, знатные и богатые (*Dem.* LXI. 24; *Diog. Laert.* VIII. 2. 51). В соответствии с автохтонной концепцией происхождения афинян Афине приписывали изобретение спортивной колесницы. В трагедии Эсхила «Эв-

мениды» Афина торжественно появляется в своем городе, въехав в него на колеснице (*Eum.* 403–405).

Именно конные состязания стали темой конфликта в комедии Аристофана «Облака». Главный герой комедии крестьянин Стрепсиад никак не хочет одобрить увлечение своего сына Фидиппида конными состязаниями (*Nub.* 1399–1407). Он жалуется на сына, который разорил его дорогостоящими развлечениями – ристаниями колесниц, запряженных четверкой лошадей (*Nub.* 14–15). Этот экипаж считался самым престижным в конном агоне как панэллинских игр, так и Панафинейских. Стрепсиад обещает сыну, что он будет управлять такой колесницей (*Nub.* 68–69). Самая большая награда на них предназначалась именно победителю в этом виде состязаний (140 амфор). Фидиппид в «Облаках» видит себя во сне колесничим, который совершает несколько кругов на гипподроме (*Nub.* 25–29). Конные состязания на Панафинейских играх проводились на специально выстроенном гипподроме в Эхелиде (дем в Элевсине). Колесницы совершали поворот вокруг специального поворотного столба (меты). Вестник в трагедии Еврипида «Медея» рассказывает Медее, как погибла от отравленного пеплоса в огне ее соперница, и при описании этой ужасной картины он использует сравнение с метой (*Eur. Med.* 1382–1396).

Особый интерес представляют упоминания в «Облаках» новых «военных» конных состязаний на Панафинейских играх, в частности о состязаниях «военных колесниц» (*Nub.* 28). В сер. IV в. до н.э. это скачки на военных лошадях, состязания военных колесниц, запряженных двумя взрослыми лошадьми, состязание процессиональных колесниц, запряженных двумя лошадьми, и метание копья с лошади (IG II² 2311, lin. 58–72).

Награждался победитель священным оливковым маслом, которое вручали в так называемой призовой панафинейской амфоре (*Arist. Ath. Pol.* 60. 1). В трагедии Софокла «Эдип в Колоне» (695–708) дается подробное описание древней маслины, священного дара Афины городу, которому нет равных нигде, и которое никто не может срубить под страхом смертной казни, если только он не враг (ср.: *Lys.* VII. 6–7). Священное оливковое масло наполняло панафинейские призовые амфоры и являлось главным атрибутом Панафинейских игр.

Результаты

Из всех драматургов чаще всего мы находим упоминания о главном празднике Афин и о Панафинейских играх у Аристофана («Облака», «Лягушки», «Осы», «Богатство 1-е», «Всадники», «Птицы», «Женщины в народном собрании», «Мир»). В комедии «Мир» Панафиней названы важнейшим афинским праздником (*Pax.* 418). У авторов трагедий наименования праздника мы не встречаем.

Из элементов праздника Великие Панафинеи чаще всего упоминаются праздничный панафинеийский пеплос, участники торжественной панафинеийской процессии и *rannuchis*, реже пир и жертвоприношение. Что касается состязаний Панафинеийских играх – панэллинских и местных, то часто встречаются в трагедиях и в комедиях элементы агонов, присущих панэллинским играм, но нигде нет указания о том, что речь идет именно о Панафинеийских играх. Зато интересно отметить, что в большей степени упоминаются и в трагедиях, и особенно в комедиях Аристофана т.н. местные состязания, в которых принимали участие только афиняне и которые носили сакральный характер (лампадедромия, пирриха, и возможно, эвандрия). Нигде нет упоминания и призовых панафинеийских амфорах, но у Софокла хор славит священную маслину Афин. Интересно отметить, что прямого наименования панафинеийского праздника у трагических поэтов не встречается; его можно найти только у Аристофана, да и то, только в 3 комедиях – дважды в «Облаках», и по одному разу в «Лягушках» и «Мире».

Заключение

Подводя итоги, хотелось бы обратить особое внимание на драмы, поставленные в год празднования Великих Панафинеи. Из вышеупомянутых произведений греческих трагических поэтов это трилогия Эсхила «Орестея» (458 г. до н.э.), «Эдип в Колоне» Софокла (401 г. до н. э.), «Ифигения в Тавриде» Еврипида (414 г. до н. э.) и, возможно, трагедия Еврипида «Гераклиды», время постановки которой предположительно датируется 430 г. до н. э. (также год проведения Великих Панафинеи). В этих трагедиях упомянуты такие элементы Великих Панафинеи, как панафинеийская процессия, ночное шествие, жертвоприношение, пеплос и священная маслина. Если же обратиться к Аристофану, то только две из сохранившихся комедий, дата постановки которых точно установлена, были поставлены в год проведения 4-летнего панафинеийского праздника. Это комедии «Осы» (422 г. до н. э.) и «Птицы» (414 г. до н. э.). В них упомянуты сакральные фигуры панафинеийского шествия (таллофоры, скиадефоры, дифрофоры) и пеплос. Таким образом, в драмах, поставленных в год проведения Великих Панафинеи, в целом освещены элементы сакральной части панафинеийского праздника – ночное шествие, проводившегося в ночь с 27 на 28 гекатомбеона, торжественная процессия 28 гекатомбеона, жертвоприношение и пеплос. Ни в одной из этих драм панафинеийский праздник напрямую не назван. Очевидно, 4-летний праздник отмечался столь масштабно, что упоминать его специально через 5 (на Ленеях, проводившихся в месяце Гамелион) или 7 (на Великих Дионисиях в месяце Элафеболион) месяцев спустя не имело особого смысла. Зрители, заполнившие театр Диониса, хорошо понимали, о каком событии идет речь.

БИБЛИОГРАФИЯ

- [1] Гвоздева Т.Б. Мотив Кекропид в Аррефориях и Панафинеях // *Древний Восток и античный мир*. М., 1998. Вып. 1. С. 114–137.
- [2] Гвоздева Т.Б. Культ огня на Великих Панафинеях // *Вестник Московского университета*. Серия 8. История. 2002. № 5. С. 112–127.
- [3] Гвоздева Т.Б. Панафинеяская процессия в комедиях Аристофана и на панафинеяском фризе // *Альманах славяно-греко-латинского кабинета приволжского федерального округа*. Н. Новгород, 2009. Вып. 2. С. 76–81.
- [4] Гвоздева Т.Б. Эрихтоний и Панафинеи // *Из истории античного общества*. Н. Новгород, 2010. Вып. 13. С. 61–80.
- [5] Гвоздева Т.Б. Великие Панафинеи: в тени Олимпийских игр // *Вестник Российского университета дружбы народов*. 2011. № 2. С. 36–47.
- [6] Гвоздева Т.Б. Агональная программа Панафинеяских игр в эпоху Писистрата // *Древний восток и античный мир*. М., 2012. Вып. VIII. С. 60–82.
- [7] Гвоздева Т.Б. Великие Панафинеи – праздник Афинской Архэ // *Олимпийские игры в политике и культуре*. М., 2013. С. 64–95.
- [8] Гвоздева Т.Б. Панафинеяский пеплос на фризе Парфенона // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Всеобщая история. М., 2014. № 2. С. 71–77.
- [9] Гвоздева Т.Б. Ночное шествие на Панафинеях // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Всеобщая история. М., 2016. № 1. С. 39–49.
- [10] Строецкий В.М. Афины и Спарта: борьба за гегемонию в Греции в V в. до н.э. (478–431 гг.). Спб., 2008.
- [11] Gvozdeva T. B. The Greater Panathenaia and the Olympic Games: why did not Panathenaia Become the Panhellenic festivals? // *Mesogeios*. 24. Les Jeux Olympiques dans l'Antiquité. Éditions Hêrodotos, Paris. 2004. P. 65–96.
- [12] Bérard C. A City of Images: Iconography and Society in Ancient Greece. Princeton, 1989.
- [13] Deubner L. Attische Feste. Berlin, 1956.
- [14] Neils J. The Panathenaia: An Introduction // *Goddess and Polis: The Panathenaic festival in ancient Athens*. Ed. J. Neils. Princeton, 1992. P. 13–27.
- [15] Simon E. Festivals of Attica. An archaeological commentary. Madison, 1983.

REFERENCES

- [1] Gvozdeva T.B. Motiv Kekropid v Arreforiyah i Panafineyah [Motive Cecropid in Arrephoraia and Panathenaia] // *Drevnij Vostok i antichnyj mir* [Ancient East and antique world]. M., 1998. Vyp. 1. S. 114–137.
- [2] Gvozdeva T.B. Kul't ognja na Velikih Panafinejah [The cult of fire on the Greater Panathenaia] // *Vestnik Moskovskogo Universiteta*. Serija 8. Istorija [Vestnik Moskovskogo Universiteta. Series 8. History]. M., 2002. № 5. S. 112–127.
- [3] Gvozdeva T.B. Panafinejskaya processiya v komediyah Aristofana i na panafinejskom frize [Panafinejskaya procession in the comedies of Aristophanes and panafinejskom frieze] // *Almanah slavyano-greko-latinskogo kabineta privolzhsokogo federalnogo okruga* [Almans of the Slavic-Greek-Latin Cabinet of the Volga Federal district]. N.Novgorod, 2009. Vyp. 2. S. 76–81.
- [4] Gvozdeva T.B. Jerihthonij i Panafinei [Erichthonius and Panathenaia] // *Iz istorii antichnogo obshhestva* [From the history of ancient society]. Vyp. 13. N. Novgorod, 2010. S. 61–80.

- [5] Gvozdeva T.B. Velikie Panafinei: v teni Olimpijskih igr [Great Panathenaia: in the shadow of the Olympic games] // Vestnik Rossijskogo Universiteta Druzby Narodov [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia]. 2011, № 2. S. 36–47.
- [6] Gvozdeva T.B. Agonalnaya programma Panafinejskih igr v epohu Pisistrata [Agonal programme of the Panathenaic games in the age of Pisistratus] // Drevnij vostok i antichnyj mir [Ancient East and antique world]. M., 2012. Vyp. VIII. S. 60–82.
- [7] Gvozdeva T.B. Velikie Panafinei – prazdnik Afinskoj Arhe [Great Panathenaia – festival of the Athenian Arche] // Olimpijskie igry v politike i kulture [Olympic games in politics and culture]. M., 2013. S. 64–95.
- [8] Gvozdeva T.B. Panafinejskij peplos na frize Parfenona [The Panathenaic peplos on the Parthenon frieze] // Vestnik rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya Vseobshaya istoriya [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series World History]. M., 2014. № 2. S. 71–77.
- [9] Gvozdeva T.B. Nochnoe shestvie na Panafineyah [Night procession on Panathenaia] // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya Vseobshaya istoriya [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series World History]. M., 2016. № 1. S. 39–49.
- [10] Strogeckij V.M. Afiny i Sparta: borba za gegemoniyu v Grecii v V v. do n.e. (478–431 gg.). [Athens and Sparta: the struggle for hegemony in Greece in the V century BC (478–431 biennium)]. SPb., 2008.
- [11] Gvozdeva T.B. The Greater Panathenaia and the Olympic Games: why did not Panathenaia Become the Panhellenic festivals? // Mesogeios. 24. Les Jeux Olympiques dans l'Antiquité. Éditions Hérodotos, Paris. 2004. P. 65–96.
- [12] Bérard C. A City of Images: Iconography and Society in Ancient Greece. Princeton, 1989.
- [13] Deubner L. Attische Feste. Berlin, 1956.
- [14] Neils J. The Panathenaia: An Introduction // Goddess and Polis: The Panathenaic festival in ancient Athens. Ed. J. Neils. Princeton, 1992. P. 13–27.
- [15] Simon E. Festivals of Attica. An archaeological commentary. Madison, 1983.

Great Panathenaia in Greek drama

T.B. Gvozdeva

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
10–2 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia

The works of the Greek playwrights of the classical period are an interesting source on the history of the panatheniac festival. The tragedies of Aeschylus, Sophocles, Euripides, and the comedies of Aristophanes contain information about both the sacred part of the Great Panathenaia and agones the Panathenaic games. Of the elements of the sacral part of the Panathenaic festival were most often mentioned holiday peplos for Athena, the participants of the Panathenaic procession, the night procession, sacrifice. Part of the Panathenaic games were both in agony, which is characteristic for the Panhellenic games available for the citizens of Greece and local competitions, participation in which was limited only to the citizens of Athens. The mention of agones inherent in the Panhellenic games can be found in many works

of Greek playwrights, but nowhere is there a clarification that we are talking about the Panathenaic games. But it is interesting to note that more mentioned in the tragedies, and especially in the comedies of Aristophanes local competitions, which were sacred.

Key words: Great Panafinei, Panathenaic games, Athens, Aristophanes, pasricha, lampadedromy, Mandria, pannuchis, Panathenaic amphorae

Информация об авторе / Information about the author

Гвоздева Татьяна Борисовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории РУДН.

Tatiana Gvozdeva, PhD in History, Associate Professor of the Department of World History, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University).

E-mail: tbgvozdeva@rambler.ru

Для цитирования / For citations

Гвоздева Т.Б. Великие Панафиней в греческой драматургии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2018. Т. 10. № 4. С. 403–414. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-4-403-414

Gvozdeva T.B. Great Panathenaia in Greek drama. *RUDN Journal of World History*. 2018. 10(4): 403–414. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-4-403-414

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 27.05.2018

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК
